

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук»

На правах рукописи

Войналович Елена Владимировна

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СКАЗОВОЙ СТИЛИЗАЦИИ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА И.С. ШМЕЛЁВА
«НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент И.Е. Ким

Новосибирск – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. СТИЛЬ, ИДИОСТИЛЬ И СТИЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1. История развития основных понятий и терминов идиостилистики «языковая личность», «идиолект», «идиостиль»	12
1.1. Вопрос изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект.....	13
1.2. История развития понятий <i>идиолект</i> , <i>идиостиль</i>	17
1.3. Изучение стиля писателя в период становления и формирования науки о языке художественной литературы.....	18
1.4. Становление идиостилистики (80-е – начало 90-х гг.).....	20
1.5. Развитие коммуникативной стилистики (90-е гг. XX-го века).....	22
1.6. Современное состояние изучения идиолекта и идиостиля писателя. Исследование стилистики корпусными методами	23
2. Стилизация как понятие и термин стилистики	27
2.1. Определение границ понятия «стилизация». Типы и функции стилизации	28
2.2. Стилизация в сопоставлении со смежными явлениями	31
2.3. Основные этапы развития явления стилизации	34
2.3.1. Основные объекты и тенденции стилизации в прозе XIX в.	35
2.3.2. Новаторство и преемственность традиций в стилизации языка прозы XX в.....	37
2.4. Сказ как разновидность стилизации и как литературный жанр	39
2.4.1. Сказ как разновидность стилизации.....	40
2.4.2. Литературный сказ как жанр (вид литературы)	43
2.5. Средства и способы создания сказовой формы повествования	45
2.6. Использование элементов народной речи как сказовый прием	48
3. Категория свойственности (сопричастности) / чуждости как объект лингвокультурологического исследования	52
4. Творчество И.С. Шмелёва как предмет филологических исследований.....	57
4.1. Духовный путь И.С. Шмелёва	59
4.2. Проблема народности в мировоззрении И.С. Шмелёва. «Экстракт русскости» писателя	63
4.3. Оппозиция «было» и «стало» в мировосприятии Шмелёва-эмигранта.....	66
4.4. Язык произведений И.С. Шмелёва как объект лингвостилистических исследований ..	67
5. Выводы к главе I.....	73
ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА И.С. ШМЕЛЁВА «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ».....	75
1. Корпус как метод лингвистического анализа.....	75
1.1. Основные понятия корпусной лингвистики. Создание и использование корпусов.....	76
1.2. Корпус романа «Няня из Москвы» И.С. Шмелёва: этапы создания	81

2. Лексико-грамматические и семантические категории слов как составляющая семантического пространства романа	84
2.1. Знаменательные части речи в тексте романа.....	85
2.1.1. Глагольные номинации в романе	86
2.1.2. Субстантивный мир романа	95
2.1.3. Адъективный мир романа.....	114
2.1.4. Наречия и предикативы в тексте романа	121
2.1.5. Местоимения-существительные и местоимения-прилагательные.....	124
2.1.6. Числительные в романе	125
2.2 Служебные части речи в тексте романа.....	126
3. Выводы к главе II	132
ГЛАВА III. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОПРИЧАСТНОСТИ И ЧУЖДОСТИ В РОМАНЕ	
И.С. ШМЕЛЁВА «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»: «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» МИР	135
1. Языковые средства реконструкции «своего» и «чужого» мира в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы».....	136
1.1. Фонетические средства в романе.....	137
1.1.1. Фонографические средства в романе	137
1.1.2. Метаплазматические средства	140
1.2. Словообразовательные средства в романе	142
1.2.1. Способы глагольного действия.....	142
1.2.2. Диминутивы и аугментативы.....	145
1.3. Средства выражения референции.....	147
1.4. Лексические средства выражения оппозиции «свой» / «чужой».....	149
1.4.1. Разговорно-просторечная лексика.....	149
1.4.2. Устаревшая, высокая лексика, фольклорные элементы.....	150
1.4.3. Диалектная лексика.....	151
1.4.4. Заимствованная лексика	152
1.5. Синкретичные единицы.....	153
1.6. Собственно-выразительные средства.....	157
2. «Свое» и «чужое» в номинативных классах романа	160
2.1. Пространство романа	161
2.2. Время романа	166
2.3. Номинативный класс «Предметы». Еда и напитки персонажей	168
2.4. Номинативный класс «Наименование лица»	174
2.5. Описание внешнего облика персонажей	177
2.6. Характеристика внутреннего мира персонажей	182
2.6.1. Умственная деятельность персонажей.....	184
2.6.2 Чувства, эмоции.....	186
2.7. Движение.....	188

2.8. Речевая коммуникация	190
2.9. Действия персонажей.....	191
2.9.1 Физическое воздействие	192
2.9.2 Поведение персонажа	192
2.10. Цветобозначения как маркеры оппозиции «свой» / «чужой»	194
3. Выводы к главе III.....	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	205
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	206

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено системному анализу языковых средств сказовой стилизации, позволяющих реконструировать оппозицию «свой» / «чужой» на примере романа И.С. Шмелёва «Няня из Москвы». Деление на «свой» и «чужой» мир с древности является фундаментальным принципом восприятия людьми универсума. Рассматривать данную оппозицию на лингвистическом уровне позволяют противопоставленные понятия сопричастность / чуждость.

Сопричастность определяется как «семантическая категория, характеризующая наличие связи между лицом, участвующим в психоментальном или знаковом событии, и лицом, предметом или событием, являющимся одним из объектов этого события, причем связи, осознаваемой лицом – участником психоментального или знакового события» [Ким 2011а: 162].

Актуальность работы определяется применением корпусных и количественных методов. Внимание исследователей, занимающихся лингвистикой текста, к компьютерным технологиям и стилеметрическим методам связано со стремлением к сплошному анализу языковых данных, к более высокому уровню их формализации, с тенденцией снижения субъективности разных этапов филологического анализа. Применение статистических методов позволяет выделить ядро и периферию единиц всех языковых уровней.

Кроме того, актуальность работы объясняется, с одной стороны, ростом исследовательского внимания к явлению сопричастности (С.Л. Сахно, Ю.С. Степанов, А.Б. Пеньковский, М.Н. Петроченко, А.Н. Серебренникова, А.Д. Апресян, Р.Н. Порядина, Е.В. Кишина, И.Е. Ким); с другой стороны, общим интересом к творчеству И.С. Шмелёва в целом и к языковым особенностям его произведений в частности. Помимо биографической и мемуарной литературы, большой интерес литературоведов вызывают «основные» романы писателя, а именно «Лето Господне», «Богомолье», «Солнце мертвых», «Пути Небесные».

Лингвостилистическая характеристика романа «Няня из Москвы» до сих пор давалась лишь фрагментарно в литературоведческих и лингвистических статьях,

существует единственная монография, посвященная литературоведческо-философской проблематике образа мира в исследуемом нами романе [Шешунова 2002]. Стилизационный же характер романа подробно не рассмотрен, хотя было установлено, что «поэтика сказа – стилевая доминанта произведения» [Руднева 2005: 116].

Систематический анализ приемов и средств стилизации сказа И.С. Шмелёва и реконструкция мировоззрения рассказчицы – носительницы народной речи – с помощью понятий сопричастности / чуждости определило **новизну** нашей работы. Впервые был создан корпус романа, частотный словарь, выявлено ядро лексикона произведения.

В качестве **текстового исследовательского источника материала** в диссертационной работе использована оцифрованная версия текста романа, изданного в Париже в 1936 г. эмигрантским издательством «Возрождение» («La Renaissance»). Текст романа написан с использованием дореволюционной орфографии, которая сохранена в нашем исследовании при цитировании, в работе также учтены особенности пунктуационно-синтаксического оформления. Кроме того, в нашем исследовании использовались корпусные источники – ресурсы Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), которые позволили определить окказиональный характер некоторых единиц, употребленных в романе. Для выявления достоверности стилизации привлекались образцы народной речи, зафиксированные в собраниях русской фольклорной прозы и поэзии, а также результаты исследований по лингвофольклористике (Сборник 1861 г. «Русские простонародные легенды и рассказы» и исследования этого сборника О.Н. Лагуты, А.Д. Ефремовой, а также «Конкорданс русской народной песни», составленный М.А. Бобуновой, А.Т. Хроленко).

Объектом исследования стали все текстовые элементы (графические (орфографические и пунктуационные), лексические, лексико-грамматические, фразеологические, в меньшей степени синтаксические), участвовавшие в сказовой стилизации. В большей степени внимание обращалось на номинативные и экспрессивные лексемы, на единицы знаменательных и служебных частей речи, форми-

рующие семантическое пространство романа. Выявление состава и ядра лексикона позволило проанализировать текст и дать ему по возможности максимально полную стилистическую характеристику, реконструировать «свой» / «чужой» мир произведения на лингвостилистическом уровне. **Общий объем исследовательской картотеки** составили 6642 лексемы, использованные писателем в 58833 употреблениях. В работе была использована база данных Microsoft Access, где отражен полный список всех единиц с выполненной нами лемматизацией.

Предметом исследования стали стилистические и текстообразующие характеристики языковых средств сказовой стилизации в аспекте их роли в организации семантического пространства романа и в формировании оппозиции сопричастности / чуждости.

Предмет исследования связан с **целью** нашей работы – смоделировать универсум созданного И.С. Шмелёвым мира произведения при помощи охарактеризованных средств сказовой стилизации, а также выделить в этом универсуме зоны «своего» и «чужого».

Основными **задачами** исследования стали:

1) обобщить и дать краткое описание основным результатам изучения как явления стилизации и сказовой формы, сопричастности / чуждости, так и личности, творчества И.С. Шмелёва; определить наиболее значимые аспекты в исследовании творчества писателя; ввести основные понятия и термины;

2) по результатам лемматизации и решения проблем вариантности и омонимии определить частеречный состав романа И.С. Шмелёва «Няня из Москвы»; выявить актуальность лексико-морфологических категорий романа и их роль на морфологическом уровне стилизации;

3) проанализировать семантическое пространство романа; выявить ранговые показатели лексем и составить рейтинг ранговых показателей лексем и тем самым определить ядро романного лексикона; классифицировать знаменательные части речи по тематическим и лексико-грамматическим группам, определить границы знаменательной и незнаменательной лексики с учетом лексико-грамматических разрядов ее единиц; выявить лексико-стилистическую специфику романа;

4) систематизировать способы и приемы сказовой стилизации, участвующие в реконструкции «своего» / «чужого» мира в соответствии с поуровневым членением языка;

б) реконструировать «свой» и «чужой» мир, воссозданный в сказе, с помощью системы языковых средств стилизации; описать номинативные классы романа через призму понятий сопричастность / чуждость.

Цель, задачи и материал настоящей работы определили выбор **методов исследования**. Основной метод – стилеметрический анализ текстового материала. В ходе выявления лексического состава была выполнена лемматизация на основе морфологического анализа, контекстного, дистрибутивного и функционального методов. Для работы с лексическими единицами и иллюстрирующим материалом мы использовали конкорданс. Такое оформление материала, по словам авторов словаря «Конкорданс русской народной песни», «является полезной, но недооцененной в отечественной лексикографии формой... в конкордансе регистрируются все случаи употребления того или иного наименования, он оказывается удобной лексикографической формой, отражающей все индивидуальные особенности стиля конкретного мастера слова» [Бобунова, Хроленко 2007].

При поиске ряда стилистических приемов был использован метод сплошной выборки, при построении классификаций применялся системный анализ с элементами структурно-семантического описания, идеографический анализ, при работе со словарями – дефиниционный анализ. В необходимых случаях идеографический и системный виды анализа дополняются культурологическими и литературоведческими комментариями.

При работе с лингвокультурологическими сферами «свой» и «чужой» основным средством структурирования материала является прием полевого описания.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется его вкладом в разработку актуальных проблем современной лексикологии и лингвостилистики. В работе описан метод реконструкции сопричастности / чуждости на языковом материале, дается инструмент, который в последующем может быть

применен для изучения текстов разных сфер, прежде всего художественной и публицистической.

Данное исследование может иметь **практическую значимость**: полученные результаты анализа могут использоваться при составлении словаря языка И.С. Шмелёва и словников конкретных произведений писателя, фразеологических и образных словарей, а также словарей, характеризующих язык эмигрантов. Данные исследования могут быть учтены при разработке отдельных тем вузовских курсов «Стилистика», «Компьютерная лингвистика», «Современный русский язык (раздел «Лексикология», «Морфология»)), «Русская литература XX века», а также спецкурсов по языковым и стилистическим особенностям стилизации. Материал диссертационной работы – проанализированные примеры и выводы – могут учитываться при написании монографий и учебников по стилистике, лексике, морфологии, русской литературе.

Положения, выносимые на защиту.

1. Семантическое пространство романа отражено, прежде всего, в используемой автором лексике. Для его моделирования наиболее удобно построение корпуса с грамматической разметкой, позволяющего сделать полную систематизацию лексики с учетом ее грамматических особенностей.

2. Полный лексико-грамматический анализ текста романа с использованием корпуса выявил высокую степень глагольности, характерную для прозаических фольклорных текстов. В акциональном аспекте доминируют движение, физическое воздействие, психические процессы и речь, субстанциальный мир представлен пространственно-временными реалиями, персонажами и артефактами, а в качественном аспекте преобладает характеристика персонажей.

3. В сказовой форме повествования есть четкое разделение на «свое» и «чужое». Существуют ряды средств, маркирующие «свой» и «чужой» мир. По ним как по своеобразному ключу читатель безошибочно различает противопоставленность двух миров в созданном универсуме произведения.

4. Чуждые картине мира носителю народной речи явления, часто выражающиеся заимствованной, не освоенной лично сказителем лексикой, маркируются отри-

цательно. Показателем неосвоенности являются звуковые искажения, реализуемые в тексте метаплазматическими средствами. Сопричастность реалиям мира выражается прежде всего диминутивными показателями.

5. В делении на свой и чужой мир обнаруживается некоторый релятивизм. Граница «своего» и «чужого» во временном и пространственном плане нечеткая. В целом в сознании няни мир до революции признается своим, после революции – чужим, однако как в дореволюционном мире, так и в послереволюционном есть зоны своего и чужого. Аналогично организовано и деление пространства. Сопричастность няни России не абсолютна: она привязана к дореволюционному времени, к старой Москве, а своеобразным заместителем России в послереволюционном мире выступает Париж.

6. Помимо «хронотопного» деления мира, можно произвести реконструкцию «своего» / «чужого» по сферам жизни. Так, социальная сфера, искусство в мировоззрении рассказчицы приравнивались к чужому всегда, в том числе в дореволюционную эпоху. Любые новшества няня воспринимает как чуждые.

Апробация работы. Результаты исследования были одобрены на заседаниях сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, кафедры древних языков Новосибирского государственного университета, спецсеминара «Лингвостилистика и культура речи», руководимого О.Н. Алёшиной (Новосибирский государственный университет). Основные положения докладывались автором на международных конференциях: в Москве (Международная научная конференция Шмелёвские чтения, 2011, 2013), Алуште (XXI Крымские международные Шмелёвские чтения, 2013), а также на заседании секции «Языкознание» на XLVIII и XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2010, 2011). Основные результаты отражены в 9 публикациях.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав основной части, заключения, списка сокращений, списка литературы, насчитывающего 253 наименования. В первой главе «Стиль, идиостиль и стилизация как объекты филологического и лингвистического исследования» определены ос-

новные направления, по которым идет изучение творчества И.С. Шмелёва, введены понятия идиостилистики, стилизации, сказа и смежных с ними явлений, определены термины «народная речь», «сопричастность». Во второй главе «Семантическое пространство романа И.С. Шмелёва “Няня из Москвы”» дано понятие корпусной лингвистики, определен метод корпусного изучения текста, описаны этапы создания корпуса романа «Няня из Москвы», а также приведены результаты анализа семантического пространства произведения по частеречному признаку. В третьей главе «Языковые средства сопричастности и чуждости в романе И.С. Шмелёва “Няня из Москвы”: “свой” и “чужой” мир» номинативные классы романа рассматриваются через призму сопричастности / чуждости.

Работа содержит 23 таблицы и 16 рисунков. Общий объем работы составляет 229 страниц.

Автор диссертации хотела бы выразить самую глубокую признательность за ценные консультации, советы и замечания доктору филологических наук, профессору О.Н. Алёшиной; за разработку компьютерных программ, упростивших нашу задачу при создании и работе корпусом романа, своему отцу, кандидату физико-математических наук А.А. Соколову.

ГЛАВА I.

СТИЛЬ, ИДИОСТИЛЬ И СТИЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В задачи настоящей главы входит определение понятийно-терминологического аппарата диссертационного исследования, а также краткий обзор и анализ наиболее важных результатов изучения языкового своеобразия произведений И.С. Шмелёва, перечисление основных выводов литературоведческих, лингвистических и биографических работ, связанных с проблематикой и тематикой романа.

1. История развития основных понятий и терминов идиостилистики «языковая личность», «идиолект», «идиостиль»

В последние несколько десятилетий представители различных областей наук в качестве объекта изучения все чаще выбирают человека, индивида, личность. Позиции ученых разных сфер отличаются лишь тем, что если в технических науках принято в центр ставить человека вообще, то в социально-гуманитарных говорят о конкретной личности. С 70-х годов XX в. антропоцентризм проникает во многие сферы гуманитарного знания. Так, и развитие лингвистической мысли ознаменовано интересом к человеческому фактору в языке (роль изученного в процессе познания человеком мира и самого себя, значимость научного знания для личности). Центральным объектом становится человек говорящий, носитель языка, то есть *языковая личность*. *Идиолект* (совокупность формальных и стилистических характеристик, свойственных речи отдельного носителя определенного языка) является главной чертой языковой личности, кроме того, в ряд базовых характеристик входят культурные, социальные, мировоззренческие предпочтения индивида. Понятие *идиостиля* вводится для демонстрации соотношения с другими идиосистемами и с языком художественной литературы в целом.

Для более полного погружения в проблематику функционирования и определения современного состояния идиостилистики рассмотрим научное изучение понятий «идиостиль», «идиолект», параллельно обратим внимание на эволюцию спо-

собов и методов анализа идиолекта художников. Отметим, что в большей степени нас интересует изучение прозаической отечественной идиостилистики, однако мы не исключаем из своего обзора исследований, посвященных поэтическим текстам, поскольку зачастую открытия на материале поэзии применимы и к прозе. Рассмотрение эволюции понятий «идиолект» и «идиостиль» мы начнем с небольшого экскурса в историю явления «языковая личность» как базового.

1.1. Вопрос изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект

Понятие «языковая личность» (ЯЛ) является одним из самых важных как для лингвистики, так, в частности, и для стилистики, поскольку невозможно прочитать, услышать текст без соотнесенности с человеком, любое проявление языка мы воспринимаем лишь через «говорящего» субъекта, через личность. ЯЛ – сквозная идея, которая «пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов 2004: 3]. В связи с фактом отсутствия «безъязыковой личности» В.А. Чудинов указывает на противоречия термина ЯЛ: «...с точки зрения логики, понятие языка уже включено в понятие личности». Второе противоречие заключается в определении «языковая», которое должно быть заменено, по мнению В.А. Чудинова, на «речевая» [Чудинов 2010].

В качестве объекта исследования может выступать как коллективное объединение, так и единичный субъект. В большинстве случаев первоначально анализируется отдельная ЯЛ, которая часто является «движущей силой не только собственного индивидуального творчества, но и творчества, считающимся коллективным, анонимным, традиционным, народным и т.д.» [Идиолект 2000: 3]. Обобщенные выводы делаются только по совокупному анализу отдельных личностей. Наиболее активно изучение ЯЛ проходит в трех направлениях: 1) исследование так называемой «элитарной» ЯЛ, как правило, писателей на основе созданных ими текстов; 2) анализ диалектной ЯЛ; 3) изучение языка носителя социального диалекта и типологизация социотипов. В настоящее время выделилось отдельное направ-

ление – лингвоперсонология, в рамках которого ведется изучение коллективной или идиолектной ЯЛ. Далее обратимся непосредственно к истории формирования понятия и термина ЯЛ.

Вопрос о связи языка и человека появился уже на самых ранних этапах развития лингвистики. Как отмечает В.М. Алпатов, подход к языку через человека, пусть и посредством своей языковой интуиции как носителя языка, возник давно и во всех лингвистических традициях [Алпатов 2005: 21]. Арабские философы проявляли большой интерес к человеку как к пользователю языка, они считали, что существует божественный язык Корана, который человек не может изменить или усовершенствовать, а может забыть или испортить [Михалевич 2011: 146]. О языке индивида задумывались и античные мыслители (ср. изречение Платона «Характер человека познается в речи», высказывание Марка Фабия Квинтилиана «Каков человек, такова и его манера изъясняться»).

Введение понятия ЯЛ относится к XX в., однако уже в XVIII в. начались поиски лингвофилософского подхода у Э.Б. Кондильяка и позже у И. Гердера. Особенно пристальное внимание к ЯЛ выражалось в идеалистических направлениях философии.

В русской лингвистике важный вклад в разработку проблемы соотношения личности человека и языка был внесен В.В. Виноградовым. Словосочетание «ЯЛ» было употреблено в публикации «О художественной прозе» (1930) [Виноградов 1980: 61]. Новый путь к описанию ЯЛ основывался на изучении языка художественной литературы и имел две линии анализа – через категории образа автора и категории художественного образа. В.В. Виноградов выявил и сформулировал возникающие при описании ЯЛ сложности в драматической речи: неполнота экстралингвистических данных, неполнота фактов речеупотреблений, неясность в психологической мотивировке [Там же: 80].

После работы В.В. Виноградова понятие ЯЛ стало учитываться при исследовании художественного текста, особенно при противопоставлении образов повествователя, автора и персонажей произведения. Позже Ю.Н. Караулов заметил, что

«автор, как языковая индивидуальность, отличается от языковой индивидуальности того же лица вне художественного творчества» [Караулов 2004: 8].

Первое определение ЯЛ в 1980 г. дал Г.И. Богин: ЯЛ – «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки... тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь» [Богин 1980: 3].

Наиболее активно и подробно теорию явления ЯЛ разработал Ю.Н. Караулов. Под ЯЛ он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 2004: 245]. Исследователем была построена структурная модель ЯЛ, состоящая из трех уровней:

0. вербально-семантический / семантико-строевой уровень (обыденный язык, база для речевого общения);

1. когнитивный уровень (языковая модель мира личности, индивидуальная картина мира);

2. прагматический / мотивационный (характеристика мотивов и целей, благодаря которым происходит развитие ЯЛ) [Караулов 2004].

Вслед за Ю.Н. Карауловым трехуровневую модель выделяет И.П. Сусов, несколько дополнив и уточнив наименования составляющих: формально-семантический, когнитивно-интерпретационный, социально-интерактивный [Сусов 1988: 7-13].

В целом с конца XX в. определяются основные теоретические понятия современной антрополингвистики: ЯЛ и идиолект, разрабатываются типологии, модели ЯЛ. В начале XXI в. появляются работы, систематизирующие знание о ЯЛ. Так, Е.А. Пекарская выделила 9 оснований, по которым проходит типологизация ЯЛ: 1) трихотомия «язык – речь – дискурс»; 2) дихотомия «литературный язык – национальный язык»; 3) соотнесенность в рамках межкультурного взаимодействия (первичная / вторичная); 4) ментальная и гендерная специфика; 5) единичность – множественность; 6) поливалентная – моновалентная; 7) межличностные отноше-

ния (толерантная / нетолерантная); 8) реальность – нереальность; 9) степень креативности [Пекарская 2010].

Большинство работ XX в. по анализу типов ЯЛ посвящено идиолектам творческих и известных людей, существуют исследования по описанию языка поэтов (М. Цветаевой, Ин. Анненского, О. Мандельштама), писателей (Н.С. Лескова), знаменитых деятелей культуры и науки (В.В. Виноградова) [Зубова 1999; Леденёва 2000; Фёдоров 2008; Кузнецова 2013].

В меньшей степени лингвистов интересует рядовой носитель языка, несмотря на то, что именно такой субъект, по мнению О.Б. Сиротининой, Е.В. Иванцовой, Б.Ю. Норманна, Т.В. Шмелёвой, является наиболее показательной ЯЛ при характеристике национального языка. В 80-90-е гг. XX в. все же появляется интерес к определению культурно-исторической и национальной специфики русской ЯЛ (Р.Ф. Пауфошима, Е.А. Нефёдова, В.Д. Лютикова, Е.В. Иванцова и др.). В 1981 г. в Томской лингвистической школе начинается изучение ЯЛ информантов-диалектоносителей в рамках изучения теоретических вопросов по лексикологии и лексикографии на областном материале [Иванцова 2006: 5].

Некоторые лингвисты описывают ЯЛ с точки зрения социолингвистики, появляются работы по анализу ЯЛ ребенка, подростка, интеллигента. Рассматриваются роли индивида как участника коммуникации, в том числе и межкультурной. Так, А.П. Садохин формулирует пять основных компонентов ЯЛ: 1) языковая способность; 2) коммуникативная потребность; 3) коммуникативная компетентность; 4) языковое сознание (отражение объективного мира в понятиях, образах и знаках); 5) речевое поведение [Садохин 2008: 96].

Таким образом, в ходе развития лингвистики проблема ЯЛ имеет давнюю историю изучения и обсуждалась неоднократно. По мере эволюционирования понятие ЯЛ и ее модель постепенно усложнялись по такой схеме: человек → говорящий / слушающий человек → трехуровневая модель ЯЛ. Непосредственно понятие ЯЛ, введенное в 1930-м году, было осмыслено и получило дефиницию лишь через полвека, а некоторые исследователи считают, что только сейчас оно приобретает статус термина [Иванцова 2010: 25].

1.2. История развития понятий *идиолект*, *идиостиль*

Развитие понятия *идиолект* напрямую связано с изучением ЯЛ, поэтому в истории исследования двух явлений можно выделить единую эпоху их анализа и обозначить период, когда в лингвистике отдельно стали изучаться понятия идиолект, идиостиль. Становление, формирование идиостилистики и, как следствие, ее понятийно-терминологического аппарата относится ко второй половине XX в. Однако и в начале XXI в. Г.Н. Большакова задается вопросом, не являются ли термины «идиолект» и «идиостиль» только модными словами современного лингвистического дискурса [Большакова 2009: 7].

Работы, посвященные исключительно анализу идиолекта писателя и определению его оригинального идиостиля при сопоставлении с другими идиостильями, также появляются только в последние десятилетия. Однако все исследователи художественного текста в разной степени касаются проблемы идиостиля, поскольку понятие «идиостиль» категория интегральная.

Выделяется несколько подходов к изучению идиостиля, в последовательности появления которых можно проследить определенную взаимосвязь: семантико-стилистический (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, М.Б. Борисова, Г.Г. Полищук); лингво-поэтический (Ю.Н. Караулов, Н.А. Кожевникова, Н.А. Николина); системно-структурный (Ю.М. Лотман); коммуникативный (Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко).

Переход от одного подхода к другому в целом связан со сменой лингвистических парадигм (исторической, психологической, системно-структурной, социальной) [Караулов 2004: 14].

Н.С. Болотнова группирует все разнообразие единиц и подходов к изучению идиостиля в три направления следующим образом [Болотнова, Бабенко, Васильева 2001: 71-72]:

1. Ориентация на отдельные элементы художественной системы писателя (анализ образной трансформации слов и выразительных средств, динамики речевых форм, композиционных приемов, структуры, универсальных смыслов, словоупотребления и словотворчества);

2. Освещение различных структурных и смысловых форм организации языкового материала, в особенности лексического (выявление характерных черт идиостиля при сопоставлении с узусом или с другими идиосистемами);

3. Когнитивное направление (выявление доминантных смыслов, отдельных концептов и их форм репрезентации, систем концептов-доминант, изучение семантических, ассоциативных и лингвокультурологических полей).

Далее мы подробнее разберем этапы становления идиостилистики, постараемся обозначить важные моменты ее развития.

1.3. Изучение стиля писателя в период становления и формирования науки о языке художественной литературы

В XIX в. стилистика рассматривалась в рамках поэтики, поэтому вопросы идиостиля были только сопутствующими. А.Н. Веселовский изучал общность сюжетов, образов и метафор в мировой литературе; А.А. Потебня разрабатывал основы лингвистической поэтики, которая базируется на установлении связей между миром слова и художественного произведения; Д.Н. Овсяннико-Куликовский анализировал условия появления читательской «лирической эмоции»; формалистов интересовали вопросы ритмики и поэтики стихотворной речи.

В 20-е гг. XX в. были заложены основные понятия и определен метаязык стилистики художественной речи, стилистика стала включать в себя поэтику. По мнению А.М. Пешковского, только семантический анализ образно-лексических фрагментов произведения может помочь понять содержание всего текста [Пешковский 1925].

Непосредственная история изучения стилей писателей берет свое начало с 30-х годов XX в. Именно в это время В.В. Виноградовым была основана наука о языке художественной структуры произведения. Среди основных задач новой науки наряду с анализом словесно-художественной структуры произведения и стиля литературной школы была сформулирована задача определения стиля произведения и писательского стиля в историческом развитии, изменениях и колебаниях, многообразии его жанровых проявлений [Виноградов 1980: 5].

Развитие стилистики художественной речи 40–50-х годов в целом можно охарактеризовать смешением лингвистических и литературоведческих понятий. Анализировать текст как своеобразную систему речевых средств предложил Г.О. Винокур, который выступал за взаимодействие языковедения и поэтики: «бесспорным представляется мне право лингвиста анализировать поэтические факты как факты языковые» [Винокур 1990: 15]. По мнению исследователя, лингвистика собирает, анализирует и готовит материал для дальнейшего литературоведческого анализа [Там же: 127].

Как уже говорилось, в 50-е годы В.В. Виноградовым была разработана концепция образа автора: в речевой структуре автора, повествователя и персонажей объединяются стилевые качества и особенности художественного произведения [Виноградов 1963: 155]. Особый акцент делается на анализе лексических средств образной системы, авторских структурно-семантических средств индивидуального выражения [Там же: 91].

После продолжительной дискуссии о месте и роли стилистики художественной речи В.В. Виноградов в статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики» (1955) сформулировал определение стиля, ставшее в наши дни хрестоматийным: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73].

Окончательное формирование и определение стилистики художественной речи как научного направления и соответственно конкретизация ее объектов в отечественной лингвистике происходит в 60-е годы.

В обозначенный период стилистика одновременно рассматривалась как часть литературоведения и языкознания и как соединяющее звено этих двух дисциплин. Предметом стилистики является стиль конкретного художественного произведе-

ния и такие общие категории, как стиль писателя, жанра, литературной школы и даже стиль целой эпохи.

Наиболее подробному анализу подвергалась лексикологическая основа произведения, в частности словоупотребления и изменения в образном содержании лексических единиц [Фёдоров 1969; Борисова 1970; Шмелёв 1977], а также синтаксическое построение произведения [Синтаксис и стилистика 1976; Соколова 1968; Синтаксис текста 1979].

Активно велась исследовательская работа по изучению поэтического слова, языковых изобразительных средств, метафоризации. М.М. Бахтин неоднократно отмечал необходимость анализа как поэтических, так и прозаических произведений в контексте жанровой специфики произведения: «Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, поколением, возрастом, днем и часом» [Бахтин 1972: 80].

В 80-е годы был поднят вопрос об экстралингвистических факторах общения, усилилось внимание к функционированию выявленных единиц. Если раньше за основу брался индивидуальный стиль писателя, то теперь ученые рассматривают стиль конкретного произведения, акцентируя внимание на понимании идейной сущности текста. Появляются новые направления «лингвистика текста» и «стилистика текста». При этом стилистический анализ проводится после лингвистического и перед литературным анализом [Новиков 1988]. Творческая личность автора, по мнению Т.Г. Винокур, выражается также в специфическом использовании узуальных средств. Образуется следующая триада «узус – норма – акт речи», которая помогает выявить своеобразие художественных приемов конкретного автора [Винокур 1980].

1.4. Становление идиостилистики (80-е – начало 90-х гг.)

В 80–90 гг. происходит формирование идиостилистики как отдельного направления, что отражается в становлении собственного понятийно-терминологического аппарата. Термины *ЯЛ*, *идиолект* и *идиостиль* появляются и начинают активно использоваться именно в этот период.

Г.Н. Большакова выдвигает версию, что термины «идиолект» и «идиостиль» стали употребляться вместо одного из значений многозначных понятий «язык» и «стиль», поэтому возникает вопрос, «являются ли термины *идиолект* и *идиостиль* модными словами современного лингвистического дискурса, обозначающими то же, что и термины *язык* и *стиль поэта / писателя*» (курсив Г.Б.) [Большакова 2009: 7]. Несмотря на отсутствие четких признаков дифференцированности, новые понятия описывают непосредственно сферу стилистики.

Наличие *идиолекта* является одной из главных черт ЯЛ наряду с другими культурными, социальными, мировоззренческими характеристиками. Лингвистический энциклопедический словарь фиксирует два значения этого термина. В узком смысле идиолект – только специфические речевые особенности носителя, в широком – реализация данного языка в устах индивида, т.е. совокупность реализованных текстов [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 171]. Идиолект писателя определяется созданными им текстами: эпистолярными, публицистическими, авторским повествованием, дискурсом персонажей [Леденёва 2000: 3].

Теперь поясним, как соотносятся между собой понятия идиолект и ЯЛ. Ю.Н. Караулов отмечает, что представление идиолекта не то же самое, что описание ЯЛ, и доказывает выдвинутое предположение на примере языка писателя: даже полный словарь языка писателя не соответствует целиком лексикону личности [Караулов 2004]. Во-первых, писатель может использовать единицы, не употребленные в произведениях, во-вторых, у любого человека есть пассивный запас слов. Поэтому вводится понятие *идиолексикон*, обозначающий совокупность всех слов ЯЛ (чаще всего писателя). Полный авторский словарь является научной абстракцией, идиолект же поддается более или менее полному изучению.

Помимо отношений внутри одного идиолекта, существует взаимодействие идиолекта с другими идиосистемами, соотношение с языком художественной литературы в целом. Такие связи описываются при помощи понятия *идиостиль*. Идиолект при таком понимании трактуется как содержание всего языка автора, а идиостиль как сумма специфических особенностей художественной манеры авто-

ра [Малышева 1997: 6], система отношений, воплощенная средствами идиолекта. Идиостиль соотносится с художественной литературой как частное и общее, завершенное и развивающееся, ограниченное временными рамками на оси диахронии и имеющее перспективу [Леденёва 2000: 121].

Подробный список признаков идиостиля приводит Л.С. Захидова в дефиниции термина [Захидова 2009: 7]. Идиостиль: 1. это система индивидуальных особенностей автора как личности и художника слова; 2. представляет собой комплексное образование (отбор и комбинация языковых средств); 3. является способом отражения и преломления мировоззрения конкретного писателя – носителя конкретного языка в конкретный исторический период; 4. имеет неповторимые образные средства (тропы и стилистические фигуры); 5. стилистически однороден; 6. характеризуется доминированием окказиональных семантических смыслов лексических единиц над узуальными; 7. отличается особой синтагматикой, реализующей как узуальные, так и индивидуально-авторские валентности языковых единиц; 8. обладает неповторимой трактовкой анализируемых тем и проблем.

1.5. Развитие коммуникативной стилистики (90-е гг. XX-го века)

Общими тенденциями в лингвистике конца XX в. являются антропоцентризм, диалогичность, «экспансионизм» (выход лингвистики на связи с другими науками, а также интеграция нескольких смежных наук и укрупнение отдельной большой науки), «экспланаторность» (тенденция найти определенное объяснение внутренней организации языка, его отдельным модулям и т.д.) [Кубрякова 1995].

Внимание лингвистов акцентируется на картине мира писателя, языковой и концептуальной, на идиостиле писателя «с точки зрения своеобразия авторского видения действительности, с учетом “возможных миров”» [Болотнова, Бабенко, Васильева 2001: 66]. Формирование «концептуального» направления в изучении идиостиля было обусловлено разработкой когнитивных явлений лингвистики такими филологами, как Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанова, Р.М. Фрумкина, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова и др. Исследователи сходятся во мнении, что становление концепта связано с ментальной сущностью человека и окружающей его

культурной средой. Например, А. Вежбицкая концептом называет объект из мира «Идеальное», который имеет название и при этом отражает культурно-обусловленные представления человека о сфере «Действительность» [Вежбицкая 1996].

В конце XX в. развивается деятельностный подход, в котором текст понимается, с одной стороны, как отражение картины мира писательской личности, совершающей речемыслительную деятельность, с другой, как адресованное читателю послание, стимулирующее деятельность адресата [Болотнова, Бабенко, Васильева 2001: 67]. При таком подходе решается вопрос, «как конкретная языковая личность автора организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» [Там же: 74]. Таким образом, происходит окончательное становление коммуникативной стилистики, базирующейся на теории диалога М.М. Бахтина.

Большое внимание уделяется ассоциативной структуре произведения, изучить которую возможно через анализ лексической структуры текста. При характеристике лексического уровня активно используются понятия частотности, регулярности, доминантности единиц. Лексические единицы приобретают вид стимулов и регулятивов, которые действуют на читателя.

В целом в 90-е годы исследования направлены на изучение писателя как ЯЛ. Лингвисты стремятся выявить определенные стилистические и текстовые универсалии, закономерности, применимые к изучению как художественных произведений, так и идиостиля автора (выделяются категории интертекстуальности, образа автора в драматургии, эмотивности).

1.6. Современное состояние изучения идиолекта и идиостиля писателя.

Исследование стилистики корпусными методами

В начале XXI в. появляются работы, основанные на идее синергетики [Герман, Пищальникова 1999; Рылова 2000; Москальчук 2003]. Речевая деятельность и ее результаты рассматриваются с позиции теории самоорганизующихся систем, кон-

цепты представляются свернутыми и структурированными процессами в общей смысловой системе. В изучении идиостиля появляется возможность эффективно обобщать и систематизировать доминанты, анализировать ядерные и периферийные концепты. Например, так М.Р. Проскуряков строит анализ концептуального пространства романа Ф.М. Достоевского «Идиот» [Проскуряков 1995].

В начале XXI в. курский коллектив филологов разрабатывает методологию изучения идиолектов писателей (доминантный, кластерный, метод сжатия конкорданса) [Идиолект 2000, 2001, 2002] и настаивает на необходимости проведения лингвистического анализа перед выведением цельного смыслового содержания. В качестве аргумента можно привести цитату из работы Е.В. Падучевой: «Теория литературы и литературная критика не могут обходиться без лингвистического анализа текста – литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более основательный (объективный) лингвистический» [Падучева 2010: 198].

В связи с активным развитием методов автоматизированных разработок текста, корпусной лингвистики, лексикологической идеографии наблюдается стремление к формализации описания языковых явлений. В современной лингвистике появился специальный термин для обозначения направления, в котором стилистические исследования выполняются на основе статистических методов – *стилеметрия*. Особенный интерес к стилеметрическому направлению возник в последние десятилетия [Синелева 2001; Васильев 2002; Данюшина 2002; Большакова 2005; Панова 2005; Капустин, Капустина и др. 2006; Мартыненко 2006; Мухин 2009, 2011; Середа 2009].

Достижения современных научных течений позволяют выявить смысловую структуру текста, концептуальные и стилистические особенности авторского идиостиля и его отличия от других художественных систем благодаря изучению и систематизации семантики текстовых единиц (в первую очередь лексических множеств) [Мухин 2011: 4]. Как пишет З.Г. Минц, «мы вправе надеяться, что исследование количественных отношений в тексте обогатит возможности моделирования языковой структуры – в частности, ее плана содержания» [Минц 1999: 683].

Филологами решаются различные задачи по стилистике текстов разных жанров, родов литературы, языковых страт: созданы и изучены конкордансы русских народных песен [Бобунова, Хроленко 2005], проведен многомерный стилеметрический и лингвистический анализ текстов фольклорных сборников «Русские простонародные легенды и рассказы» 1861 г. и «Народные русские легенды» А.Н. Афанасьева [Русские простонародные...2005; Лагута, Ефремова и др. 2006; Ефремова 2008; Ефремова, Лагута 2009а, 2009б]. Полуавтоматическая обработка текстов легенд заключалась в создании корпуса с лингвистической, текстовой и стилистической разметкой, в проведении лемматизации, составлении конкорданса и рейтингов лемм. Анализ сюжета сборников, рейтинга и функционирования языковых и стилистических единиц (лексем, синтаксических единиц, стилистических фигур, тропов, фразеологизмов, коммуникативных формул) позволил подтвердить фольклорную аутентичность материалов обоих сборников [Русские простонародные ... 2005: 27].

Стилеметрические методы применяются и при анализе идиостилей поэтов и писателей. Например, Г.Я. Мартыненко на материале 10 тысяч поэтических текстов строит корпус русского городского романса, а также дает искусствометрическую характеристику, выводит ранговые показатели ключевых слов и распределяет их по семантическим классам [Мартыненко 2006: 255-262].

Только при изучении текстовых явлений можно ясно понять, каким должен быть авторский корпус, какая именно разметка может максимально отразить особенности того или иного автора, группы авторов, литературного течения и т.д. Так, в корпусе творчества Д. Хармса необходимо отразить графическую сторону текстов: авторские отступы, их длину, ударения, поставленные поэтом [Капустин, Капустина и др. 2006: 143-147]. В корпусе лирических текстов американских и английских поэтов-романтиков должны быть учтены специфические признаки: ритмо-метрические, рифменные, строфические, признаки стихотворного синтаксиса [Данюшина 2002: 47-57]. На основе материала поэтического подкорпуса НКРЯ был составлен сборник «Корпусный анализ русского стиха» [Корпусный анализ русского стиха 2013], авторы статей рассматривают историю отдельных

слов в языке поэзии, анализируют разные аспекты поэтической грамматики, семантики.

Подробной теоретической разработкой вопроса и подробным практическим анализом писательских идиостилей отличается корпусное идеографическое исследование М.Ю. Мухина [Мухин 2011]. Лингвистом предлагается подход к изучению идиостиля автора на стыке лексической статистики, корпусной лингвистики, семантики слова и текста и лингвистической поэтики.

Работа проведена на основании семантически размеченного корпуса частотной лексики из 16 произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. М.Ю. Мухиным разработана модель идиостилистического анализа, который включает в себя несколько этапов.

1. Выборка частотной лексики и вычленение пласта индивидуально-авторской лексики.

2. Семантическая разметка выделенной лексики на основе контекстологического анализа.

3. Создание идеографической модели идиостиля, *концептуального профиля* писателя – «оригинального количественного соотношения денотативных сфер и групп в его текстах» [Там же: 9].

4. Формирование концептуального профиля писателя с анализом лексики доминантных и периферийных сфер.

5. Построение *синтагматического профиля* автора на основе анализа лексической сочетаемости, семантических отношений в контекстах лексических пар (биграмм), особенностей лексической синтагматики произведений писателей.

Несмотря на преимущества применения статистических методов (объективность, большой охват материала, простота сопоставления), в отечественной лингвистике они только сейчас становятся популярными. Даже в последние годы во многих работах игнорируются возможности разработанных современных методик исследования авторского идиолекта.

Таким образом, на протяжении всего исследования идиолектов и идиостилей писателей происходит укрупнение объекта анализа, что связано, с одной стороны,

с осознанием цельности смысла произведения, с другой, с возможностями выработанных методик изучения интересующих явлений. В современных работах лингвисты пытаются объективизировать изучение идиолекта писателя, свести к минимуму «интуитивный» анализ текста, чему способствует развитие компьютерных технологий, корпусной лингвистики и выработка четкой методологии исследования.

Одной из филологических задач изучения писательской стилистики является анализ стилизованных текстов. В следующем параграфе мы рассмотрим понятие стилизации, сопоставим со схожими явлениями, выделим сферу функционирования.

2. Стилизация как понятие и термин стилистики

Термин *стилизация* используется в литературоведческих, культурологических, искусствоведческих, философских работах, однако при изучении стилизованного языка требуется лингвистическое понимание и трактовка этого неоднозначного и емкого термина.

Стилизация как явление рождается при переносе акта коммуникации на художественный уровень. Общение, диалог могут возникнуть не только между людьми, но и между различными народами и даже эпохами. Человеческая коммуникация как часть общекультурной, представляет собой сложный процесс, в котором участвует различное количество субъектов с характерными особенностями: гендерными, физиологическими, национальными, социальными, мировоззренческими. Важное место при создании своеобразного портрета коммуниканта занимает и языковая характеристика.

Природа стилизации, как отметил А.В. Кубасов, изучена еще недостаточно, в теории этого явления остается множество неясностей. Однако все исследователи, занимающиеся вопросами стилизации, указывают на производящее слово «стиль». Это понятие используется при описании всех видов искусства. Более того, для каждого стиля можно выделить некоторые ступени обобщения. Так, Е.В. Аничков разрабатывает идею трех уровней, от более общего к частному:

стиль эпохи, народа – стиль школы – стиль личный [Аничков 1910: 28]. В нашей работе мы будем рассматривать личный писательский стиль, лишь при сопоставлении затрагивая два обобщающих уровня. По А.Ф. Лосеву, стиль – «принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей, ощущаемых, однако, имманентно самим художественным структурам произведения» [Лосев 1994: 226]. Художественный же стиль, по мнению М.М. Бахтина, «работает не словами, а моментами мира, ценностями мира и жизни, его можно определить как совокупность приемов формирования и завершения человека и его мира» [Бахтин 1979: 169]. С точки зрения лингвистики, стиль – «разновидность языка, закрепленная за определенной социально-коммуникативной сферой и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка лексикой, грамматикой, фонетикой» [Лагута 2000: 106].

Таким образом, в любой стилизации стиль направления, школы, определенного писателя или отдельного его произведения является стилизуемым планом. В следующем подпараграфе мы рассмотрим различные виды стилизации, большинство из которых выделяется по объекту стилизации и по ее функционированию в тексте.

2.1. Определение границ понятия «стилизация».

Типы и функции стилизации

Исследователи отмечают, что термин «стилизация» может иметь широкое и узкое значение. В первом случае стилизация – имитация какого-то стиля в различных формах, в таком понимании она «включает в себя и сказ, и диалог, и несобственно-прямую речь постольку, поскольку эти формы воспроизводят, хотя бы частично, стиль чужого слова» [Долинин 2010]. Такая стилизация присутствует практически в каждом произведении, потому что созданные персонажи обладают характером, темпераментом, речевым портретом, не равным авторскому. Узкое понимание предполагает ориентацию на определенный литературный стиль, в частности художественного произведения.

В зависимости от близости и привычности автору стилизуемого плана М.М. Бахтин, а вслед за ним и другие ученые [Мущенко, Скобелева, Кройчик 1978; Кубасов 1998] выделили две формы стилизации – языковую и литературную. «Если в произведении объективируется чужой для автора образ социального, профессионального, возрастного, национального или иного языка, то перед нами языковая форма стилизации» [Кубасов 1998: 5]. «Обычная литературная стилизация или литературный сказ» возникает при стилизации «художественной манеры» [Бахтин 1979: 217].

Типы стилизации выделяются по нескольким критериям. Во-первых, можно рассматривать ее содержание, которое является базой для стилизатора. К содержанию относятся тип стиля (стиль эпохи, школы и личный), языковая и разговорная природа объекта, стилизуемый жанр и т.д. Во-вторых, тип стилизации зависит от реализованной формы, от функционирования и произведенного на читателей эффекта. Далее рассмотрим существующие в научной литературе классификации изучаемого феномена.

При определении стилизованного объекта очень важно понятие стилового стержня и его подробный анализ. Для возникновения стилизации автор должен осознать наличие стилей и вычленив их особенности, в некоторой степени отстранившись от своего стиля и от того стиля, который он воспроизводит. Далее автору-стилизатору необходимо обозначить стиловой стержень изучаемого объекта, т.е. выделить те черты, которые помогают отличить данный стиль от других. Несмотря на то, что характеристики стиля могут меняться, заменять друг друга, исчезать или трансформироваться, «чтобы возник стиль как таковой, повторяемость элементов должна соединяться с новотворчеством стилового синтеза» [Сакулин 1990: 147]. Стилизатор может намеренно изменить стиловой стержень при условии сохранения внешних признаков стиля.

Стилизация призвана воспроизводить уже существующие открытия в художественной сфере, преодолевая временные и жанровые границы, поэтому исследователи [Алпатов 1970; Бахтин 1979; Бельчиков 1990, 2003; Гривенная 2005] определяют стилизацию «как одну из форм оживления прошлого» [Алпатов 1970: 16].

Количество стилизуемых объектов бесконечно, выбор зависит от целей и задач писателя: может воссоздаваться стиль эпохи, направления, школы, несловесный стиль (музыки, живописи), стиль индивидуально-авторский и отдельного произведения, иноземный колорит, речевой портрет отдельной личности, определенной социальной категории людей, а также различные жанры [Завгородняя 2010б].

В некоторых дефинициях стилизации сделан акцент на разговорной природе феномена стилизации [Троицкий 1964: 168; Бельчиков 2003: 674]. Однако нельзя однозначно ограничить понятие стилизации только разговорным характером. Г.Ю. Завгородняя утверждает, что в разные периоды преобладали черты то книжной, то сказово-устной традиций. Это чередование доминантных составляющих зависит от историко-культурного контекста эпохи [Завгородняя 2010б: 38].

Теперь рассмотрим варианты классификаций стилизации, анализируя форму подачи полученного феномена.

А.В. Кубасов называет двумя важнейшими составляющими стилизации дистанцию и условность. Чужой язык и его стилевые элементы «предстают трансформированными, обобщенными и удаленными от уст автора» [Кубасов 1998: 6]. В зависимости от дистанции и меры условности стилизация может быть явной или потаенной, редуцированной. Однако даже во втором типе не должно быть полностью завуалировано воспроизведение, иначе произведение переходит в разряд мистификации или эпигонства.

По воздействию эффекту, по окраске Ю.Н. Тынянов делит стилизацию на комическую и некомическую [Тынянов 1977]. В комическом произведении (пародии, бурлеск, перепев) план содержания и план выражения противопоставлены, именно поэтому возникает комический эффект, в некомическом (стилизация в узком смысле и вариация) – планы гармонично сливаются. Цель пародийных произведений – осмеяние идеи или усомнение в жизнеспособности идейного плана.

Наиболее полно определить границы понятия стилизация можно при сопоставлении изучаемого феномена с похожими и смежными явлениями, которые также возникают при работе с чужими стилями, с существующими произведениями, формами.

2.2. Стилизация в сопоставлении со смежными явлениями

В.Э. Вацуро при анализе стилизации в творчестве М.Ю. Лермонтова дает два определения понятия «стилизация». В широком смысле явление выступает как обобщенное название для таких родственных ему категорий, как пародия, мистификация, сказ, подражание; в узком смысле стилизация – речь автора, которая имитирует литературные стили и жанры [Вацуро 1981].

Вслед за некоторыми исследователями [Алпатов 1970; Бельчиков 1990, 2003] мы придерживаемся узкого понимания стилизации. Поясним разницу между изучаемым феноменом и соприкасающимися с ним явлениями, такими как подражание, эпигонство, традиция, влияние, пародия, литературная мистификация, плагиат, аллюзия, сказ, а также рядом терминов, обозначающих приемы речи, основа которых – ссылка или цитирование.

Стилизация наиболее тесно связана с понятием *подражание*. По Платону и позднее Аристотелю, именно подражание (мимесис) является основой всего творчества, а также родов и жанров литературы [Аристотель 1998: 1068]. А.Ф. Лосев выводит формулу подражания, в которую входят и характеристики Аристотеля: «Подражание есть: 1) человеческое творчество, 2) к которому человек склонен по своей природе, 3) которым он специфически отличается от прочих живых существ и 4) в силу которого он приобретает свои первые познания, 5) творчество, доставляющее ему удовольствие 6) от мыслительно-комбинирующего, 7) обобщающего 8) созерцания 9) воспроизведенного предмета, 10) с точки зрения того или другого 11) нейтрально-бытийного 12) прообраза» [Лосев 1993].

В современном литературоведении подражание связывают с воспроизведением не «бытийно-нейтральной области», а другого стиля. Подражание «предполагает подчиненность данного художника художественному методу другого современного или близкого по времени художника» [Литературная энциклопедия 1929-1939]. Отличие от стилизации заключается в том, что подражатель старается скрыть сходство с образцом. Стилизатор же намеренно демонстрирует и подчеркивает черты исходного текста.

Подражание является базой во многих литературных и лингвистических явле-

ниях, при этом «водораздел между разными типами подражаний... проходит именно по линии “осознанное-неосознанное”, “творческое-механическое”» [Завгородняя 2010б: 4]. Так, стилистическим *эпигонством* называют чисто механическое подражание, своего рода стилистический плагиат, при котором автор, не имеющий собственного яркого стиля, пытается присвоить чужой. Творческое подражание образует самостоятельный жанр («Подражания Корану» А.С. Пушкина, «Подражания Байрону» М.Ю. Лермонтова), однако оригинал в таких случаях становится только материалом для самостоятельного творчества.

Традиция выявляет единую линию историко-литературного процесса, последовательность между явлениями. При стилизации не возникает цели передачи непрерывности явлений и их связи, в качестве объекта стилизации могут быть выбраны отдельные элементы, один исторический период, одна манера без отнесенности с другими. Перенятые традиции не обязывают писателя к стилизации, он может свободно творить без опоры на какой-либо образец. В. Дынник отмечает еще одно отличие подражания, стилизации и традиции: «традиционный материал, будучи общепризнанным в данной литературной среде, составляет часть ее художественного обихода, санкционированную обычаем, ставшую общим достоянием, — в то время, как подражание, влияние и заимствование имеют дело с материалом, лежащим вне данной среды, еще не усвоенным ею» [Словарь литературных терминов 1929-1939].

Влияние могут оказывать не только общепризнанные тексты, а все источники, которые имеют способность воздействовать на человека, при этом оно происходит несознательно.

На стилизации основывается литературная *пародия* как вид сатирической литературы. В пародии маркеры чужого стиля, отдельные его черты комически гиперболлизированы, нарочиты, чрезмерно выделены, что «создает предпосылки для “сниженного”, юмористического или сатирического истолкования, обыгрывания основных или частных характеристик, примет пародируемого автора, текста» [Бельчиков 2003: 675]. Так, М.М. Бахтин, С.В. Смоличева, Ю.Н. Тынянов выделяют отдельный вид стилизации – пародийный, рассматривая различные отноше-

ния автора к стилизуемому слову. Пародийную стилизацию, «эпигонство» можно встретить в драматургии В.В. Набокова [Смоличева 2007]. С выделением такого типа стилизации не согласна Л.А. Баранова. По ее мнению, термин «стилизация» должен использоваться только при обозначении подражания исходному тексту при положительном авторском отношении и сохранении основных конституирующих параметров исходного текста [Баранова 1999: 4].

Еще одним смежным стилизации понятием является *литературная мистификация*. Хотя любая мистификация предполагает стилизацию, однако мистификация оперирует только обобщенно воспринятым стилем литературного направления или стилем определенного автора, обычно отдаленного во времени, объект же стилизации гораздо шире [Бельчиков 1990: 492]. И.Л. Попова определяет литературную мистификацию как «текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному» [Литературная энциклопедия... 2003: 553]. В этом плане литературная мистификация противоположна *плагиату*, поскольку при втором явлении авторство скрывается.

Существует ряд терминов приемов речи, которые основаны на ссылке или цитировании, но не связаны со стилизацией. *Аллюзия* – включение в речь точно воспроизведенных или отчасти измененных изречений, пословиц, цитат. *Заимословие* – выражение мыслей автора, включающего эти мысли в воображаемую чужую речь (автор наделяет другого теми словами, которые хотел бы произнести сам). *Антиципация* (синонимы термина: *гипофора*, *антипофора*, *эпилемма*, *сермоцинация*) – прием речи, при котором автор продумывает реакцию читателей / слушателей, предвосхищая возможные возражения, отвечает на предполагаемые вопросы. *Упоминание* – употребление в речи ссылки на какой-либо исторический факт, событие, лицо, поверье, легенду и т.п. *Реминисценция* как вид аллюзии – использование в речи, в произведении образов художественной литературы [Филиппов 1998: 12-13].

Поясним, как взаимосвязаны между собой понятия стилизации и *сказа*. *Сказ* рассматривается как языковое явление, как прозаическое произведение, которое чаще всего целиком представляет собой монолог рассказчика, обычно представи-

теля простонародной среды. Стилизация же подобных ограничений не имеет. А.П. Чудаков и К.В. Чистов отмечают, что «от стилизации сказ отличается использованием внелитературных жанровых и речевых форм. Случаи, когда в произведении есть указание на рассказчика, но его слово не противостоит авторскому, не относятся к сказу (рассказы И.С. Тургенева)» [Чудаков, Чистов 1976: 488]. Г.В. Сепик указывает на характер связи между сказом и стилизацией: «Литературный сказ – это речевой тип, а стилизация под этот речевой тип в литературно-художественной практике помещает сказ в плоскость представлений о типе и форме повествования, о жанровых разновидностях эпической литературы» [Сепик 1990: 12].

Хотя все приведенные приемы связаны с варьированием чужой речи, стилизация является цельным методом, а не использованным в тексте приемом. При стилизации завуалировано или открыто могут быть использованы перечисленные нами приемы. М. Кузмин называет стилизацию воплощением «повествовательной гармонии»: «Стилизация – это перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в точную литературную форму данного времени» [Кузмин 1910].

После определения области понятия стилизации перейдем к пояснению причин возникновения, описанию эволюции процесса стилизации, анализу этапов становления данного явления в литературе на протяжении двух веков.

2.3. Основные этапы развития явления стилизации

Стилизация могла возникнуть, как уже отмечалось выше, только тогда, когда появились индивидуальные стили и умение их различать, что, по мнению Д.С. Лихачева, в полной форме проявилось в начале XIX в. [Лихачев 1969], поэтому и возникновение стилизации относят к этому времени. Таким образом, открытая практика воссоздания, имитации чужого стиля существует уже более двух столетий. Конечно, за такой длительный период времени произошли изменения и трансформации стилизации, были фазы быстрого развития, угасания и возрождения. При этом многие исследователи [Бахтин 1979; Лихачев 1969; Тынянов 1977; Виноградов 1980; Келдыш 1993; Кубасов 1998; Гривенная 2006; Завгород-

няя 2010б] едины во мнении, что наибольшая активность и само возникновение стилизации приходится на рубежи веков: «Трансформация образных знаков, явление стилизации – характерная черта русского литературного процесса на грани столетий» [Келдыш 1993: 93].

В переломные моменты общество нуждается в модификации и получении нового опыта, эпохи художественных переломов как в психологии людей, так и в сфере социально-политических преобразований связаны с рубежами веков. В такие периоды ценность старых установок ставится под вопрос, а при появлении новых эстетических идей старые рассматриваются и «перепроверяются» через стилизацию.

В начале XIX в. большое внимание стилизации уделял А.С. Пушкин, в начале XX в. – А.П. Чехов. Исследователь стилизаторских аспектов прозы, А.В. Кубасов, пишет, что оба писателя (А.С. Пушкин и А.П. Чехов) «сходны своей стилевой методологией, видением действительности в двойном ракурсе: не только непосредственно, но и опосредованно, через “литературно-стилистические призмы”...» [Кубасов 1998: 8].

Далее мы подробнее рассмотрим становление и развитие воспроизведения чужого стиля в XIX-XX вв.

2.3.1. Основные объекты и тенденции стилизации в прозе XIX в.

В XIX в. сложились основные черты стилизации как художественного феномена, поскольку даже в основе новаторств эпохи Серебряного века лежали открытия предыдущего столетия.

Стилизаторский опыт XIX в., прежде всего, был необходим для выработки оригинального прозаического стиля русских авторов. Стилизуемым объектом служил стиль западноевропейских писателей (Дж.Г. Байрона, В. Скотта, Ф.Р. Шатобриана и др.), воспроизводилась их тематика и манера. [Завгородняя 2010а: 8]. В эпоху русского романтизма талантливыми стилизаторами можно назвать А.А. Бестужева-Марлинского и В.Ф. Одоевского. В 1920-е годы русские прозаики находят и самобытный путь развития, истоки которого они видели в народной по-

эзии, в фольклоре и в прозе XVIII в., а именно В.А. Левшина, М.Д. Чулкова и М.В. Попова.

В 30-х гг. русские писатели еще в большей степени начинают интересоваться народной словесностью. Объектами стилизации становятся письменные источники, летописи (А.Ф. Вельтман) и устное слово – предание, рассказ простонародного сказителя (О.М. Сомов).

Преемником манеры О.М. Сомова стал Н.В. Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки»), в цикле рассказов стилизуется как народная устная стихия (песни, обиходная речь народа, исторические песни, просторечная лексика), так и книжные элементы: романтическая риторика (пейзажи-пасторали), формируется образ сказителя. В это же время выходят пушкинские «Повести Белкина», в которых также синтезируются романтические и оригинальные народные элементы.

Следующий этап активного развития стилизации 60–70-х годов связан с ориентацией художественной литературы на правдоподобие изображаемого, публицистичность. Образ достоверности помогли достичь два художественных приема: жанр очерка, романа-хроники и сказовая форма. В эти годы творили такие стилизаторы, как П.И. Мельников-Печерский и Н.С. Лесков. Диалогия П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» синтезирует три начала: фольклорное (обычай, поверья, сказка, народные песни, обрядовая лирика), книжное (научные замечания в сносках, фактографичность, церковные каноны) и сказовое (старообрядческий мир показан изнутри) [Завгородняя 2010а: 20].

Особого внимания заслуживает новаторство в стилизации Н.С. Лескова с его собственной формулой передачи достоверности, правдоподобия. Н.С. Лесков живо интересовался древнерусской книжностью, особенно взаимоотношениями писательского творчества и иконописи. Помимо этого, книжную составляющую представляют выражения, фрагменты повести, стилизующие агиографию, гимнографию, отрывки из Священного Писания. Устная речь воспроизводится с помощью просторечий, вводных слов, обращений к слушателям, допущения грамматических ошибок. При этом автор не только не скрывает факта стилизации простонародного материала, а даже акцентирует внимание на нем. Таким интересом к

слову, к порождающим этим словом ассоциациям Н.С. Лесков стал близок писателям рубежа веков и начала XX в. Рассмотрим более подробно традиционные и новаторские элементы, используемые в стилизации языка литературы рубежа веков и Серебряного века.

2.3.2. Новаторство и преемственность традиций в стилизации языка прозы XX в.

На рубеже XIX-XX вв. происходит ряд социокультурных событий, повлиявших на становление новой культурной традиции, сменяются стили, направления, в частности, изменяется стилизованная проза. В.М. Жирмунский так писал о масштабности перемен, о постоянных исканиях художников: «...Эволюция стиля как системы художественно-выразительных средств и приемов тесно связана с изменением общего художественного задания, эстетических навыков и вкусов, но также – всего мироощущения эпохи» [Жирмунский 1977: 38].

Тенденции, определившие направление художественного процесса рубежа веков, перечисляет Е.Н. Гривенная [Гривенная 2006: 13-15].

1. *Кризис религиозного сознания* проявился в неоднородности религиозных воззрений. С одной стороны, проявляется бездуховность, отрицание христианства; с другой, мыслители ищут другой религиозно-философский путь, собственную веру (В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.).

В это же время возникает интерес к народной религиозной жизни, в частности, к старообрядчеству, поскольку именно религиозная народная культура и фольклор, по мнению интеллигентов, могут воссоединить общество в единое соборное целое.

2. *Кризис политического сознания* отразился на формировании русской культурной традиции. С одной стороны, происходит демократизация литературы. С другой, благодаря утонченности и концептуальности новых направлений появляется элитарная литература, сначала реализованная в период Серебряного века, а после Октябрьской революции несколько десятилетий развивающаяся в культуре русского зарубежья.

3. Проблема обновления художественной системы на различных уровнях (образно-сюжетном, идейном, лингвистическом) решается синтезом традиционного и новаторского видения, своеобразным *синкретизмом*.

Подробный анализ проблемы стилизации и синтеза искусств в прозе рубежа веков (произведения А. Белого, Д.С. Мережковского, А.М. Ремизова, М. Кузмина) представлен в работах Г.Ю. Завгородней [Завгородняя 2010а, 2010б]. «Колорит времени передается не через скрупулезное воссоздание исторических реалий, но через зрительный образ... создается *образ эпохи*» [Завгородняя 2010а: 25].

В качестве словесных объектов стилизации привлекались мифы и сказки: «свобода художника реализовывалась в желании «оживить», одухотворить древний миф, предание, решить важную для эпохи жизнестроительную задачу» [Завгородняя 2010а: 33]. Интерес к стилизации сказки и мифа объединил очень разных по мировоззрению писателей, среди них, например, А.М. Ремизов, А.Н. Толстой, И.С. Шмелёв, В. Хлебников.

Стилизацию 10-х гг. с точки зрения типов воссоздания «чужого слова» в прозе проанализировал М.В. Козьменко. Во всех типах продемонстрировано активное использование стилизации, однако совершенно в разных целях [Козьменко 1988].

Несмотря на то, что в дальнейшие периоды развития стилизации единства ее использования также не было, в начале 1910-х гг. в литературе происходит общий постепенный переход тематики произведений в реальное пространство, эстетизм уходит на второй план. Все чаще звучит тема пути России, взаимоотношение народа и интеллигенции, а стилизация появляется в форме сказового повествования. Писателей вновь привлекает устная, спонтанная речь как отличный выразитель идейного содержания. Однако традиционное понимание сказа трансформируется, поскольку «грань между “устным” и “книжным” словом не маскируется, но всячески акцентируется» [Завгородняя 2010а: 36-37]. Ю.И. Минералов объясняет такое совпадение так: «“странности слога” проистекают из интуитивного подражания поэтов особенностям устной речи» [Минералов 1999: 139].

В послереволюционное время стилизация становится менее востребованной, однако не исчезает, а переходит в другой период своего развития, опираясь на уже

существующий опыт: стилизуется не конкретный жанр, а обобщенный архаичный текст (Е.И. Замятин, Н.А. Клюев).

Художники рубежа веков и начала XX в. стремились дать оценку пройденному культурному этапу и при этом обрести свой путь, такое «раздвоение» привело к параллельному развитию новаторских идей (модернизму) и традиционной линии литературы. Стилизация помогла оценить прошлое и при этом осуществить переход на следующий этап литературного процесса. Именно поэтому Н. Евреинов назвал начало XX в. «веком стилизации» [Евреинов 1909: 39], а В.А. Келдыш определил Серебряный век не только как одну из самых обновленных эпох, но и как одну из самых традиционных [Келдыш 1993: 93].

В следующем параграфе мы рассмотрим понятие сказа, который на протяжении XIX-XX вв. был одной из важнейших прозаических форм повествования, несмотря на некоторые трансформации самого явления, а также изменения в отношении к нему писателей.

2.4. Сказ как разновидность стилизации и как литературный жанр

Анализ социально-исторического контекста начала XX в. объясняет, почему именно сказ стал излюбленной формой многих художников того времени. В период разрушения привычного миропорядка с его бытом, культурой и человеческими отношениями, единственной для писателя опорой, возможностью сохранить живую частицу себя при внешних переменах является язык: в нем накоплен опыт народа, запечатлена психология характера нации. Воссозданию языка прошлого способствует сказовая манера.

Сказ вошел в литературу в начале XIX в. и стал восприниматься как художественно обособленное произведение устного народного творчества [Гельгардт 1958: 156]. Вопрос о формах повествования, о роли рассказчика в российской филологии был поставлен деятелями формальной школы вслед за западными литературоведами, лингвистами [Вальцель, Дибелиус, Фосслер и др. 2007].

2.4.1. Сказ как разновидность стилизации

Филологами изучались разные аспекты и типы сказа. Б.М. Эйхенбаум в статье «Как сделана “Шинель” Гоголя» отмечал важность артистизма в организации комической сказовой речи. Сказ «имеет тенденцию не просто повествовать, не просто говорить, но мимически и артикуляционно воспроизводить слова, и предложения выбираются и сцепляются не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике, звуковым жестам и т.д.» [Эйхенбаум 1969: 316]. Развивая эту идею, Ю.Н. Тынянов писал, что сказовая форма помогает не читать рассказ, а играть его. Однако наряду с воспроизводящим сказом, которым активно пользуется Н.В. Гоголь, литературовед выделяет и повествующий сказ.

В.В. Виноградов так характеризует повествовательность сказа: «Сказ – это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это – художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [Виноградов 1980: 49]. Исследователь выделяет 4 вида монологической речи, элементы которой используются при воспроизведении устной речи: 1) императивно-волевой, убеждающий; 2) лирико-эмоциональный; 3) драматический тип, сопровождаемый обычно каким-либо жестом или мимикой; 4) повествовательный, в котором большое место занимает фабула [Там же: 47]. При синтезе этих четырех элементов образуется сказ.

Специфика произведения, написанного в сказовой манере, предполагает особое взаимоотношение автора и рассказчика, поэтому роль участников сказа изучалась отдельно [Мущенко, Скобелева, Кройчик 1978; Бахтин 1979; Виноградов 1980; Сепик 1990; Томашевский 2002; Клочков 2006].

С позиции нарратологии, сказ – это текст нарратора, а не текст персонажа. Если персонаж выступает как вторичный или третичный нарратор, тогда сказ отражает стиль повествующей, а не повествуемой инстанции [Шмид 2003: 191].

А.В. Клочков выделяет три типа авторов-повествователей в прозаическом произведении: 1) аукториальный (форма «он»); 2) персональный (форма «я» либо

форма действующего лица произведения); 3) персонифицированный (имеющий имя и обозначенный повествователем) [Клочков 2006: 16].

Понятно, что между автором и сказовым рассказчиком может существовать дистанция, наличие которой объясняется разным происхождением, образованием, родом занятий и даже полом, как в исследуемом нами романе. Однако главным отличием все же остается речь. Сказ – явление стилизации, поэтому зачастую он не обработан с точки зрения литературной нормы, а нарочито демонстрирует отсутствие «книжности» речи. Однако благодаря этому мы легко различаем автора и рассказчика.

Так, через сказ раскрывается характер, индивидуальность, мировосприятие, отношение к жизни не только рассказчика, но в некоторой степени персонажа, а в целом и всего народа, о котором повествуется в произведении в тот или иной момент времени. «Стилистика сказа с ее имитацией устного повествовательного монолога, обращенного к слушателю, и отстраненностью (культурной, идеологической, социальной, языковой, возрастной и т.п.) рассказчика от автора позволяла художественно объективно запечатлеть речевую деятельность самых разных слоев народа в условиях революционных катаклизмов» [Руднева 2005: 116].

Е.А. Попова расширяет состав участников сказа, называя его «4-х элементной коммуникативной системой», которая включает двух адресантов (автора и рассказчика) и двух адресатов (читателя и слушателя) [Попова 2002]. Фольклорное устное начало сказового повествования предполагает обращение не просто к слушающей, а к сочувствующей аудитории [Меренкова 2009: 11]. Создавая сказовое повествование, автор добивается диалога между рассказчиком, героями и слушателями при помощи различных средств и приемов. Более того, при использовании сказовой формы, по мнению Е.Г. Мущенко, должен быть учтен такой аспект, как «потолок громкости», косвенными приметами которого выступают разговорная интонация, ритм речи [Мущенко, Скобелева, Кройчик 1978: 31].

Таким образом, исследователи определяют понятие «сказ» неоднозначно. В широком смысле под сказом понимают речевой тип; в узком – прозаическое произведение с определенным способом повествования. Однако у сказов всегда

единый объект стилизации – устная речь, поэтому писатель ориентируется либо на устные нелитературные элементы речи, если сказ рассматривается как речевой тип, либо на чужое слово, на устный монолог как один из жанров эпической прозы, если сказ исследуется как форма повествования. Однако необходимо учитывать замечание М.М. Бахтина: «сказ есть прежде всего установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, – на устную речь» [Бахтин 1994: 116].

Рассмотрим типы и виды сказа в зависимости от выбранного филологом критерия. Во-первых, формы сказового повествования определяются стилизуемым объектом, существуют подражания

- фольклорному укладу (песенному, былинному, сказочному);
- местным и профессиональным говорам крестьянства;
- просторечию и профессиональным говорам городского населения, часто не владеющему литературным языком;
- устарелым и необычным формам письменной речи [Литературная энциклопедия 1929-1939].

Учитывая наличие или отсутствие различий в оценивании событий автором и рассказчиком, Н.А. Кожевникова выделяет «однонаправленный» (оценки автора и рассказчика схожи или близко расположены) и «двунаправленный» сказ (оценки лежат в разных плоскостях, не совпадают) [Кожевникова 1971: 99]. С.Г. Бочаров считает, что характер сказа меняется при варьировании дистанции между прямой речью автора и непосредственно сказом (например, исследователь выделяет «простой однонаправленный сказ Неверова», «комический сказ Зощенко», «изысканный сказ Бабеля») [Бочаров 1971: 18].

От взаимодействия автора и рассказчика и возможности их влияния друг на друга Е.В. Клюев выделяет три типа сказа: свободный, подчиняющий и подчиняемый. В «свободном» сказе автор и рассказчик равноправны: ни тот, ни другой не подчинен. Если роль писателя выходит на первый план, то это «подчиняющий» сказ, адресату в этом случае приходится воспринять идейно-образное содержание сказового текста. При «подчиняемом сказе» повествователь совершенно свободен в своей речи [Клюев 1981].

От текстовых отношений между автором и рассказчиком, по словам Н.А. Кожевниковой, зависит *тип повествования* произведения. Исследователь понимает под этим термином ряд композиционных средств, формирование которых зависит от точки зрения автора, рассказчика или персонажа. Тип повествования характеризуется достаточно устойчивым набором конструктивных признаков и речевых средств (интонация, соотношение видо-временных форм, порядок слов, общий характер лексики и синтаксиса) [Кожевникова 1994: 3]. Например, в качестве основного типа повествования писатель может развивать сказ, «оторванный от конкретного рассказчика» [То же: 71].

Однако приведенная точка зрения на понятие сказа является не единственной: часть ученых рассматривает этот термин чисто с литературоведческой стороны и понимает под сказом вид литературы.

2.4.2. Литературный сказ как жанр (вид литературы)

Вопрос о жанровой природе сказа обстоятельно ставит в своих статьях Е.В. Клюев [Клюев 1979, 1981, 1982]. Он отмечает, что в современной науке не разведены стилистические и жанровые характеристики текста. Одно из значений термина *сказ* в словарных статьях – устный народный рассказ. Сказом также обозначаются «жанры устной прозы несказочного характера, включая так называемые “мемораты” – рассказы от первого лица и “фабулаты” – повествования, отделившиеся от участника события, о котором рассказывается (предания, легенды, былички и др.)» [Чудаков, Чистов 1976: 488].

Литературный сказ характеризуется стилистическими и видовыми признаками, которые последовательно называет и комментирует Е.В. Клюев, проанализировав сто сказовых текстов различной характеристики и тематики.

1. Стилеобразующие признаки.

1. Функция автора и рассказчика. Основное повествование ведет рассказчик, автор в некоторых текстах встраивается, но только в роли комментатора. Выделяются три типа сказа в соответствии с разным взаимодействием автора и рассказчика: адстрат (речь писателя «обрамляет» собственно сказ); субстрат и супер-

страт (функцию повествователя выполняет только рассказчик или замаскированный автор соответственно).

2. *Стилистические установки* на монологичность, устно произносимый текст, создание иллюзии синхронного восприятия речи (наличие «внутренней аудитории», обращения к ней, отсутствие диалога в тексте), передачу процесса говорения (спонтанность речи), отчужденный характер повествования (зависит от степени противопоставленности автора и рассказчика).

II. Видообразующие признаки литературного сказа.

3. *Объем текста.* Количество действующих лиц. Сказ – малая литературная форма: из ста проанализированных исследователем текстов самый короткий занимал менее чем полстраницы, самый объемный – 22 страницы (около 20 минут говорения); количество действующих лиц колеблется от 1 до 17, среднее количество – 5 персонажей.

4. *Единство структурной организации текста.* Соблюдение единого типа сказа во всем повествовании: адстрат, субстрат или суперстрат.

5. *Топохронические характеристики текста.* Текст строится как эпизод или история с доминирующим эпизодом, повествование непрерывно. Сказы ограничены также и в пространстве.

6. *Сюжетно-фабульные отношения.* Как правило, все сказы фабульны, чего требует установка на устность.

7. *Жанровая характеристика текста (функциональные смещения).*

Назовем функциональные смещения в порядке убывания частоты их использования: речевое (при включении в текст, например, диалектных элементов; 100% рассмотренных сказов); возрастное («стариковский сказ», рассказчики – люди преклонных лет, гораздо реже дети; 75%); «технологическое» (фольклорный, публицистический сказ; 73%); временное (повествование о давно прошедших событиях; 56%); сюжетное (иногда сюжет не линейен, делается акцент на лирической или фольклорной стороне повествования; 19%); этическое (16%); классово-идеологическое (15%). Автор редко создает дистанцию по двум последним крите-

риям, поскольку возникают трудности в «понимании» и создании рассказчика, сказителя.

Е.В. Клюев приводит традиционную формулу смещений: возрастное + речевое + временное + технологическое [Клюев 1982: 131]. Для литературного сказа наиболее необходимы такие жанровые признаки, как мотивация повествования возрастом рассказчика; расхождение между временем, о котором повествуется, и временем повествования; усиление сигналов устности, спонтанности, импровизированности речи; стилизация повествования под устное народное творчество или публицистический стиль [Там же: 134-135].

Объединяющим фактором двух пониманий и определений сказа как формы стилизации и как эпического жанра является наличие своеобразного списка средств и способов, которыми пользуются художники слова. Ниже мы рассмотрим, как исследователи анализируют план выражения стилизации.

2.5. Средства и способы создания сказовой формы повествования

Как и любая выбранная автором форма написания произведения, сказ предполагает использование писателем-стилизатором ряда языковых средств и приемов, благодаря которым можно легко реализовать идею произведения. Некоторое внимание к самой технике создания стилизации, в частности сказа, уделяют как лингвисты, так и литературоведы в теоретических описаниях явления [Полищук 1969; Мущенко, Скобелев, Кройчик 1978; Смирин 1978; Виноградов 1980; Клюев 1982; Петрищева 1983 и др.]. Но, как правило, в таких работах не ставится задача выстроить средства в систему, сопроводить их показательными примерами, а дается лишь сплошной список.

В «Литературной энциклопедии» [Литературная энциклопедия 1929-1939] отмечается, что в сказе, письменно запечатленном, используются устные средства, а также определенные лексические и стилистические формы, которые применяются только в устной речи. При стилизации фольклора задействуются ритмизация, свойственные фольклору фигуры, речитативный или певучий склад. При стилизации просторечья используются диалектизмы, нарушения грамматического строя

языка (незаконченность и несогласованность предложений, обилие восклицательных и вопросительных оборотов).

Е.В. Клюев перечисляет средства, использованные в цикле сказов А.В. Кольцова «Иван Вадимович – человек на уровне»: «Иллюзия устности достигается и широким использованием средств профессионального диалекта, нелитературного просторечия, употреблением вербально эксплицированных дейктических знаков с отсутствием зрительной компенсации, указанием на “внутреннюю аудиторию”, использованием чрезвычайно упрощенного синтаксиса». Кроме любимых всеми авторами-стилизаторами приемами создания сказовой формы, А.В. Кольцов пользуется рядом средств демонстрации спонтанности речи: поиски нужного слова, неоправданные ассоциации, перепады мысли [Клюев 1982: 124].

Приемы создания сказовой манеры даются подробно и систематично в исследовательских работах, выполненных с целью открытия и описания сказовой техники на примере творчества какого-либо писателя или отдельного произведения [Сепик 1990; Попова 2002; Гривенная 2005; Руднева 2005; Мануйлова 2006].

Уже в 1918 г. некоторые сказовые приемы и средства, использованные Н.В. Гоголем в «Шинели», назвал и проанализировал Б.М. Эйхенбаум: каламбуры, прием звукового воздействия, прием логического несоответствия нагнетаемой эмоции и резкий спад в настроении, резкая смена тона высказывания, интонационное воздействие [Эйхенбаум 1927].

Е.Н. Гривенная, рассматривая лингвостилистический аспект стилизации разговорной речи в произведениях А. Ремизова, называет творческий метод писателя «Археология плюс Style Modern» – «парадоксальное сопряжение двух полярных стилистических ориентаций: архаично-фольклорно-разговорной и субъективно-лирической (модернистской по своей природе)» [Гривенная 2006: 48].

По мнению исследователя, существуют две линии сказовой стилизации [Там же: 41-44]: имитация народнопоэтической речи с фольклорными элементами и пародия. К первому типу относится орнаментальная проза А. Ремизова, А. Неверова, Б. Шергина. Сказовость в их произведениях приобретает орнаментальный характер благодаря воспроизведению стилистической окраски и различ-

ным повторам: позиционно-лексическим (*в некотором...*); лексическим (*пир за пиром*); морфемным (*царство – царствовал – царь*); семантическим (*сильный и могучий*) [Там же: 48].

Использованные А. Ремизовым средства Е.Н. Гривенная разделяет на лексико-грамматические и синтаксические, а также приемы актуализации разговорного стиля в системе сказового повествования. Лексико-грамматические средства, в свою очередь, распределяются по трем группам – ингерентного, адгерентного характера и переходная группа. Единицы, носящие ингерентный характер, сохраняют разговорность как постоянный признак независимо от стиля, адгерентный характер может возникать или исчезать в зависимости от контекста.

К первой группе средств относится отбор знаменательных и незнаменательных частей речи, использование модальных слов и дейктических элементов, встраивание в произведение определенных фразеологических единиц, диалектизмов и окказионализмов. Адгерентные признаки, т.е. те, которые появляются или приобретаются, выражаются такими средствами, как диминутивы и просторечное опрошение общеупотребительной лексики [Гривенная 2006].

Особое внимание филологов, изучающих особенности сказа, уделяется сказовой манере Н.С. Лескова, в частности задействованным писателем средствам стилизации. Д.Е. Меренкова перечисляет такие приемы: устаревшая лексика, фразеологизмы, речевые клише, просторечные единицы, диалектизмы, пословицы и поговорки, повторы и фольклорные элементы, окказионализмы, построенные по типу «народной этимологии» [Меренкова 2009: 14].

Изучаются не только вербальные средства, но и невербальные, в частности просодические. Г.Г. Полищук описывает способы стилизации разговорной интонации в художественных текстах. «Особенно важную роль приобретает интонация при оформлении слов, предложений, омонимичных с точки зрения лексико-грамматической структуры» [Полищук 1969: 113]. Интонационное выражение в художественном сказовом тексте важно и потому, что автор не может описать мимику рассказчика.

Для создания эмоциональной интонации писатель может использовать детализированные уточнения, архаические глаголы в сочетании с обобщающими неологизмами, авторские новообразования, специальные указания, ремарки. Роль указателей могут также выполнять оценочные слова, фразеологические обороты с явной оценочностью, слова и выражения в переносном значении, замечания персонажа по поводу характера высказывания, повторение реплики, несоответствие вывода посылке и т.д. Однако нужно учитывать, что «значение высказывания диктуется конкретным материалом, интонация же подчеркивает наличие второго смысла или созначения у сказанной фразы» [Полищук 1969: 123], т.е. главным средством, выявляющим эмоциональную интонацию, является контекст.

Так, сказовая стилизация относится к художественной речи, построенной по законам письменного текста, однако в основе лежит имитация монологической живой речи.

В следующем параграфе мы рассмотрим элементы народной речи, приведем различные точки зрения на понятие *народной речи* и ее отражение в художественном тексте.

2.6. Использование элементов народной речи как сказовый прием

Одним из наиболее часто используемых сказовых приемов является использование элементов народной речи.

При изучении исследовательской литературы большой проблемой оказалось найти работы, посвященные *народной речи*. Термин *народная речь* используется в статьях, монографиях, но не определяется и не поясняется их авторами [Добролюбов 1934-1941; Ожегов 1974; Бахтин 1975; Ларин 1977; Григаркевич 1991а, 1991б; Костючук 1991; Байбородин 2007].

Большинство лингвистов использует термин *народная речь* как обобщенное название говоров: народная речь Среднего Приобья [Райская 1986], сибирская народная речь [Богословская 2007], псковская народная речь [Костючук 1991] и т.д. А. Байбородин использует в качестве синонимов целый ряд таких терминов, как

народные говоры, народный язык, народная речь, простонародная речь, народное речение, образно-народная речь [Байбородин 2007].

В описании словаря «Конкорданс русской народной песни» его авторы сужают понятие *народная речь* в соответствии с объектом изучения и употребляют термин *народно-песенная речь* [Бобунова, Хроленко 2007].

Последовательно термин *народная речь* используется в работах, посвященных языку русской фольклорной религиозной прозы XIX в., особенно народных легенд А.Н. Афанасьева [Русские простонародные... 2005; Лагута, Ефремова и др. 2006; Ефремова, Лагута 2009а, 2009б]. Легенды, по мнению исследователей, интересны «с собственно языковой точки зрения как редкий образец народной прозаической речи этого периода» [Лагута, Ефремова 2009а: 33]. В отличие от художественных произведений о крестьянской жизни фольклорные прозаические тексты не являются стилизацией, однако они «сохранили многочисленные свидетельства подлинно народной речи» [Там же: 32].

Наиболее оправдана синонимизация с термином просторечие: «Ориентация на разговорный язык, на просторечие как явление общенародное объединяет наследие Аввакума, Лескова и Ремизова» [Гривенная 2006: 66]. Именно термин просторечие в широком значении наиболее близок понятию «народная речь».

Просторечие – «социально обусловленная разновидность национального русского языка, находящаяся за пределами литературной нормы» [Журавлев 1997: 390]. Просторечие «наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком, вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык» [Бельчиков 1990: 402]. Просторечие отличается от территориальных диалектов отсутствием закреплённости к определенному локусу; от жаргонов – тем, что единицы просторечья не определяются носителями как ненормативные; от диалектов и жаргонов – общепонятностью для носителей национального языка речь.

Поскольку просторечие проявляется в отступлениях от нормы литературного языка (а отступления у разных людей могут быть разнообразными), четкой систе-

мы и закрепленного списка фонетических, морфологических, синтаксических показателей просторечия не существует. Однако явления, выявляющие просторечие, существуют в языке в огромном количестве на всех уровнях языка.

Нередко при описании просторечия на его значение накладываются оценочные характеристики, которые изначально заложены в единицах [Бельчиков 1990; Журавлев 1997]. Так, в лексикографических источниках можно встретить смешение помет ‘простореч.’, ‘сниж.’, ‘фамил.’.

К характеристикам носителей просторечия [Земская 1988; Голубева-Монаткина 1988; Журавлев 1997] относятся социальная характеристика (как правило, это городские жители с невысоким уровнем образования и с профессией, не требующей металингвистической рефлексии), неразвитость языкового чутья, неумение различать норму / не-норму, ряд своеобразных коммуникативных признаков (ограниченный круг общения, отсутствие склонности к чтению). Носитель просторечия вне бытовой сферы общения не может переключиться на другую разновидность устной речи: «если речи человека присущи определенные черты в фонетике, лексике, грамматике, то они находят свое проявление в речи, связанной с официальными условиями речевого общения» [Китайгородская 1988: 158].

Приведем классификацию и примеры просторечных элементов по языковым уровням. На фонетическом уровне при образовании просторечия происходят следующие явления [Бельчиков 1990; Журавлев 1997]:

- смещение ударения (*шОфер, прИговор*);
- стяжение гласных (*милищанер*);
- ассимиляция (*резетка, ридикулит*);
- диссимиляция (*колидор, анпутировать*);
- оглушение согласных (*в маринате, юпочка*);
- озвончение согласных (*крыжечка*);
- эпентеза (*страм, здря*);
- исчезновение или усиление [j] (*ретузы, гравель*);
- изменение в группе согласных (*жись, пелемени*);
- сокращение числа слогов (*струмент, по-человецки*).

Н.И. Голубева-Монаткина дополняет список следующими средствами:

- устранение стечения гласных (*какао* → [какАва]);
- редукция интервокальных согласных (*наверно* → [наЭрнь]);
- метатеза внутри слова (*шоссе* → *соше* [сашЭ], [сошЭ]).

В морфологии наблюдаются явления:

- изменение рода существительных (*сандаля, мыш*);
- изменение в форме склонения (*делов, на бюллетне, стаканЫ, какаву, в бигудях*);
- отклонение в образовании сравнительной и превосходной степени (*ширше, наиболее чаще*);
- ненормативные явления в словоизменении местоимений (*у ней*), глаголов (*хочут*).

В лексике происходят следующие изменения:

- освоение говорящим только части значений полисеманта;
- семантические сдвиги (*мясо* ‘говядина’);
- влияние на форму выражения слова народной и ложной этимологии (*подстамент, полуклиника*);
- «ложностыдливая» («мещанская») эвфемизация (*кушаю* вм. *ем*, *супруга* вм. *жена*).

На синтаксическом уровне выделяются изменения:

- в глагольном управлении (*достигать до цели*);
- в падежных значениях (*умер воспалением легких*);
- в появлении конструкций, не свойственных литературному языку (*Он никогда чтоб кого-то обидеть. Которые моложе пусть поишачут*) и т.д. [Голубева-Монаткина 1988].

Присущие устной речи черты и тенденции в целом, «оказываются в просторечии более продвинутыми, преодолевают порог норм литературного языка, что связано с особенностями говорящего субъекта – носителя просторечия» [Китайгородская 1988: 181].

Отметим, что многие исследователи отмечают использование разговорной речи в целях стилизации в художественной литературе. «Художественную прозу как высшее проявление национального языка питают все представленные в нем источники... будь то диалектная, устно-разговорная, жаргонная речь, письменные канцеляризмы и просторечная стихия. Единственным мерилom служит чувство прекрасного и соразмерного, вкус и такт художника» [Гривенная 2006: 36].

3. Категория свойственности (сопричастности) / чуждости как объект лингвокультурологического исследования

Деление на «свой» и «чужой» мир с древности является фундаментальным принципом восприятия людьми универсума. Человек начинает познание с себя и своего окружения, он отделяет свое пространство, личное, территориальное, бытовое, от чужого, таким образом организуя и упорядочивая явления окружающей действительности.

Широта категории «свойственности / чуждости» определяется ее участием в формировании представлений о бинарной структуре мира, она «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 127]. При этом оппозиция «свой / чужой» может приобретать различные интерпретации: «мы / они», «здесь / там», иметь аксиологическую характеристику «хороший / плохой».

Универсальность оппозиции предполагает междисциплинарный подход к ее анализу, поэтому исследуемую категорию рассматривают в пределах разных теоретико-методологических подходов и разных дисциплин. В культурологии «своя культура» противопоставляется «не-культуре» по признаку «организованности / неорганизованности», чужое воспринимается как неорганизованное, неструктурированное, не имеющее порядка [Лотман 2002: 109-110]. В рамках антропологии, социологии, политологии «свойственность / чуждость» сводится к оппозиции различных этнических обществ [Кишина 2009: 11].

Лингвистическая интерпретация семантики описываемой категории разрабатывается с разных позиций. Одно направление изучения категории свойственности / чуждости связано с традиционно лингвистической позицией [Сахно 1991; Пеньковский 2004; Петроченко 2005; Кишина 2009; Ким 2011а].

Другие филологи [Иванов, Топоров 1965; Степанов 1997; Серебренникова 2005] рассматривают проблематику с помощью лингвокультурологических понятий. Так, А.Н. Серебренникова оппозицию «свой / чужой» накладывает на разные пласты диалектной лексики, описывает лингвокультурологические поля и субполя, семантическим наполнением которых являются отношения родства, место жительства, этническая принадлежность. Р.Н. Порядина говорит о том, что категория «свой / чужой» является дискурсообразующим понятием диалекта, поскольку оно включает основу языкового самоопределения [Порядина 2007: 44]. Семантические оппозиции концептосферы чуждости исследователь рассматривает на основе родственных, социальных, пространственных, временных, конфессиональных, морально-этических отношений [Там же].

Категорию свойственности / чуждости можно рассмотреть через понятие личной сферы. Термин впервые ввел А.Д. Апресян в статье 1986 г., отмечая, что в личную сферу говорящего «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Апресян 1997: 293].

В 1989 г. А.Б. Пеньковский начал изучение языковых коррелятов оппозиции «свое / чужое». В табл. 1 приведены свойства, по которым противопоставлены свой и чужой мир [Пеньковский 2004: 9].

Таблица 1

Признаки противопоставления «своего / чужого»

<i>свой мир</i>	<i>чужой мир</i>
мир уникальных дискретных объектов	плоский мир нерасчлененных объектов
динамичный, объемный	неподвижный, статичный, плоский
познанный	чуждый и враждебный, неведомый
мир собственных имен, единственного числа	мир форм множественного числа со значением множества, нарицательных и собственных имен в значении нарицательных

Говоря о чуждости мира, субъект всегда сопровождает сказанное негативной оценкой, что отражается во введенном А.Б. Пеньковским понятии пейоративное отчуждение. Исследователь выделяет 4 средства выражения чуждости мира (примеры А.Б. Пеньковского).

1. Изменение собственного существительного единственного числа на нарицательное множественного, например: *наполеоны* (наполеоновские солдаты в «Войне и Мире» Л.Н. Толстого).

2. Использование обобщенного местоимения *всякий*: «—*Да успокойтесь вы, батюшка-барин; что ж вам убиваться из-за всякого прощельги...*» (И.Ф. Горбунов. Старое житье).

3. Употребление неопределенного местоимения *какой-то* (реже *какой-нибудь*): «...*мое появление лишний раз напоминало ей о ее ошибке, о том, как низко она пала, выйдя замуж за Веньку, неотесанного парня с окраины. Благородное воспитание, ковры, фарфор – и вдруг какой-то безродный Венька...*» (Л. Сапронов. Старожил).

4. Введение специализированного знака отчуждения – частицы *там*: «*Надежда овладела общим вниманием, хотя переговаривалась только со мной, улыбалась лишь мне, а не каким-то там посторонним и незнакомым*» (А. Белов. Марш на три четверти, I, 3).

Средства пейоративного отчуждения могут использоваться по отдельности и создавать сложные синтетические единства: «*Она находилась в том возрасте, когда собственные увлечения, всякие там встречи и знакомства забывают напрочь*» (В. Андреев. Тревожный август).

Таким образом, А.Б. Пеньковский характеризует категорию свойственности / чуждости по второму члену, создавая оппозицию «чужое / нечужое».

Несколько с другой стороны личная сфера рассматривается сквозь призму понятий сопричастность (причастность, участность), контроль. Наиболее подробно и систематично эти понятия анализирует И.Е. Ким [Ким 2007, 2009а, 2009б, 2011а, 2011б, 2012]. При рассмотрении предметной деятельности человека личную сферу можно разделить на две субсферы: причастность и контроль. Контроль

подразумевает, что субъект управляет процессом, происходящими событиями, причастность понимается как небезразличие человека к происходящим событиям, но при этом главенствующая роль в них факультативна [Ким 2011а: 144].

Сопричастность определяется как «семантическая категория, характеризующая наличие связи между лицом, участвующим в психоментальном или знаковом событии, и лицом, предметом или событием, являющимся одним из объектов этого события, причем связи, осознаваемой лицом – участником психоментального или знакового события» [Там же: 162]. Сопричастность бывает двух типов (примеры И.Е. Кима):

1. интимной, эмоциональной: *Честно говоря, Князь Игорь мне не очень симпатичен* (Известия. 01.11.2002);
2. идентичной в родственных, социальных, территориальных, этнических отношениях: *Мы уже сейчас сотрудничаем с коллегами из Калифорнии* (Знание – сила, 2003); *Между соотечественником и гражданином большая разница* (Известия. 10.05.2001).

Языковые феномены, отражающие личную сферу, группируются не по лексическим и грамматическим, а по формально-семантическим критериям. И.Е. Ким анализирует ряд языковых явлений, связанных с личной сферой, сопричастностью и контролем. Назовем некоторые из них.

1. Метапредикаты сопричастности – предикатная лексика, напрямую обозначающая различные виды сопричастности: *сопричастный / сопричастность, причастный / причастность, родной / родство / родственный, близкий / близость*, а также предикаты каузации сопричастности: *привлечь, очаровать* и т.д. [Ким 2011а: 168].

2. Предикаты и их производные со значением социального действия и семантикой сопричастности или контроля, например: *Никита согласился нам **помочь**. Он сказал мне, что сам с нами с удовольствием поиграет и даже договорится, чтобы какой-то клуб на Петроградской выделил нам сцену для репетиций и синтезатор Yamaha* (Запись LiveJournal (2004)) [Там же].

3. Лексические и грамматические средства выражения посессивности, основными отношениями которых являются отношения обладания и партитивности: *пила соседа; его конфета; у меня есть книга; Столь же хороший признак о себе рассказывать; значит, человек чувствует в окружающих братьев себе* (В. Розанов. Уединенное; ср. *своих братьев*) [Там же: 222-223].

4. Средства выражения оценки. Как писала Н.Д. Арутюнова, «для того, чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя... оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир. Ее принцип – “Мир существует для человека, а не человек для мира”» [Арутюнова 1999: 181]. Наиболее маркированными среди выражений оценки являются диминутивы, изучением которых занимались [Спиридонова 1997, Вежбицкая 1997].

И.Е. Ким приводит механизмы, благодаря которым диминутивы выражают сопричастность: через реализацию оценки, через стилевое смещение, перевод в разговорную речь, через сближения сопричастного объекта с объектом небольшого размера [Ким 2011а: 220].

5. Наименования лиц и сложных социальных объектов обычно служат только базой для появления семантики сопричастности [Там же: 170], более конкретные смыслы достигаются введением дополнительных актуализаторов выражения сопричастности. Среди нарицательных имен особо выделяются реляционные существительные (*друг, земляк*), существительные со значением социального статуса (*директор, инженер*). На имена статуса могут накладываться различные средства выражения посессивности [Там же: 177-180].

6. Средства личного дейксиса (личные местоимения и формы глагола). Ситуация коммуникации отображает модель мира, где в центре – говорящий (1 лицо), рядом – партнер по говорению (2 лицо), за пределами – не участники (3 лицо). Одной из первичных форм является 1 Множ., поскольку эта форма обозначает множественность и включает в состав референтной группы говорящего, который может причислять себя к разнообразным группам лиц. Напрямую с выражением сопричастности связаны явления транспозиции лица, например, *Только на Женю*

(ведущая телепередачи) *смотрим; Дверочки не загораживаем!* Транспозиции могут проходить по двум линиям: смещение по лицу и смещение по числу. И.Е. Ким приводит общую линию транспозиций: 1 Ед. (эго-сфера) – 1 Множ. – 2 Ед. (личная сфера) – 2 Множ. – 3 Ед. – 3 Множ. (объектный мир) [Там же: 229-232].

К языковым средствам, выражающим контроль, относятся грамматические средства выражения субъекта пропозиции (падеж и залог) и использование лексики со значением физического или социального объектного действия в аспекте контроля/причастности. За актуализацию контроля отвечают практически все основные категории глагола: вид, залог, лицо, причем работают они во взаимосвязи [Там же: 170].

И.Е. Ким резюмирует представления о «своем» мире: это «перцептивно и коммуникативно близкий мир, в котором объекты присоединяются к человеку (посесивность), уменьшаются в размерах (диминутив), вступают в коммуникативное взаимодействие (транспозиции лица)» [Ким 2007: 189].

Сопричастность не является прямым коррелятом свойственности и не является парой к понятию отчуждения. Маркированная сопричастность и чуждость противопоставлены не-сопричастности и не-чуждости соответственно. Нейтральной зоной является невыраженная категория свойственности / чуждости. Нейтральная зона (не-свое и не-чужое) возникает при отсутствии коммуникативного контакта и индивидуализации, немаркированность можно обозначить местоимениями *Вы, он, они* [Там же: 190-191].

В дальнейшем при описании оппозиции своего и чужого мы будем использовать термин «сопричастность».

Поскольку наш анализ стилизации выполнен на материале романа И.С. Шмелёва, мы перейдем к фиксации результатов изучения его творчества, полученных специалистами в разных филологических областях.

4. Творчество И.С. Шмелёва как предмет филологических исследований

Творчество И.С. Шмелёва привлекало к себе внимание давно, однако количество работ, посвященных его творчеству, стало расти в связи с изданием собрания

сочинений в России, мероприятиями, связанными с пятидесятилетием кончины писателя (основные встречи исследователей и вечера памяти проходили 29-30 мая 2000 г.), когда была исполнена последняя воля Ивана Сергеевича – захоронение в родной земле (перевезен прах писателя и его жены из Парижа и погребен в некрополе Донского монастыря в Москве).

Наиболее интенсивно изучаются романы [Горюнова 1991; Николина 1994; Юровская 2000; Колосова 2003; Смирнова 2009] и повести писателя [Дунаев, Черников 1986; Пушкарева 1988; Евдокимова 2000; Таянова 2001; Еременко, Карпова 2006; Мамедова 2007; Подвигина 2010]. Отдельно изучается и роман «Няня из Москвы» (НМ) [Шешунова 2000, 2001, 2002; Мартьянова 2004; Руднева 2004, 2005; Кормилов 2007]. Воспроизводится биография И.С. Шмелёва [Любомудров 1994, 2003; Сорокина 1994; Черников 2002; Спиридонова 1996; Солнцева 2006]. Можно также выделить ряд публикаций-мемуаров современников И.С. Шмелёва [Куприн 1933; Станюкович 1969; Ильин 2000; Мочульский 1999; Бальмонт 2009; Жантийом 2009; Зайцев 2009; Земмеринг 2009].

Отдельно исследователями рассматривается эмигрантский период творчества писателя [Жуков 1991; Компанеец 2003; Солнцева 2005; Сорокина 2009]. В некоторых работах творчество И.С. Шмелёва анализируется вместе с творчеством других писателей-эмигрантов, имевших близкие или непохожие мировоззренческие позиции [Есаулов 1995; Бронская 2000; Павлова 2000; Любомудров 2003; Полторацкая 2006; Шешунова 2006; Лау 2008, 2009; Черников 2008], либо изучаются литературно-культурные связи и перенятые И.С. Шмелёвым традиции русской классики [Дунаев 2002; Платонова 2007].

Особое место уделяется духовному пути писателя, часто его творчество изучают через призму православия [Дунаев 1976, 1978, 2002; Любомудров 1994, 2003; Есаулов 1995; Зайцева 1999; Шешунова 2000; Таянова 2001; Кузнецова 2003; Макарова 2007; Карташев 2009; Лау 2008, 2009; Серафим 2009].

В этом параграфе мы кратко изложим только те результаты изучения произведений И.С. Шмелёва, которые учитывались при написании диссертационной работы.

4.1. Духовный путь И.С. Шмелёва

Произошедшие в конце XIX – начале XX вв. изменения в сознании людей и открывшиеся перед человеком возможности, принятые интеллигенцией просветительские взгляды, идеи социальной справедливости поставили под сомнение необходимость традиционного элемента русской классики – христианского духа. Традиции христианства, церковность стали изживаться метафизикой символизма. Однако события 1917 г. вернули часть интеллигенции к вере, к гуманистическим общечеловеческим ценностям и нравственным постулатам, забытым среди хаоса основной массой. Обратились к православной традиции и писатели-эмигранты.

Возвращение к истокам, путь к воспроизведению воцерковленной России определялись становлением самих писателей, хотя их личностные и творческие жизни оказались непохожими, иногда даже противоречивыми (например, судьбы В. Набокова, И. Бунина и И. Шмелёва, Б. Зайцева).

Духовный путь И.С. Шмелёва на протяжении всей жизни оставался драматичным, неоднозначным, постепенным, что дает основание для сравнения с Ф.М. Достоевским: «Очевидная, отмеченная многими духовная родственность Шмелёва и Достоевского состоит в том, что “осанна” Шмелёва точно так же прошла через “горнило сомнений”» [Любомудров 1993: 365].

В молодости писатель увлекся изучением внерелигиозных социальных систем, позитивистских и рационалистических идей. Во-первых, на миропонимание студента-юриста подействовал научный рационализм (материализм Г. Бокля, физиологический детерминизм Ч. Дарвина и его последователей, естественнонаучные взгляды К.А. Тимирязева и особенно открытия в области психологии И.М. Сеченова); во-вторых, на молодого И.С. Шмелёва повлияли неортодоксальные идеи Л.Н. Толстого. Н.М. Солнцева справедливо отмечает, что в жизни И.С. Шмелёва была и третья сила, противодействующая первым двум, — воздействие со стороны будущей жены писателя: Ольга Александровна Охтерлони вернула его к православной церковной жизни.

В раннем периоде творчества И.С. Шмелёв стремится передать собственное понимание гармонии и упорядоченности жизни. Проблема православия, веры как

опоры для России начинает раскрываться в творчестве И.С. Шмелёва с середины 1920 гг. [Сорокина 1994; Любомудров 2003; Солнцева 2006]. После пережитой в Крыму трагедии – потери единственного сына – писатель «от произведений 10-х годов, продолжающих, условно говоря, “демократическую” линию русской литературы, переходит к совершенно новому мироощущению, которое можно назвать торжествующим христоцентризмом» [Есаулов 1995: 246]. Писатель понимает, что социальный рай не принесет счастье, человеку нужно страдать и только этим совершенствоваться, только «опыт “духовного странничества” – высшая ступень христианского совершенствования» [Лау 2008: 215].

Однако и творчество зрелой поры было не однородно; произведения наполнены постоянными размышлениями, они отражают поиски ответов на мучающие И.С. Шмелёва вопросы. Переход от страшного трагизма к приятию христианского света особенно заметен в автобиографической эпопее «Солнце мертвых» (1924), при описании Крыма переплетаются два мифа (об адской Киммерии и плодородной Тавриде). Киммерийский миф постепенно вытесняется христианским жизнеутверждением. Сквозь смерть, злодеяния страшного солнца просвечивается человеколюбие, свет и сила жизни. Эта линия отражается в образах детей, в добрых поступках персонажей, в помощи друг другу. В конце текста киммерийский миф полностью побежден: на улице весна, слышна песня дрозда.

После произведений, наполненных отчаянием, болью за погибающую Россию, после образа «пустых небес», рефреном выступающим в «Солнце мертвых», писатель создает в 1927 г. первый цикл светлых очерков, из которых позже будет создана книга «Лето Господне».

Вписанность в религиозно-православный контекст писателя анализирует И.А. Есаулов с позиции рассматриваемой им категории соборности. В его монографии «сделан акцент на *ведущей* категории русского православного христианства и ее отражении в литературных *произведениях* различных исторических периодов» [Есаулов 1995: 3]. Отношение писателей-эмигрантов к соборному началу в некоторой степени определяло отношения между Святой Русью и Советской Россией.

А.М. Любомудров относит творчество И.С. Шмелёва к «духовному реализму». Названное направление находится на стыке религии и литературы и трактуется исследователем как «художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире» [Любомудров 2003: 6]».

В XX в. процесс сближения светского и православного творчества в силу исторических причин был возможен только в русском зарубежье «и в первую очередь связан с именами Бориса Зайцева и Ивана Шмелёва – двух классиков XX века, которых без оговорок можно назвать *православными писателями*. Навсегда лишенные родины, они открыли “Россию Святой Руси” и воплотили ее образы на страницах своих книг» [Там же: 5].

Духовный реализм И.С. Шмелёва имеет несколько особенностей. Во-первых, в судьбах персонажей всегда виден Божий Промысел, Божья воля становится одной из главных действующих сил (например, в НМ, «Путях небесных», «Куликовом поле»): «в его книгах разворачивается битва света и тьмы, картины греховных искушений и их преодоления, – т.е. всесторонне воссоздана *духовная брань*» [Любомудров 2003: 232].

Второй особенностью духовного реализма И.С. Шмелёва является документализм. Практически все герои и сюжеты являются переработанными, но имеющими прототипы. Православие И.С. Шмелёва «приземлено», его можно увидеть в простом быте, обрядах, такая религия зрима. Для возрождения России необходимо одухотворить историю, создать свою Священную историю.

Н.В. Лау выделяет в творчестве И.С. Шмелёва связанный с пониманием соборности мотив «духовного странничества», трактует его как внутреннее движение к Богу человека, которому чужда обыденная, мирская жизнь [Лау 2008]. Духовные странники обладают духовным богатством, они живут вне времени, поэтому политические перипетии, исторические катастрофы их не трогают, «только через освобождение от всего земного, за гранью “человеческого” человек может принять в себя частичку Божественного Духа – стяжать Благодать» [Там же: 217].

Несколько другую интерпретацию характеристики героев с православной позиции предлагает Т.А. Таянова [Таянова 2001], а именно выделение двух категорий

персонажей: праведников, живущих на благословенной земле, и жестоких сердцем грешников; героев, идущих по пути земному (греховному, плотскому) и выбравших небесный путь (добродетельный). И.С. Шмелёва, по мнению исследователя, не интересовали диалектичные, средние натуры, в душе которых живут и «небесность» и «зверообразие». Четкое разделение героев диктует построение художественной композиции произведения.

Такое мировосприятие доминирует и в фольклоре, в древнерусской житийной литературе, в произведениях писателей XIX в., рассматривающих тему религиозных праведников. «Художественный мир Шмелёва как бы вбирает в себя (не вырастает *из*, но именно собирает *в* себе) и древнерусскую книжную традицию на воцерковление человека, и свойственную классической русской литературе XIX в. преимущественно имплицитную ориентацию на высший идеал совершенства, которым является Иисус Христос» [Есаулов 1995: 252].

К «райским типам» И.С. Шмелёва безоговорочно относятся Анастасия («Неупиваемая чаша», 1918), Маша из «Блаженных» (1926), Степан и Паша из «Истории любовной» (1927), Горкин и Ваня в «Богомолье» (1935) и «Лете Господнем» (1933-1948), Дарья Степановна из НМ (1934), Даринька («Пути Небесные», 1948). Назовем некоторые черты, по которым можно выделить праведников.

1. Обычные люди воспринимают их как чудаков «не от мира сего».
2. Портреты часто иконописны, писатель обращает особое внимание на лицо, глаза и руки своих героев.
3. С помощью особого языка, мягких поучений герои-праведники выполняют свою главную функцию – несут в мир истинный свет.
4. Герои «райского типа» обладают «детскостью», детским восприятием мира, они замечают и восхищаются мелочами быта. Поскольку вера ребенка идеальна, именно к детской вере нужно стремиться взрослым.
5. Праведники с верой и безмятежностью следуют традициям.
6. У гармоничных персонажей размываются рамки времени, обостряется чувство вечности, привычное деление времени на промежутки прошлое-настоящее-будущее становится менее определенным. И.А. Есаулов говорит о том, что худо-

жественное время И.С. Шмелёва циклично (ориентиры – церковные праздники), замкнутость выражается в отношении героя и эпохи.

7. Пространство для праведников, как и в религиозной житийной литературе, условно находится между светом и тьмою, небесным и подземельным [Таянова 2001]. Основное пространство, где живут души праведники – рай, однако писателю близок не только рай, описанный в богословской литературе, но и народный образ рая.

На характеристику негативных персонажей повлияли как православная, так и народная традиции, народное представление о нечистой силе. Так, злые герои чаще всего рыжеволосые и зеленоглазые, они имеют сходство с каким-нибудь животным, например, со змеей или быком. При появлении зла в произведениях появляются темы греха, искушения, преступления, соблазна. Так, все ухажеры Катеньки из НМ осуждаются няней, одного из них она называет «бесом», любовь же Васи чиста, идеальна. В «Путях небесных» барон Ритлингер – зеленоглазый дьявол [Шмелёв 2008, т. 12: 175].

В позднем творчестве И.С. Шмелёв, «уверенный в истинности Божией Правды... моделирует некую сверхреальность и показывает ее существование с помощью различных художественных средств [Таянова 2001: 135].

4.2. Проблема народности в мировоззрении И.С. Шмелёва.

«Экстракт русскости» писателя

Революция разделила жизнь и творчество Ивана Шмелёва на две части: до- и послереволюционную, эмигрантскую части. Но по замечанию А.П. Черникова, «где бы ни жил писатель – на родине или за ее пределами – он всегда писал только о России и для России» [Черников 2002: 11-12].

Многие исследователи замечают, что одна из главных тем творчества писателя – тема родного, своего, русского мира, «высокой и одухотворенной человечности» такого мира [Ильин 2000: 14]. А.И. Куприн подобрал интересный эпитет, обозначающий наивысшую степень отражения национального характера в творчестве писателя: «Шмелёв изо всех русских самый распрерусский, да ещё и ко-

ренной, прирождённый москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа» [Куприн 1933: 6]. И.А. Есаулов отмечает, что критики эмиграции противопоставляли творческий путь И.С. Шмелёва и В.В. Набокова, отмечая у первого истинную, глубинную «русскость», а у Сирина – вызывающую «нерусскость». По мнению Т.А. Таяновой, И.С. Шмелёв всегда старался передать «национальную художественную вселенную» [Таянова 2001: 136].

Филологами [Ильин 1959; Сорокина 1994; Черников 2002, 2006; Солнцева 2006] выделяется несколько причин особого и пристального внимания И.С. Шмелёва к жизни и психологии простого русского человека. Истоки находятся в особенностях воспитания, в постоянной погруженности в атмосферу народной жизни с детства. Сам писатель отмечал в автобиографии, что именно «на дворе» [Шмелёв 2008, т. 3: 502], в Замоскворечье, получил множество впечатлений. Отец Сергей Иванович Шмелёв, подрядчик строительных работ, нанимал из множества губерний строителей и ремесленников, разных по обычаям, знающих множество сказок, песен и преданий: «Эти “архимеды и мастаки” пели смешные песенки и не лазили в карман за словом. Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова» [Там же].

И.А. Ильин утверждает, что «эта национальная почвенность, этот неразвезанный, нерастраченный, первоначально крепкий экстракт русскости» связан с рождением и жизнью писателя в Москве, где еще сохранились старорусские богатые традиции [Ильин 1959: 138]. Поэтому же и книга О. Сорокиной, посвященная жизни и творчеству И.С. Шмелёва, называется «Московиана». Тема духовного уклада традиций и нравов Москвы, по мнению исследователя, является стержневой.

Народ как персонаж в творчестве писателя появился благодаря творчеству А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, которых И.С. Шмелёв называл вершинами национальной культуры.

При этом внимание, любовь и уважение к простому человеку основывались и на церковном воспитании, на православной вере, которая во многом сформировала И.С. Шмелёва как человека и как творческую личность. Однако отношение к народу на протяжении всего творчества у писателя остается амбивалентным. К теме народного характера И.С. Шмелёв обратился еще во время Первой мировой войны, написав несколько очерков под названием «Суровые дни», в которых показал не только героические поступки деревенских жителей, подчеркнул страсть народа к поиску истины, но и обратил внимание на исконную, дикую природу русского мужика. Герой И.С. Шмелёва – обладатель моральной силы, «выразитель жизнеспособности России» [Солнцева 2006: 42].

Обе революции послужили следующим этапом в осознании И.С. Шмелёвым русского народного характера. Приняв Февральскую революцию, писатель создал ряд очерков «В Сибирь за освобожденными». По мнению Н.М. Солнцевой, главным мотивом этого цикла выступило «обновление жизни, преобразование России в преобразении народа, в его чуть ли не религиозно-одухотворенном участии в переменах» [Солнцева 2006: 49]. Однако революционный романтизм в творчестве И.С. Шмелёва скоро исчез, появились очерки «Пятна», в которых изображен раскол России, Октябрь уже представляется разрушительным. Писатель, как и весь русский народ, начинает осознавать, что речи агитаторов-демагогов ничем не подкреплены. Революционный экстаз народа воспринимается И.С. Шмелёвым как болезнь.

В рассказах 1920 гг., также как и в более ранних, писатель, с одной стороны, восхищается русским народом, подчеркивает его силу, возможности. С другой стороны, он пишет, что русская толпа жестока, народ темен, его легко повести за собой, заставить делать зло. В статье «Крестный ход» (1924) И.С. Шмелёв показывает буйную толпу солдат, податливых на лозунги. В том, что русский народ стал толпой, виновата интеллигенция. Но русские способны противостоять и силе большевиков, и напору интеллигенции, сумев возродить в себе доброту и чувство справедливости. «В идеологически заблудившемся, благодаря бритым, с чужими

лицами людям в галифе, народе И.С. Шмелёв разглядел человечность» [Солнцева 2006: 99].

С отрицанием толпы у И.С. Шмелёва связано и признание нежизнеспособности Европы. Русским тяжело среди европейской стадной толпы. Революция, по мнению писателя, произошла из-за прогрессирования европейской мысли, культуры: И.С. Шмелёв всецело принял идею заката Европы О. Шпенглера.

И.С. Шмелёв утверждал, что мир изначально прост и целостен, дух и плоть существуют, между ними нет противоречий. Именно такое мировосприятие для писателя представляется народным. Проблема народности, «русскости» для И.С. Шмелёва неотрывно связана с происходящими событиями в судьбе России и в личной жизни писателя, поэтому И.С. Шмелёв наделяет народ определенной миссией.

4.3. Оппозиция «было» и «стало» в мировосприятии Шмелёва-эмигранта

После прошедших революций художники стали осознавать, что нынешняя Россия утрачена, ее место постепенно занимает новая страна, на смену старым родным устоям приходят новые. Особые ощущения возникали у писателей-эмигрантов.

В публицистических рассказах И.С. Шмелёва 20-х гг. сравниваются Россия Советов и Российская империя. В статьях «Крестный ход», «Город-призрак», «Russie», «Яичко», «Письмо молодого казака» и других прошлое описывается идиллически, оно ассоциируется с душевным покоем, прошлый мир устойчив, статичен; новый – хаотичен, непредсказуем и страшен [Солнцева 2006].

После отъезда за границу Россия еще более представлялась писателям-эмигрантам потерянным раем, поэтому многим из них было свойственно идеализировать прошлое. И.С. Шмелёв именовал предреволюционную Россию «светлым царством русским», сравнивал ее с градом Китежем [Черников 2002, 2008; Шещунова 2002], который сумеет выйти из вод Светлояра, куда он скрылся от врагов во время татаро-монгольского ига. Миф о Китеж-граде становится в начале XX в. «национальным трансмифом, а точнее, глобальным архетипом» [Черников 2008:

б]. Приведем размышления самого писателя: «Это искание Правды, желание строить жизнь с Богом и “по-Божьи”, взыскание Града Небесного, Китеж-града... Да, ищем. И найдем, быть может! Вот, что такое – Светлая сторона души России!» [Шмелёв 2008, т. 6: 563].

Опорой эмигрантского мировоззрения являлось православие, воспринимаемое писателями как способ сохранения своей национальной самобытности. Однако И.С. Шмелёв понимал, что «светлую сторону души России» составляют русские люди, которым и предстоит возродить родину, помогать ей выйти из морального и политического тупика. А.М. Любомудров заметил, что главной идеей публицистических статей остается не призыв к вере, а любовь к родине: *«это философия возрождения России, но не проповедь христианской веры»* (курсив – А. Л.) [Любомудров 2003: 126].

Г.В. Адамович в книге «Одиночество и свобода» писал: «Чего хочет автор? – Воскрешения “святой Руси”, притом вовсе не углубленно-подспудного, таинственного, очищенного, обновленного, но громкого, торжественно задорного, наглядного, осязаемо реального!» [Адамович 2002: 71-72]. Естественно, что И.С. Шмелёв как художник возлагал надежды в возрождении прошлого не только на народ, но и на целительное слово писателя, роль которого в тяжелые периоды жизни страны огромна.

4.4. Язык произведений И.С. Шмелёва как объект лингвостилистических исследований

На протяжении всего творческого пути И.С. Шмелёв придавал особое значение слову как метафизическому явлению, хотя систематично и развернуто вопрос философии слова не отражался в его эстетических статьях. Однако мысли о миссии писателя отражены в литературно-критических статьях, речах, некрологах, рецензиях («Душа родины», 1924; «Удар в душу», 1929; «Русский писатель», 1932; «Жестокая утрата», 1928). В годы эмиграции И.С. Шмелёв активно участвовал в общественной жизни, принимал участие в различных политических, литературных мероприятиях, выступал на вечерах и собраниях, при этом для писателя

главным оставалась «роль слова в формировании культурно-нравственной атмосферы жизни» [Еременко, Карпова 2006: 15].

По замечанию Л.И. Еременко и Г.И. Карповой, И.С. Шмелёв всегда восхищался магической силой слова, его бойкостью, выразительностью, необъятностью, гибкостью и легкостью [Еременко, Карпова 2006: 11]. Ощущая и пытаясь передать в своих произведениях «дыхание живых слов» [Шмелёв и Бредиус-Субботина 2003: 542], писатель понимал, что за животворящими способностями слова стоит необыкновенная мощь и способность воздействия этого явления.

По свидетельству современников, И.С. Шмелёв был знатоком русского слова и прекрасным стилизатором, его даже называли «творческим пересмешником» за опыты стилизации творчества И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.П. Чехова. Высоко ценили язык И.С. Шмелёва русские писатели, поэты, философы, критики, оставшиеся в России и эмигрировавшие, современники и последующие поколения: А.И. Куприн, К. Бальмонт, Г.В. Адамович, И.А. Ильин, Б. К. Зайцев и многие другие. А.И. Куприн в работе, посвященной 60-летию И.С. Шмелёву, в 1933 году пишет: «Шмелёв теперь – последний и единственный из русских писателей, у которого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка» [Куприн 1933: 6].

Созданные И.С. Шмелёвым тексты обладают своеобразной свободой, слова играют в произведениях: «Богатствами русского языка Шмелёв владеет, как редко кто. Власть над словом родится из стихии художественного образа. Они суть верные и точные знаки образных событий и духовных обстоятельств» [Ильин 1959: 148].

Другие современники писателя – З.Н. Гиппиус и Г.В. Адамович – отмечают даже избыточность концентрированности средств и приемов языка писателя. Приведем образное высказывание З.Н. Гиппиус о манере письма И.С. Шмелёва: «... слишком русский Шмелёв так густ, что ложка стоит, а глотать – иной раз и подавишься. Чувства меры не имеет никакого. По-русски безмерное – святое – бурление души заставляет его забывать и о писательском целомудрии, которое в иные времена смыкает уста художника. Кипит в сердце, через край хлещет, где тут думать о мере!» [Цит. по: Литература русского зарубежья 2006: 39-40].

Г.В. Адамович также пишет о языковой насыщенности писателя: «Страница Шмелёва необычайно насыщена, порой даже чересчур, будто изнемогая под тяжестью стилистических завитушек, ни одной пустой строки, и ... читатель, слишком уж обильно угощаемый, иногда жаждет отдыха – ну хотя бы на полстранички побледнее, посуше, попроще!» [Адамович 2002: 66].

Лингвистический аспект изучения творчества Шмелёва до сих пор остается малоизученным, хотя индивидуально-авторская картина мира И.С. Шмелёва, ее языковая репрезентация, идиостиль писателя заслуживают особого внимания [Ковалёва 2011а: 155]. Приведем список филологов, работы которых частично или полностью посвящены анализу языка писателя [Дунаев 1976, 1978; Любомудров 1994, 2003; Прадид 1994; Сорокина 1994; Фурсенко 1994; Есаулов 1995; Черников 1995, 2002; Спиридонова 1996; Меркулова 1999; Москвитина 1999; Руднева 2002, 2004, 2005; Шешунова 2002; Колосова 2003; Еременко, Карпова 2006; Солнцева 2006; Макарова 2007; Мерцалова 2007; Лау 2008, 2009; Дюканова, Никонорова 2011; Ковалёва 2011а, 2011б; Коннова 2011; Медведева 2011; Подвигина 2011].

Излюбленной манерой и формой письма И.С. Шмелёва был сказ, в котором, по признанию исследователей, писателю не было равных [Сорокина 1994; Руднева 2002; Шешунова 2002; Солнцева 2005]. Как уже говорилось, сказ оказывается актуальным как для русских писателей, оставшихся на родине, так и для эмигрантов. Эмигранты наделяли словом носителя традиционного национального сознания, подобный сказ передает ностальгическое настроение по ушедшему прошлому. Такова и установка И.С. Шмелёва, который воссоздает традиционную картину мира, сохранившуюся в эпоху революции и отразившуюся в народном языке.

Большое количество произведений И.С. Шмелёва написано в форме сказа, на что указывают даже названия его произведений (рассказ странного человека, рассказ ветеринара, рассказ странника, доктора, спасенного и др.). Прославивший писателя «Человек из ресторана» также написан в сказовой форме, уже в 1911 г. писатель начинает искать образ своего рассказчика. Несмотря на долгие и разнородные поиски, «Шмелёву всегда удавалось соблюсти единство тона, воспроизведе-

сти живую интонацию, выдержать стилистическую характерность, создать иллюзию непосредственного высказывания, воссоздать своеобразие языковой личности рассказчика» [Руднева 2005: 118]. К. Мочульский писал, что «Шмелёв исходит не от идеи, а от самого конкретного, что есть в человеке – его дыхания, его “сказа”» [Мочульский 1999: 126].

Роман «Няня из Москвы» – один из наиболее ярких примеров такой талантливо воссозданной сказовой формы повествования. Речь няни в романе самоценна, нельзя говорить, что слово рассказчицы является только средством, поскольку оно не менее значимо, чем то, что она сообщает, появляется такое понятие, как событие рассказывания. По определению Е.Г. Рудневой, в романе «слово является самостоятельным предметом моделирования и изображения», «поэтика сказа – стилевая доминанта произведения» [Руднева 2005: 115].

И.С. Шмелёв имел опыт написания сказовых рассказов, однако целый роман написать в форме сказа оказалось гораздо сложнее. Все происходящее в произведении нам представлено только через восприятие, лексику и идиоматику рассказчицы. Писатель исчезает, остается только Дарья Степановна Синицына, сидящая на кухне у госпожи Медынкиной и рассказывающая то о своей эмигрантской жизни, то об истории семьи своих хозяев. Необходимость создать простую свободную болтовню няни сделала менее свободным самого автора. В письме от 12 февраля 1933 г. к И.А. Ильину Иван Сергеевич писал: «Руки связал себе, свободы себя лишил, как рассказчика, который волен дополнять и уяснять. Взял такой примитивный аппарат, как старухин язык, – да это же – блоху подковывать молотком кузнечным, – от блохи что останется? И получился *плач*... “на реках вавилонских”, у 77 дорог. Ску-ли, старуха... выдирайся на бережок, спа-сай силой, тебе присущей» [Ильин 2000: 359].

Кроме того, И.С. Шмелёв боялся, что текст, написанный в сказовой манере, будет монотонным, нудным. Поскольку композиция произведения тоже подчиняется выбранной манере, события расположены хаотичны. Сам писатель пояснял, что это диктуется рассказом няни, у которой измучена душа. Однако сказ не скрывает отношения И.С. Шмелёва к некоторым политическим, социальным реа-

лиям, например, к революционным иллюзиям, сквозь слова няни просвечивается авторская ирония.

С.И. Кормилов обозначил несколько новаторских приемов писателя при работе над НМ, необходимых для создания эффекта правдоподобия [Кормилов 2007].

1. Читателю известна собеседница Медынкина (в отличие от рассказа «Человек из ресторана»): ее фамилия, социальный статус, биография, характер.

2. Текст произведения разделен не только на главы, но и «на отрезки, соотнесенные с возможным реальным временем произнесения рассказываемого» [То же: 13]: из воссозданного диалога няни с Медынкиной мы понимаем, что рассказ длится три дня.

3. Монолог рассказчицы не последователен, встречаются самоповторения, забегающие вперед, пояснения. «Житейская бытовая интонация достигается перебоями речи, расстановкой слов, незаконченными предложениями, обращениями, вопросами, постоянными отклонениями от повествования, скачками, обмолвками, обрывами, интонационными жестами. Она поддерживает впечатление сиюминутной живой беседы» [Руднева 2004: 58].

4. Чужая речь рассказчицей передается по-разному: искаженно или дословно, графически отделяется тире и запятыми.

5. Еще одна особенность заключается в скрытой диалогичности романа, хотя роман представляет собой полностью монолог няни, мы можем воссоздать реплики собеседницы. Условность данного приема заключается в том, что госпожа Медынкина слишком мало реагирует на рассказ Дарьи Степановны: «в жизни няня гораздо больше *стеснялась* бы так долго занимать “барыню” своим рассказом» [Кормилов 2007: 16].

6. Выражение авторского сознания не тождественно сознанию созданной героини. Для сказа И.С. Шмелёва характерно освобождение от авторского наставления, способность объективно изучить жизнь персонажей благодаря выразительной народной речи рассказчика-героя. По словам Н.М. Солнцевой, автор занимает позицию размышляющего наблюдателя [Солнцева 2006]. «Художественная специфика творчества Шмелёва – своеобразное мышление в образах, которое, учи-

тывая его христианскую направленность, справедливо получило наименование «богословия в образах» [Любомудров 2003: 228].

При анализе НМ О. Сорокина отмечает, что автор учитывает специфику речи няни, обращая внимание на фонетические, лексические, фразеологические, грамматические особенности речи рассказчицы. Исследователь выделяет следующие средства:

- использование пословиц-поговорок и прибауток;
- наделение народной этимологией некоторых заимствований и отражение ее на письме;
- содержание в речи просторечий, провинциализмов;
- частое использование уменьшительных слов и выражений, использующихся при воспитании ребенка, что объяснимо профессиональной деятельностью няни [Сорокина 1994].

Отдельного внимания заслуживает монография С.В. Шешуновой, посвященная анализу образа художественного мира, благодаря таким характеристикам произведения, как пространство, время, поэтика [Шешунова 2002]. Рассматривая смысл пространственных наименований романа, С.В. Шешунова условно проводит вертикальную (гора – яма) и горизонтальную («ад (Запад, Америка) – рай (Москва) – ад (Восток, Индия)») оси. Вертикальная ось в большей степени связана с раскрытием мифопоэтической стороны романа, горизонтальная ось отражает реальное географическое пространство. По рассказу няни можно воссоздать примерный маршрут ее странствий: Москва – Крым – Константинополь – Париж – Индия – Париж – Америка – Париж. Неведомая сила носит героев по миру, о своих перемещениях няня говорит: *...Чисто въ жмурки играемъ по бѣлу-свѣту* (И.С. Шмелёв. Няня из Москвы, с. 18; далее в ссылках на цитируемый роман будут указываться только страницы); *...Будто вътромъ насъ разнесло* (с. 87). Выражение «куда ветром понесет» в XIX веке в народных легендах имело особый смысл: ветер в таком контекст – «послушная Богу стихия, орудие кары персонажей за греховное поведение» [Русские простонародные...2005: 303]. И.С. Шмелёв называл свой роман своеобразной «одиссеей» Дарьи Степановны. Обоснован-

ность такой схемы на каждом уровне подтверждается и подкрепляется лексическим материалом романа.

Таким образом, исследователи не раз замечали, что НМ в стилистическом, лингвистическом плане является одним из самых концентрированных произведений И.С. Шмелёва, однако до сих пор не появилось работ, в которых имелся бы всесторонний анализ языка романа.

5. Выводы к главе I

Некоторые из рассмотренных в первой главе терминов имеют множество пониманий, поэтому сформулируем определения и характеристики, которые будем подразумевать при использовании этих терминов.

Итак, *стилизация* – это особенный тип построения художественного произведения, организуемый при помощи особого языкового материала, присущего речевому обиходу замкнутой социальной среды в определенную эпоху.

Следующее важное для нашего анализа понятие – *сказ* – рассматривается как речевое явление, т.е. как прозаическое произведение, построенное в форме устного монолога, в котором способ повествования выявляет определенный круг речевых и языковых форм репрезентации текста.

Несмотря на все сходства просторечия с изучаемым нами объектом, мы используем термин *народная речь*, под которым понимаем разновидность устной разговорной речи национального характера, сформированной на стыке просторечия, народных говоров, а также вбирающей в себя традиционные фольклорные элементы. Используя термин *народная речь*, мы избавляемся от субъективности отношения читателей к сказителю, а также учитываем неоднородность речи рассказчицы, которая сложилась под влиянием многих факторов, исторических, социальных, пространственно-временных.

Помимо определения лингвистической базы мы привели результаты посвященных жизни и творчеству И.С. Шмелёва исследований, которые смогут пояснить литературную, мировоззренческую и жизненную позиции автора при написании

рассматриваемого нами романа, ввести нас в контекст современного писателю времени и происходящих событий.

Предметом научного интереса второй главы нашей работы является лингвостилистический анализ семантического пространства романа, для обрисовки которого писателем задействуются все использованные лексические единицы, а также выявление, описание и определение роли и функций способов и разноуровневых языковых средств в стилизации народной речи и выражении идейного содержания произведения.

ГЛАВА II.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА И.С. ШМЕЛЁВА «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»

Данная глава посвящена описанию семантического пространства романа, анализ которого построен на основе созданного корпуса текста. Прежде чем приступить непосредственно к описанию корпусных данных романа, дадим общую информацию о построении корпусов, наиболее актуальных проблемах, возникающих при работе с корпусами.

1. Корпус как метод лингвистического анализа

Анализ художественного текста становится полноценным благодаря широкому спектру научных подходов, которые отличаются разной степенью формализации: от искусствоведческих до математических. Разбор текста должен подразумевать гармоничное сочетание как формальных, так и семантических характеристик, поскольку исследуемое художественное произведение является познаваемым «эстетическим объектом» и «материальной лингвистической данностью» [Мухин 2011: 13].

Превалирование одной из сторон в исследовании влечет за собой либо сугубо статистическое описание, либо чисто интуитивные выводы, сделанные на основе самонаблюдения (интроспекции). При обращении к собственной языковой интуиции филолог самостоятельно собирает и оценивает языковой материал, необходимый для верификации или фальсификации гипотезы (сбор отрицательного языкового материала) [Кронгауз 2001: 92-93]. М.А. Кронгауз разделяет методы анализа по происхождению лингвистического материала на внутренние (*in vitro*) и внешние (*in vivo*). К первой группе относится интроспекция, которая в дальнейшем подвергается лабораторной оценке (анкетирование, интервьюирование). Применяя второй метод, наблюдательный, исследователь характеризует естественную коммуникацию и ее результаты. Сказанное можно отразить в табл. 2 [Кронгауз 2001: 96-97].

Источник	Внутренний	Внешний
эксперимент	интроспекция	анкетирование, интервьюирование
наблюдение	–	корпусный анализ, дескриптивные методы

Оценивая языковой материал, авторы, использующие интроспекцию, опираются на собственную интуицию, опрос – на чужую или усредненную: «языковая интроспекция исследователя как носителя языка не является абсолютно надежным инструментом, и ее необходимо верифицировать посредством обращения к корпусам и к опросу информантов» [Перцов 2006: 327]. Концентрируясь на конкретных деталях, ученый «оказывается в плену собственного языкового чутья и за деревьями частных употреблений не видит всего леса» [Там же]. Метод фиксации речевого факта (в частности, корпусный анализ) дает оценку гораздо более простую: контексты либо отмечены, либо нет. Кроме того, изучение объемных художественных текстов во многом становится возможным благодаря именно автоматической обработке текстов, компьютерной лингвистике, корпусной лингвистике.

В данном параграфе мы остановимся на методе корпусного анализа, поскольку он является базовым в нашем исследовании.

1.1. Основные понятия корпусной лингвистики.

Создание и использование корпусов

Вопрос о статусе корпусной лингвистики остается открытым до сих пор. Некоторые ученые вовсе считают, что корпусной лингвистики как отдельной дисциплины не существует, это лишь усовершенствованная методика сбора и обработки материала, традиционной картотеки. Однако существует теоретическая основа корпусной лингвистики, т.е. она обладает собственным объектом, предметом и методом. Кроме того, корпус нельзя назвать «просто компьютеризированной картотекой», поскольку в корпусе фиксируются не отдельные предложения с указанием минимального контекста, а обширные тексты и фрагменты, существует разметка [Венцов, Грудева, Касевич, Ягунова 2005: 35]. Изменения в парадигме исследований языка «означают конец деления лингвистики на “компьютерную” и

“традиционную”» [Рубашкин 2004: 304]. С.А. Коваль на примере вопроса об объеме категории падежей демонстрирует, как корпусная лингвистика может служить не только инструментом при оформлении материала для фундаментальной лингвистики, но и как она может привлекать внимание лингвистов к изучению и решению классификационных задач [Коваль 2004: 149-158].

Введем основные понятия корпусной лингвистики.

Корпусная лингвистика – раздел прикладной лингвистики, связанный с разработкой общих принципов построения и использования корпусов текста с помощью компьютерных технологий. Несмотря на сравнительную молодость корпусной лингвистики, ее можно определить как самостоятельную дисциплину, поскольку она отличается видом словесного материала и спецификой инструментария. Прикладной характер выражается в том, что корпусная лингвистика является в большей степени методологией, которую можно применить в различных сферах лингвистических исследований. Предметом корпусной лингвистики являются теоретические основы и практические механизмы создания и использования объемных массивов языковых данных. Объект корпусной лингвистики – корпус текстов, – с одной стороны, представляет исходный речевой материал, с другой, является результатом деятельности корпусной лингвистики [Захаров, Богданова 2011: 7-10].

Лингвистический корпус текстов – репрезентативный, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, представленный в электронном виде и предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [Захаров, Богданова 2011: 7]. При этом необходимо отметить, что лингвистический корпус собирается по определенным признакам (языку, жанру, времени создания текста, автору и т.п.). В.В. Рыков в дефиниции корпуса подчеркивает необходимость наличия логической идеи, логического замысла, которые объединяют тексты и диктуют правила организации [Рыков 2002]. В зависимости от целей создания корпусы можно классифицировать по следующим признакам:

- тип языковых данных (письменные, устные, смешанные);

- «параллельность» (одно-, дву-, многоязычные);
- «литературность» (литературные, диалектные, разговорные, терминологические, смешанные);
- цель (многоцелевые, специализированные);
- жанр (литературные, фольклорные, драматургические, публицистические);
- доступность (свободно доступные, коммерческие, закрытые);
- назначение (исследовательские, иллюстративные);
- динамичность (динамические или мониторинговые постоянно дополняются, охватывают большой временной период, статистические охватывают небольшой временной промежуток, например, авторские корпусы);
 - разметка (теггинг) – приписывание текстам и их компонентам специальных меток (размеченные / индексированные, незмеченные / неиндексированные);
 - характер разметки (морфологические, синтаксические, семантические, просодические и др.);
 - объем текстов (полнотекстовые, «фрагментнотекстовые», например, Брауновский корпус, в который включены фрагменты текстов по 2000 словоупотреблений) [Захаров, Богданова 2011: 20-29].

Наиболее объемным корпусом русского языка является Национальный корпус русского языка (НКРЯ), введенный в открытый доступ 29 апреля 2004 года. НКРЯ является сбалансированным корпусом, в состав которого входят современные письменные тексты с середины XX в., научные тексты и публицистика с середины XVIII до середины XX в.

Современный корпус должен иметь ряд характеристик, таких как цель, электронный формат, репрезентативность (достаточное и пропорциональное представление текстов различных авторов, периодов, жанров, стилей и т.п.), размер (для национального корпуса минимальный размер в 100 млн. словоупотреблений), наличие металингвистических сведений (разметки), а также *корпусного менеджера* (*корпус-менеджер* – специализированная поисковая система). Корпус-менеджер позволяет по любому слову создать *конкорданс* – список всех употреблений некоторого слова в контексте.

Разработанность корпуса для филологов в большей степени определяется качеством и количеством собственно лингвистической разметки. Основная задача *морфологического* анализа – *лемматизация* – процесс образования начальной формы слова. Результатом этого процесса выступают *леммы* – базовые формы, зафиксированные в словаре. При лемматизации идентифицируются части речи, сокращается количество словоупотреблений до количества лексем. Другой процесс морфологического анализа – *стемминг* (нахождения основы слова, его стема). Однако существуют корпусные задачи, при решении которых анализируются только стемы. Морфологическая разметка (*теггинг*) включает в себя обозначение частей речи и грамматических категорий. Это основной тип лингвистической разметки, поскольку морфологический анализ является базой для других разметок, большинство объемных корпусов морфологически размечены.

Синтаксическая разметка демонстрирует различные синтаксические конструкции и связи между лексическими единицами. *Семантические* теги обозначают семантические категории, подкатегории, разряды, тематические классы, демонстрируют омонимичные и синонимичные отношения, признаки каузативности, оценочных и деривационных характеристик.

Очевидно, что при проектировании и создании корпуса, особенно национального, возникает огромное количество вопросов, ответы на которые находит коллектив создателей (лингвисты, специалисты по классификации и типологии текстов, математики, программисты, статисты) в зависимости от задач, поставленных перед разработкой или в процессе создания корпуса.

Основными проблемами являются определение репрезентативности, временных рамок включенных текстов, собственно языковые вопросы: языковая неоднозначность (снятие неоднозначности – *дизамбигуация*) [Копотев 2004: 165-175], выделение многокомпонентных единиц [Рубашкин 2004], аннотирование собственных имен [Михайлов 2004: 256].

Наличие корпусов радикально не меняет деятельность лингвистов, однако благодаря корпусам можно проводить исследования, методологически отличающиеся от традиционных. Назовем некоторые принципы корпусных методов.

1. Смещение научного интереса с нормы на узус. Корпус нейтрализует оппозицию «правильно / неправильно». При эмпирическом подходе язык рассматривается как ресурс, который обеспечивает набор возможностей для коммуникации [Шаров 2003: 16].

2. Иллюстративный материал выбирается автоматически с помощью корпус-менеджеров, что увеличивает объем, но требует дополнительной проверки на релевантность.

3. Превалирует формально-морфологический подход.

4. Активно используются количественные методы, ранговые показатели, частотность, что позволяет избежать интроспективных, примерных оценок данных.

5. Опора на автоматическое аннотирование, более упрощенное по сравнению с ручным, но не лишенное неточностей.

6. Больше внимание к широкому контексту (исследование коллокаций, конструкций, ключевых слов) [Копотев, Мустайоки 2008: 20].

Целевая аудитория корпусов широка: лингвисты всех областей; программисты, работающие в области автоматической обработки текстов, поисковых систем (например, компания «Яндекс» поддерживает НКРЯ и сотрудничает с его создателями, разработчиками); преподаватели русского языка как родного и как иностранного, а также их ученики; специалисты различных специальностей, работающие с текстами (журналисты, редакторы, писатели) [Плунгян 2005: 12-17].

На основе корпусов проводится анализ грамматических данных, нормы / узуса, ведутся лексикографические, социолингвистические исследования, изучаются сочетания лексем, типы ошибок, особенности устной речи. Корпусы используются в преподавании и изучении иностранного языка, в определении плагиата, в создании параллельных корпусов, в изучении авторской стилистики. Для анализа стилистики, как правило, используются собрания электронных текстов одного автора, авторов одной эпохи, одного жанра, одного направления, т.е. тексты, объединенные филологическим принципом.

1.2. Корпус романа «Няня из Москвы» И.С. Шмелёва: этапы создания

Для определения стилистической специфики романа необходимо обозначить семантические рамки произведения, определить смысловые поля, актуализированные в произведении. Сложно сделать выводы об идейной писательской реализации, в частности о реконструкции оппозитивных отношений своего и чужого мира, не охарактеризовав лексико-грамматический состав произведения. В достижении задач, поставленных во Введении, мы будем придерживаться теории трехуровневого последовательного филологического анализа: лингвистический → стилистический → литературоведческий [Новиков 1983].

Лингвистический анализ, прежде всего, предполагает очерченность семантического пространства романа. Любой текст можно рассматривать в двух своих ипостасях: как совокупность линейно расположенных знаков (форма) и как совокупность смыслов (содержание). Языковые знаки, в состав которых входят слова, предложения, сложные синтаксические целые, представляют виртуальное пространство, а интерпретацию текста читателем в процессе восприятия можно назвать актуальным пространством.

Семантическое пространство текста – это ментальное образование, в формировании которого участвуют виртуальное и актуальное семантические пространства [Сорокин 1997: 38]. Границы и структуру семантического пространства можно представить, прежде всего, благодаря анализу полного морфолого-лексического состава исследуемого произведения. Такой анализ был выполнен на основе составленного и обработанного корпуса НМ. Кратко дадим описание процесса и методики работы над созданием корпуса.

1. Был оцифрован текст НМ [Шмелёв 1936].
2. Полученный электронный материал прошел выверку с исходным текстом, корректуру и первичную проверку, удалены нетекстовые элементы (номера страниц, ссылки). Были проведены токенизация и сегментирование в местах ошибочного распознавания знаков.
3. Создана база данных текстовых токенов в Microsoft Office Access (см. рис. 1). Данная операция была выполнена автоматически и стала возможной благодаря

компьютерной программе «Token» (автор – канд. физ.-мат. наук А.А. Соколов). В программе использован интерфейс программирования приложений для доступа к данным ADO (ActiveX Data Objects «объекты данных ActiveX»). ADO позволяет представлять данные из разнообразных источников (реляционных баз данных, текстовых файлов и др.) в объектно-ориентированном виде.

Код	Слово	Колич
0	А	1029
1	вотъ	296
2	и	2456
3	нашла	7
4	добрые	5
5	люди	26
6	указали	2
7	записочка	2
8	ваша	5
9	довела	2
10	Да	190

Запись: 1 из 14500 Без фильтра

Рис. 1. База данных в Microsoft Office Access на стадии систематизации текстовых токенов

4. Текст был подвергнут полуавтоматической лемматизации. Омонимия на всех уровнях снималась вручную. База данных приобрела вид (см. рис. 2): лемма – количество употреблений в тексте – словоформы лексемы.

Лемма	Коли	Формы
воздохнуть	3	воздохнетъ
воздухъ	8	воздухъ воздухомъ
воздушный	2	воздушное воздушная
возить	16	возили возять возила возить возиль Возила
возиться	2	возились возится
возля / возль	3	возля возль
Вознесение / Вознесенье	3	Вознесение Вознесенье
вознести	1	вознесеть
возня	1	Возня
возрыдать	1	возрыдаль
возсіять	2	возсіяеть возсія

Запись: 567 из 6650 Нет фильтра Поиск

Рис. 2. Результат лемматизации в базе данных Microsoft Office Access

5. Метаразметка текста также производилась в полуавтоматическом режиме и фиксировалась в базе данных Access. Разметка романа заключается в выделении частей речи, семантических классов. При описании лексико-семантических групп учитывались семантическая разметка текстов НКРЯ (ruscorpora.ru), основы семантического метаописания, теория поуровневого лингвистического анализа Н.С. Болотновой [Болотнова 2001]. Символьные обозначения частично также были взяты с ресурса НКРЯ. Конечный вид базы данных представлен на рис. 3.

ЧР	ЛСГ	Лемма	Коли	Формы
s	03 Б 8	антересь	1	антересу
S	00 В	антилигентъ	1	антилигенты
ADV	9	антиресно / антересно	2	замъчательно-антиресно антересно
S	03 Б 8	антиресное	1	антиреснаго
V	НСВ	антре	1	антре
A	2.1	апельсиновый	2	апельсиновое Апельсиноваго
S	02 3 4	апельсинчикъ	1	апельсинчикомъ
S	02 3 4	апельсинь	1	апельсиновъ
S	03 Б 5	апендецеть	1	а-пендецеть
A	8.3	апетитный	1	апетитная

Рис. 3. Конечный вид базы данных Microsoft Office Access

6. При снятии омонимии и описании единиц помогла программа «Concordance» (автор – канд. физ.-мат. наук А.А. Соколов), которая способствует поиску контекстов с изучаемой лексемой, программа выводит все найденные с искомой единицей контексты, указывает их количество. Пример поискового запроса и вид результата отражен на рис. 4.

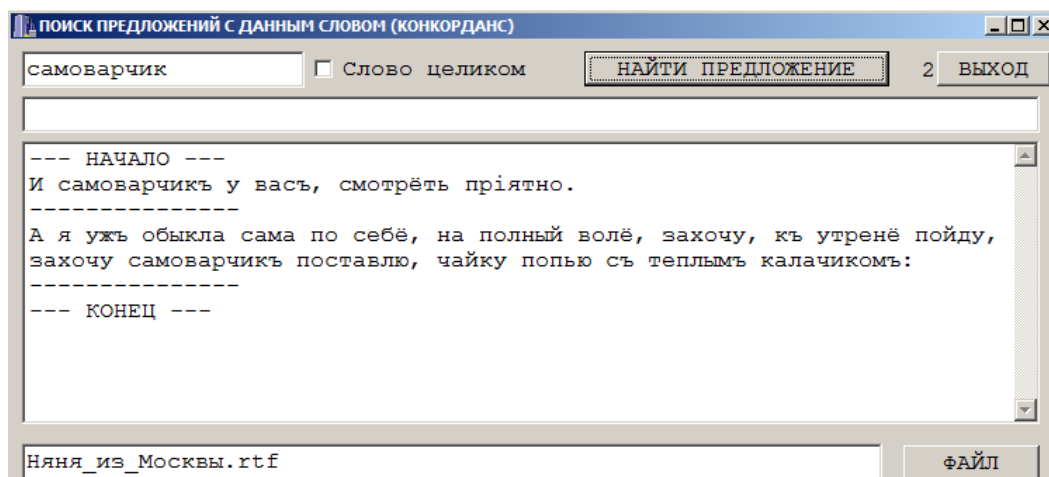

Рис. 4. Вид поискового запроса в программе «Concordance»

Во втором параграфе будут представлены результаты исследования семантического пространства на основе корпусных данных, а также их сопоставление и интерпретация. В следующем параграфе обратимся к анализу лексико-грамматических единиц произведения.

2. Лексико-грамматические и семантические категории слов как составляющая семантического пространства романа

Описание лексического мира произведения, выделение рейтинговых приоритетов и периферии строится на последовательном разделении лексики на несколько уровней. Первый уровень – грамматический: распределение на знаменательные и служебные части речи, и классификация по частям речи. В основе второго уровня классификации лежит семантический принцип, т.е. множество единиц каждой части речи мы делим на семантические классы (тематические и лексико-семантические группы). Такое описание позволит нам смоделировать универсум созданного И.С. Шмелёвым мира произведения, обозначить темы, имеющие ключевое значение и, наоборот, лишь затронутые писателем. Кроме того, по заключению Е.Н. Гривенной, «лексико-грамматические единицы являются эффективным средством, имитирующим разговорность, поскольку они выступают ведущим звеном при выполнении различных коммуникативных задач, что повышает их выразительный потенциал в сравнении с другими языковыми единицами» [Гривенная 2006: 86].

На рисунках 5 и 6 представим распределение частей речи в НМ, на рис. 5 отражено процентное соотношение количества лексем частей речи, на рис. 6 указывается количество словоупотреблений (также в процентах). Служебные части речи на диаграммах представлены суммарно.

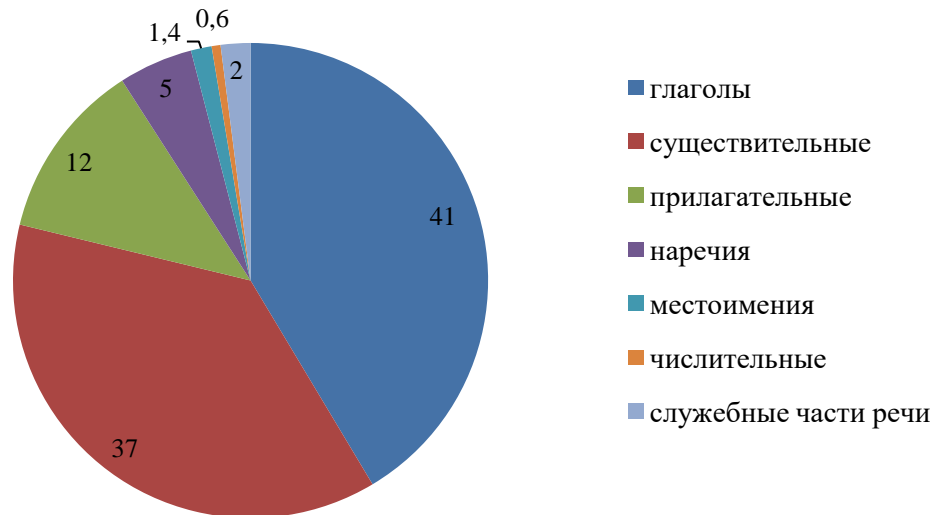

Рис. 5. Диаграмма «Части речи (по количеству лексем, % от общего количества)»

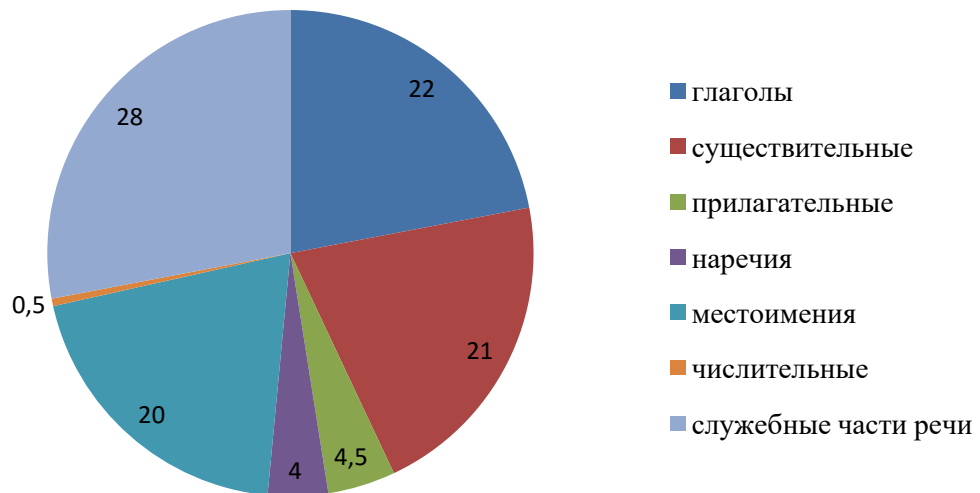

Рис. 6. Диаграмма «Части речи (по количеству словоупотреблений, % от общего количества)»

2.1. Знаменательные части речи в тексте романа

Знаменательные части речи составляют 98% лексем и 72% словоформ, использованных писателем в тексте романа, поэтому большая часть второй главы будет посвящена представлению результатов анализа именно знаменательных частей речи. При описании всех лексем мы пользовались классификационными критериями семантической разметки лексических единиц, которые были применены создателями НКРЯ. В соответствии с приведенной на ресурсе классификацией произошла разбивка глагольных, субстантивных, адъективных, наречных единиц

на несколько лексико-семантических (ЛСГ) и тематических групп (ТГ). Поскольку объем материала большой мы будем представлять в тексте этой главы единицы, во-первых, имеющие наибольшее количество употреблений в романе, во-вторых, наиболее ярко иллюстрирующие явление сказовой стилизации. Представим результаты анализа глагольного мира романа.

2.1.1. Глагольные номинации в романе

По количеству лексем, и словоупотреблений глаголы среди остальных лексико-морфологических групп занимают первые позиции (2726 лексем; 41% от общего количества лексем; 13207 употреблений; 22% от общего количества словоформ). В рейтинг ста наиболее употребимых лексем входят 17 глаголов: *быть* (563); *говорить* (529); *стать* (360); *сказать* (317); *мочь* (211); *знать* (166); *дать* (124); *глядеть* (118); *пойти* (114); *жить* (108); *хотеть* (100); *прийти / притти* (95); *видать* (92); *сидеть, ходить* (по 86); *кричать* (85); *пригхатъ* (81).

Глагольные номинации несовершенного вида (НСВ) в количестве уступают глаголам совершенного вида (СВ) (38% и 62% по количеству лексем; 48% и 52% по количеству употреблений). Объясняется данный факт спецификой повествования: рассказчица рассказывает о свершившихся действиях, об их результатах. В контекстах, где используется НСВ, подчеркивается процесс совершаемого действия: *...А мнѣ полсапожки чинилъ въ Константинополѣ* (с. 66); *Весной пахнетъ, и грачи кричатъ, гнѣзда все по березамъ* (с. 76). Кроме того, обобщенный характер называемой ситуации передается также при помощи НСВ: *Все, бывало, шутиль со мной: «Ну, няня, Богу за насъ молись, встѣхъ твоихъ внуковъ обезпечимъ, все у насъ по закону будетъ: и зѣвать, и чихать, и щи лаптемъ хлебать!»* (с. 78).

В романе встречаются все значения СВ, приведенные в Грамматике 1980 г. В глаголах СВ «достигаемый действием предел чаще всего осмысливается как некая критическая точка, по достижении которой действие, исчерпав себя, прекращается» [Русская грамматика 1980: 581]: *Идола того пистолетомъ прогнала, — пишеть, — очень наглый, и даже ей трюму разбилъ трубкой* (с. 235). Другие глаго-

лы СВ констатируют переход в какое-либо состояние: *Сразу она и поняла — влюбился и влюбился* (с. 156); *Всё ужь у нихъ **повыросли**, и прожились они тутъ* (с. 11). СВ также обозначает предел, ограничивающий действие во времени: *Отплакалась, оттряслась* (с. 81).

Рассмотрим морфологическую категорию времени глаголов романа. Момент речи (МР) рассказа няни приходится на то самое время, когда она сидит у госпожи Медынкиной (двое суток в первое посещение и один вечер во второе). Весь монолог сказительницы представляет собой повествование о событиях двух десятилетий. Наиболее подробно няня описывает последние годы. Поэтому большая часть романа написана в прошедшем времени (ПВ). Преобладание ПВ имеет и другое объяснение. Исследователи романа не раз замечали, что в НМ можно выделить элементы поэтики сказки, которая для И.С. Шмелёва и его современников стала некой призмой: сквозь нее писатели наблюдают за революционными и постреволюционными событиями. А поскольку сказка, как правило, рассказывается как когда-то произошедшее, то и рассказчица, русская няня (неразрывно связанная в сознании русского народа со сказками по вечерам) повествует нам страшную сказку со счастливым концом в ПВ.

Настоящее время (НВ) в своем категориальном значении в романе используется в прямой речи, а также иногда в ответах на неслышимые, но повторенные рассказчицей или восстановленные нами вопросы слушательницы Дарьи Степановны. Будущее время (БВ) в прямом значении также встречается в прямой речи. Помимо прямых значений в романе представлен ряд переносных временных значений, которые мы представим в табл. 3.

Таблица 3

Употребление прямых и переносных временных значений в романе

Время	Примеры
Настоящее время	
прямое значение	<i>«Новости у насъ, няничка наша съ ума сходитъ, въ Парижъ собирается»</i> (с. 227).
НВ→ПВ	<i>И говоритъ ему: «...»</i> (там же). <i>Сдавило мнѣ, у глотки, головой покачала, сама плачу</i> (с. 238). <i>А онъ глядитъ, словно не узнаетъ</i> (с. 127).

НВ→БВ	настоящее время намеченного, воображаемого действия	примеров не обнаружено
Прошедшее время		
прямое значение	<i>Пришелъ къ барынѣ крестить звать, она отговорила. Обидѣлся онѣ, шкурами ихъ назвалъ да сгоряча вазу китайскую имъ и разбилъ, — баринѣ его чуть палкой не ударилъ (с. 26).</i>	
ПВ→НВ	примеров не обнаружено	
ПВ→БВ	примеров не обнаружено	
Будущее время		
прямое значение	<i>Вѣдь онѣ въ рай попадетъ, въ ра-ай... и спрашивать не будутъ, какой вѣры (с. 143). Ну, старикъ ей — «мы черезъ мѣсяць воротимся, и будемъ на дачахъ жить тутъ, вы насъ узнаете досконально» (с. 165). А вѣдь придетъ время, барыня, золотыми словами про все пропишутъ, отъ кого мы чего видали (с. 153). Она... начнетъ: «А, смерти моей ждешь, помру — сейчасъ и женишься на богачкѣ? Ну, я тебѣ и въ могилѣ не дамъ покою!» (с. 100). Сказать только не сумѣю (с. 5).</i>	
БВ→ПВ	<i>А то скажетъ еще, прости ей, Господи: «...»(с. 23) Какъ у насъ разстройка какая, барыня въ спальню запрется-плачетъ, я возьму водицы святой и покроплю, помолюсь за нихъ (с. 27). Онѣ придетъ, а баринѣ въ кабинетъ уйдутъ (с. 26). И сказки имъ сказывала, все они разумѣли. Спать уложу, покрещу... (с. 98) Заболѣю я, баринѣ мнѣ и градусникъ самъ поставитъ, и компресъ, и чайку съ лимончикомъ принесетъ (с. 23).</i>	
БВ→НВ	<i>Пустяки вотъ помню, а нужнаго чего и забудешь, голова ужъ не та, все путаю (с. 5). У меня новостей со встѣхъ волостей, полонъ коробъ, въ себѣ не удержу (с. 230).</i>	

Примеры прямого употребления актуального НВ мы находим в начале и конце рассказа Дарьи Степановны, когда героиня встречается с госпожой Медынкиной; в течение своего монолога няня редко отвлекается на описание и констатацию действий, явлений, происходящих в МР рассказчика / слушателя: *Да хорошо-то какъ у васъ, барыня, — и тихо, и привольно, будто опять у себя въ Москвѣ живете... И самоварчикъ у васъ, смотрѣть приятно... И тераска у васъ, и лужаечка... березокъ вотъ только нѣтъ (с. 5).* Как видно, эти контексты имеют описательный характер, няня говорит о бытовых предметах, внешнем виде хозяйки – о том, что она видит во время разговора. Уже в следующий момент приходят воспоминания – в романе появляются формы ПВ: *Ну, какъ не помнить, съ Катичкой еще все къ вамъ **ходили**, **играть** ее **приводила** къ Ниночкѣ (там же).* Писатель использует специальные выражения, которые настраивают слушателя и читателя на

воспоминания (*Вспомнишь-то, Господи* (там же)). Ностальгический тон задают и воспроизводимые нами вопросы слушательницы (*Помню-то? Пустяки вотъ помню, а нуждаго чего и забудешь* (там же); *Ну, что вы шутите — помолодѣла!* (с. 230)).

Настоящее неактуальное абстрактное выражает обычное, повторяющееся, типичное действие, напрямую не связанное с МР. Такой вид НВ используется в тех случаях, когда няня говорит о современном на МР состоянии персонажей, их жизни: *Живете слава Богу, и баринъ все-таки при занятіи, лавочку завели... все лучше, чѣмъ подначальный какой* (с. 6). А также в пословицах: *Горе-то одного рака красить* (там же); *...Мы тоже и сахарокъ, и колбаску, и все протчее-иное и другое покупаемъ-сь, а не отъ Ильи-пророка по знакомству получаемъ-сь* (с. 54).

Переносные употребления НВ в романе более актуальны. Историческое НВ актуализирует прошедшие события, изображает действия так, будто они протекают перед глазами говорящего, характерно для устного непосредственного общения [Русская грамматика 1980: 630]. Благодаря историческому НВ стилизация становится более живой, сюжет интригующим, совершаемые действия из архаичных и давно забытых превращаются в «свежие», актуальные: *Барыня стала кричать... Чуть говорить, и у барина боли сильнѣй стали, качается-охаесть, а все старое поднимаютъ, не смиряются. Я молюсь — умири ихъ, Господи...* (с. 100)

Прямое значение ПВ проявляется в двух разновидностях. В перфектной разновидности важен не столько сам процесс действия, сколько его результат, который имеет актуальность в НВ или даже в МР: *И что я вамъ, барыня, скажу... — съ чего-то насъ науки одолѣли! Ну, одолѣли и одолѣли, силь нѣтъ* (с. 28). Аористическое употребление выделяет сам процесс действия, не заостряя внимания на результат, актуальный в МР; обычно такой тип используется при повествовании, описании быстро сменяющихся фактов: *Надѣла платье зеленое, новое, а оно живое на ней, ерзаетъ, какъ на мертвой. Въ зеркало поглядѣлась — ахнула, давай съ себя рвать. Упала на коверъ, и кровь изъ нее, да хлестомъ! Доктора пріѣхали, — въ Крымъ везите* (с. 89).

По В.В. Виноградову, ПВ является наиболее сильным, поэтому переносные значения ПВ в романе не распространены. Однако ПВ передается также повелительным наклонением, которое придает действию эффект неожиданности: ...*Она и помри* (с. 29); *Катичка и скажи* (с. 83); *а онъ въ Катичку и влюбись* (с. 87); *А къ ночи, мѣсто глухо-е... — автомобиль и поломайся, не можетъ ѣхать* (с. 188).

БВ чаще употребляется в переносных значениях: *Бывало, пострацаю, нашла-паю за прокуду за какую, надо жъ острастку ребенку дать* (с. 44). БВ может использоваться и в значении настоящего неактуального: *Пустяки вотъ помню, а нужнаго чего и забудешь, голова ужъ не та, все путаю* (с. 5); *У меня новостей со встѣхъ волостей, полонъ коробъ, въ себѣ не удержу* (с. 230).

От анализа грамматических категорий глагола перейдем к семантической классификации действий, которая состоит из 18-ти ЛСГ. Из выявленных нами групп максимально объемными по количеству членов и частоупотребляемыми являются глаголы движения, физического воздействия, психической сферы и речи. Минимально объемными (до десяти лексем в группе) оказались группы глагольных единиц, обозначающих свойство издавать запах, свет, а также глаголы, связанные с природными явлениями.

Отдельно нужно отметить, что часть глаголов в романе является вспомогательной: незначащая связка *быть* (563) и полужначащие *стать* (360); *мочь* (211): *А письмо-то вовсе коротенькое было, вотъ такое, вершочка три буквочкѣ* (с. 246); *А бутюшникъ у насъ заслуженный былъ* (с. 31); *И стали въ нее, барыня, влюбляться* (с. 57); «*Безъ меня, говорить, теперъ никто ничего не можетъ, все могу остановить сразу. И по встѣмъ дорогамъ могу ѣздить и вамъ могу билеты выправлять задаромъ, куда угодно*» (с. 84). Глагол *быть* в качестве связки чаще используется в составных именных сказуемых, а также в качестве основного в посессивных конструкциях: *А у него вредный глазъ былъ* (с. 38); *Баринъ у ней взглядъ былъ, смѣлый* (с. 56). Остальные глаголы-связки распределены нами по лексико-семантическим группам, число их словоупотреблений включено в ту ЛСГ, куда глагол входит.

Представим результаты семантического анализа глагольной наполненности романа в табл. 4. ЛСГ названы по сферам, которые описывает группа глаголов, в скобках даны количественные данные, первая цифра – количество глагольных номинаций, входящих в эту группу, вторая цифра – суммарное количество словоупотреблений глагольных номинаций этого объединения, например, (675; 3033). Выделение подгрупп глагольных ЛСГ продиктовано материалом корпуса романа. В примерах даются только несколько наиболее частоупотребимых и интересных глаголов.

Таблица 4

ЛСГ глагольных номинаций

Подгруппы		Примеры глагольных номинаций	Контексты
ЛСГ-1 Движение (675; 3033)			
горизонтальное	пешее	<i>пойти, ходить; бѣжать, пуститься; летѣть</i> (в переносном значении)	<i>И приходитъ къ намъ благодѣтель нашъ, казакъ, а онъ къ намъ запросто хаживаль.</i> (с. 185) <i>И бѣса прилетѣль съ хлыстомъ</i> (с. 134).
	транспортное	по земле: <i>приѣхать, укатить</i> ; по воде: <i>плыть, течь</i> ; по воздуху: <i>летѣть</i>	<i>И велѣль въ Костинтинополь ѣздить, купить чего</i> (с. 156). <i>«На корабляхъ поплывемъ! а то большевики всѣхъ порѣжутъ!»</i> (с. 138).
вертикальное		<i>упасть, състь, вскочить, соскочиться, поклониться</i>	<i>... Черезъ палисадникъ перестегнулъ, по кустамъ, по клунбамъ, на терасы чуть не вскочилъ</i> (с. 139).
движение с объектом		<i>принести, привезти, схватить, бросить, крутить</i>	<i>...Редиски мнѣ принесла: покушай</i> (с. 178); <i>Часы, порсигары, цѣпочки... — на веревочкахъ опускали, а имъ хлѣбець-другой, — вытаскивай</i> (с. 154).
ЛСГ-2 Речевая коммуникация (296; 2014)			
передача информации		<i>говорить, сказать, спрашивать, рассказать / рассказать, назвать, отказать</i>	<i>Да еще меня спроситъ: «что, хорошо я представляю?» Скажу — ничего не хорошо</i> (с. 69); <i>А умный, вѣдь, какой былъ, всѣ его такъ и слушаютъ, какъ заговоритъ</i> (с. 22).
оценка коммуникативной ситуации и персонажей		<i>кричать, грозиться, корить, визжать, выть, нахваливать</i>	<i>Все, бывало, съ бумажкой передъ зеркаломъ вертится, наговариваетъ бознать чего, языкъ выламываетъ</i> (с. 69).
коммуникативное и социальное действие		<i>благодарить, обѣщать, просить руки, приглашать</i>	<i>Покорно благодарю, ужъ безпремѣнно васъ навѣщу, хорошаго чего узнаю</i> (с. 229); <i>Онъ и говоритъ: «Что вы, Катерина Костинтиновна, скажите... я прошу у васъ руки?...»</i> (с. 67)
ЛСГ-3 Физическое воздействие (296; 841)			

	конструктивное	<i>изготавливать, вить, починить</i>	<i>А такъ, думалось по-человѣчески... — вотъ, гнѣздо завьютъ, къ Катичкѣ перейду, за хозяйствомъ поприсмотрю, дѣтки пойдутъ (с. 75).</i>
	деструктивное	<i>убить, прострѣлить, разорвать, сжечь, зарѣзать, выбить, отпилить</i>	<i>Деньги выхватила изъ сумочки... въ клочки изорвала (с. 178); ...Трюму разбилъ трубкой, очень горячъ (с. 235).</i>
	деформационное	<i>трясти, тыкать, лупить, помять</i>	<i>...А галстуки эти, такъ и шваркали, чуть помяты (с. 36).</i>
ЛСГ-4 Психическая сфера (265; 1082)			
чувства, эмоции	страх	<i>бояться, напугаться, опасаться, беспокоиться</i>	<i>Ждемъ, въ городъ итти боимся, телеграфистъ все страцалъ — заарестуютъ (с. 117); Такъ бы и вести ребенка, страхъ божій бы она знала, грѣха боялась (с. 46).</i>
	мука, печаль	<i>разстроиться, измучиться, страдать, горевать</i>	<i>А господа нужды живой не любили, разстраивались отъ нужды (с. 42)</i>
	сопровождение плачем	<i>плакать, отплакаться, рыдать, плакать-заливаться</i>	<i>А я ужъ ее знаю — отплакаться ей надо, не тревожу (с. 81); Ужъ такъ я плакала, барыня, никогда такъ не плакала (с. 141).</i>
	радость	<i>обрадоваться, просіять, веселиться, засіять</i>	<i>Офицерикъ такъ просвѣтлѣлъ: «да я, говоритъ, его знаю, Василекъ это...» (с. 126).</i>
	любовь	<i>любить, ндравиться / нравиться, пристраститься</i>	<i>Влюбилаь и влюбилась она въ него... Она мнѣ и призналась — женихъ и невѣста они теперь (с. 130); А это онъ... запылалъ! (с. 111)</i>
	смех, улыбка	<i>смѣяться, хохотать, по-улыбаться, заскалиться</i>	<i>Радуюсь-то..? А терзалась я сколько, не помню — когда смѣялась (с. 233).</i>
	желание	<i>хотѣть, желать, зарить-ся, бредить</i>	<i>О смерти-то? Думать-то думала, а не готовилась, жить хотѣла (с. 101); Я здоровая, покорю болѣзнь... хочу жить, хочу ходить!.. (с. 89).</i>
ЛСГ-5 Посессивность (204; 1101)			
	передача	<i>дать, подать, подарить, продать, совать</i>	<i>А тыщу рублей, графъ-то далъ, Катичка нашимъ бѣднымъ всю раздавала: святая деньги-то (с. 166).</i>
	получение	<i>взять, забрать, купить, получить, принимать, разобрать, грабить</i>	<i>...И платокъ ковровый съ собой взяла (с. 35); Тамъ это все налажено, какъ можно... денежки на такомъ дѣлѣ зашибаютъ, — всего теперь повидала, знаю (с. 204).</i>
	обладание	<i>есть, обойтись, имѣть, сохранить, профуфукать, сберечь</i>	<i>Есть, голубушка-барыня, какъ не быть новостямъ (с. 230); А кто и денегъ при себѣ не имѣетъ, прямо въ тюрьму сажаютъ (с. 18).</i>
ЛСГ-6 Поведение (181; 388)			
	негативно оцениваемое	<i>пристать, добиться, навязаться, мучить, одолгивать, стѣснять, измаять</i>	<i>Подумала — соскучится, приѣдетъ ко мнѣ скорѣй, а то будутъ канитель плестъ, да и Шалаишь пристаеетъ, въ</i>

		кабалу ее заберетъ (с. 221).
благородное	помочь, успокоить, хлопотать, вступиться, спасти, ухаживать, угодить	«Вотъ, нянь, погоди, выйду я замужъ... я тебя успокою , не покину, въ богадгльню на отдамъ...» (с. 75); ...Ихній царь такъ и указаль: «всгхъ подь крыло соберу-угргю» (с. 152).
ЛСГ-7 Ментальная деятельность (179; 1019)		
память	помнить, забыть, помянуть, упомнить	Все, говорить, родимое вспомнилось (с. 18); Одно утгшение — въ церкву сходишь. Все тамъ попрержнему... царя только перестали помянуть (с. 91)
умственные способности	знать, думать, понять, подумать, учиться, разумгть	Адреска я ее не знала , а спросить у Катички не могу, — ну-ка, пойметъ она! (с. 234)
вера, надежда	вгрить, довгряться, надгяться, довгритъ	Конечно, не мое дгло, а она простосердая, всему вгрила (с. 21).
ЛСГ-8 Изменение состояния или признака (145; 273)		
физические свойства	горгть, точить, мочить, закаменгть, похолодгть	И всякъ день пироги съ бараниной, на салг жарили (с. 98).
цвет	красить, побгльгть, желтгть, засингть, потемнгть	На кресла упала — побгльгла (с. 216); ...А теперь куколки вонг красить (с. 77); ...Такъ это съ каплевъ у ней личико желтгть стало (с. 34).
вес, внешний вид	помолодгть, изгадигься, исхудать, пополнгть, облегчать	Ну, не то, чтобы постаргьли , а... погрузнгьли (с. 6).
рост и возраст	постаргть, повьрасти	Всг ужъ у нихъ повьросли , и прожились они тутъ (с. 11).
социальный статус	женигься, поженигься, разбогатгть	А Кислая намъ двгсти рублей прислала, разбогатгла отъ старичковъ, какie вотъ утопли (с. 180).
ЛСГ-9 Физиологическая сфера (133; 345)		
прием пищи	выпить, гсть, закусывать, пожевать, пригубить, проглотить, покушать	Сейчасъ его въ ванную, а потомъ сгьли закусить , винца выпили , а потомъ и старикъ въ ванную сгль (с. 127).
болезнь	болгть, тошнитья, ослабгть, нездоровигься, изболгтья, прихворнуть	Ну, болгть — болгла , да болгзнь-то моя не тгломъ, а сказываегься, понятно (с. 231); А баринг опять чтой-то прихворнулг (с. 79).
физиологические процессы	плюнуть, дышать / дыхать, жевать, згвать, икать, дыхнуть, поморигься, поморгать, хрипгть	А онг котлетку гль, а солдатъ ему въ тарелку плюнулг , сг того и пошло (с. 97); Сидимъ въ канавг, лошадь одна храпитг , изъ шеи у ней кровь (с. 144).
ЛСГ-10 Бытийность (114; 529)		
существование	бывать, пожить, оказатгься, жигать	Вотъ какой, обманываль со шлюхами... и сг каретницей жилг (с. 103).

начало существования		<i>начаться, завестись, начинаться, являться</i>	<i>И еще съ простынями танцовали, нацыпочкахъ ходили, руками поводили, мода такая завелась (с. 51); А ужъ царя смѣстили, самый-то хавось начался (с. 83).</i>
прекращение существования		<i>помирать, кончиться, погибнуть, треснуть, вывестись, отмяться</i>	<i>Я ей, съ перепугу-то, — «мамочка помираетъ!...» (с. 104); А старцевъ тамъ не осталось ужъ, вывелись... (с. 86)</i>
ЛСГ-11 Восприятие (77; 726)			
зрительное		<i>глядѣть, видать, смотрѣть, вытаращиться, пялиться, повидать</i>	<i>Онъ даже и не поглядѣль на нее, отворотился: «не влюбленъ», говоритъ (с. 215); ... Самъ мнѣ сказалъ — анженеръ вашъ въображеніе пришель, черезъ два дни можно повидать! (с. 218)</i>
слуховое		<i>слышать, слыхать, наслушаться, услышать</i>	<i>Сижу я на терасахъ, слушаю, какъ скворцы на грушѣ у насъ свистятъ (с. 116); Тутъ Катичка вошла, услыхала (с. 127).</i>
обонятельное		<i>чуютъ, нюхать, зачуютъ, прочуютъ</i>	<i>И выстерица съ ней случилась, Гартъ ее подхватилъ, нюхать ей соли вострой (с. 187); Стала смерть приходитъ, она ужъ ее зачуяла (с. 83).</i>
ЛСГ-12 Воспроизведение звуков (46; 104)			
источник	персонаж	<i>свистѣть, дудѣть, стонуть, тарыхтѣть, фукнуть</i>	<i>Фукнуть черезъ губу, — и все, съ безстыжаго чего взять (с. 79).</i>
	животное	<i>рыкать, реветъ, раззявиться</i>	<i>Тигра на нее раззявится, зашипитъ, а боится (с. 189).</i>
	предмет	<i>загудѣть, скрипѣть, тикать, шуршать</i>	<i>А навстрѣчу монашки, тишь такая, только одгьянія шуршатъ (с. 236).</i>
ЛСГ-13 Контакт и опора (28; 88)			
контакт		<i>поцѣловать, обнять, пожать, прижаться, коснуться, перетрогать</i>	<i>Гартъ такъ и посинѣль, руку тому солдату пожалъ, хоть у нихъ это и не полагается (с. 195).</i>
опора		<i>держатъ, перещупать, уткнуться</i>	<i>Принесетъ прачка трахмальныя рубашки, все-то переглядитъ, перещупаетъ, все имъ трахмалу мало (с. 36).</i>
ЛСГ-14 Помещение объекта (27; 120)			
нейтральное помещение		<i>положить, класть, расположить, покласть</i>	<i>А де-негъ тамъ... душу купятъ и продадутъ, и въ карманъ покладутъ, вотъ какъ (с. 13).</i>
утаивание		<i>спрятать, попрятать, прятать, запрятать, упрятать</i>	<i>Ужъ турецкую шапку свою запряталъ, сразу приличный сталъ и все на диванъ книжку читалъ (с. 123).</i>
сохранение		<i>позапасти, поприбрать, припасать</i>	<i>Придетъ, а Катичка растереха, колечки-брошки валяются, гдѣ неслѣдь ... упаси Богъ, человекка соблазнимъ. Я и поприберу (с. 19).</i>
ЛСГ-15 Местонахождение (24; 295)			

персонаж	<i>сидѣть, стоять, лежать, ночевать, очутиться, заблудиться</i>	<i>Ну, вмѣстѣ сидѣли и играли на рояляхъ (с. 40); Въ Америкѣ-то очутились? (с. 10)</i>
предмет	<i>стоять, висѣть, валяться</i>	<i>...Пузыречекъ у него стоялъ (с. 101); ...А у нихъ и иконѣ-то не висѣло (с. 23)</i>
ЛСГ-16 Природные явления (10; 13)		
	<i>дымить, зацвѣсти, теплиться, распускаться, свѣтать, темнѣть</i>	<i>Стало темнѣть — подвода заскрипѣла (с. 141); Богатое-разбогатое имѣнье, сады все, старые деревья, ужъ распускаться стали, апрѣль мѣсяць (с. 234).</i>
ЛСГ-17 Излучение света (8; 11)		
	<i>освѣтить, возсіять, заблестѣть, просвѣтиться, сіять</i>	<i>Да въ подвѣнечномъ, говорю, нарядѣ, васъ видала, и все, будто, на васъ просвѣтилось, всю видать (с. 89); Кончили бы войну, нашъ бы соборъ былъ, и крестъ бы на немъ сіялъ (с. 161).</i>
ЛСГ-18 Свойство издавать запах (4; 17)		
	<i>пахнуть, вонять, провонять, протушить</i>	<i>И воздухъ легкой такой, духовный, дорогими цвѣтами пахнетъ (с. 236); Кости они все грызли, кровяныя... изъ пасти у нихъ воня-еть... не дай-то Богъ (с. 189).</i>

Глагольная лексика, количественно более других представленная в романе, является важным связующим элементом произведения. Именно через толкование действий и происходящих процессов читатель может составить полное представление о персонажах, оценить их поступки, характер, понять, как к этому относится сказительница и автор. При этом рассказ о прошлом «оживает», прошедшие события актуализируются, мы переживаем жизнь героев в момент говорения, а не воспринимаем их как свершившийся факт. Такой эффект достигается благодаря отбору глагольного стилизационного материала, определенным трансформациям временных пластов, умелому использованию глагольных видов, а также обширного круга задействованных способов глагольного действия.

2.1.2. Субстантивный мир романа

Субстантивы занимают вторую позицию по количеству лексем, словоупотреблений (2480; 37% от общего количества лексем; 12441, 21% от общего количества словоформ) после глагольных номинаций. Однако именно субстантивы в большей части очерчивают универсум романа, создают рамки семантического пространст-

ва. Также необходимо заметить, что разнообразие корней имен существительных шире, чем глаголов. В одном глагольном гнезде (разные способы глагольного действия, видовые пары с одним корнем) может насчитываться больше десятка лексем, что не встречается среди субстантивов.

Дадим списки рейтинговых показателей первых 10-ти одушевленных и неодушевленных субстантивов (табл. 5).

Таблица 5

Данные 10-ти первых ранговых показателей субстантивов

Ранг	Одушевленные	Неодушевленные
1	Катичка (399)	глазь (94)
2	барыня (276)	рука (93)
3	баринь (169)	письмо (91)
4	Васенька (124)	деньги (86)
5	человѣкъ (89)	голова (84)
6	Господь / Господь (82)	слово (80)
7	няня (76)	дѣло (77)
8	Богъ (74)	день (71)
9	барышня (56)	мѣсто (58)
10	докторъ (50)	Парижъ (58)

Практически все 10 наиболее употребимых одушевленных субстантивов составляют наименования главных персонажей романа, среди неодушевленных 3 лексемы, обозначающие части тела, наиболее важные для сюжета артефакты – *письмо* и *деньги*, а также обобщенные пространственно-временные наименования *день*, *мѣсто*, и более конкретное наименование локуса *Парижъ* (именно этот город отчасти становится «своим» в эмигрантской жизни няни).

Семантическое пространство, выраженное субстантивами, условно распределяется на 2 блока и 6 групп – живой (ТГ-01 «Наименования и характеристики персонажей», ТГ-02 «Круг птиц и животных») и неживой мир (ТГ-03 «Пространственно-временные категории, ТГ-04 «Артефакты», ЛСГ-05 «Непредметный мир, абстрактные наименования, ТГ-06 «Мереология»). Количественное соотношение лексем и словоформ групп продемонстрировано на рис. 7 и 8.

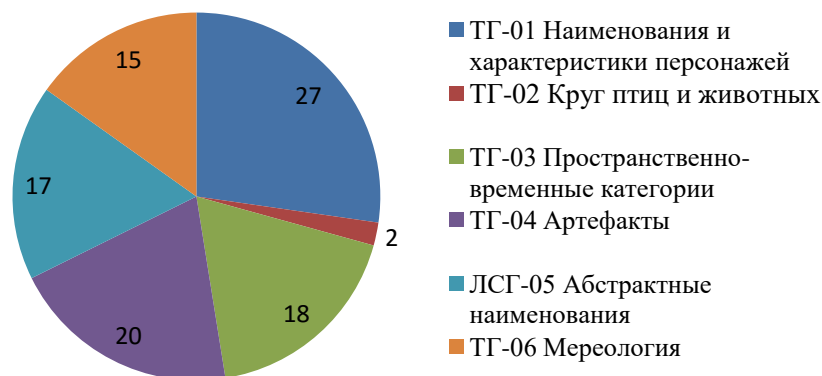

Рис. 7. Диаграмма «ТГ и ЛСГ субстантивов (количество лексем, %)»

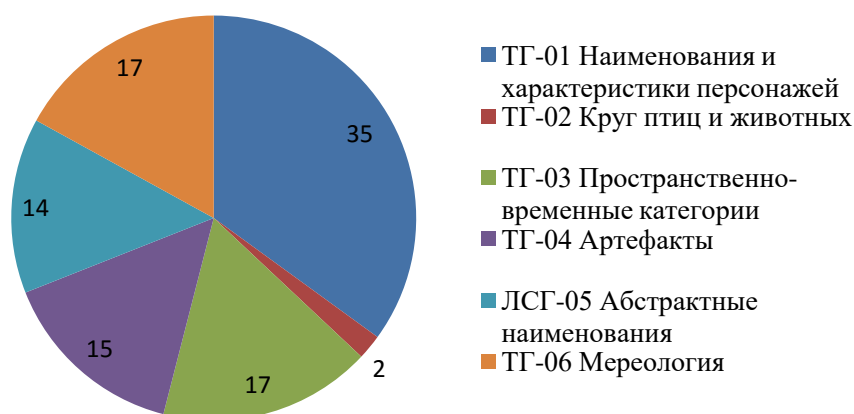

Рис. 8. Диаграмма «ТГ и ЛСГ (количество словоупотреблений, %)»

ТГ-01 «Наименования и характеристики персонажей» (682, 27% от общего количества субстантивов; 4313, 35% от общего количества субстантивных употреблений в романе). Через наименования и характеристики персонажей было отражено восприятие мира рассказчицей, ее отношение к людям и событиям.

В результате лексико-семантического анализа было выявлено 6 подгрупп наименований персонажей в романе. Результаты анализа ТГ-01 представлены в табл. 6.

Таблица 6

ТГ-01 «Наименования и характеристики персонажей»

Подгруппы	Субстантивные наименования	Контексты
ТГ-01-А Социально-профессиональный и религиозный статус персонажей (170; 1413)		
профессии	<i>актерчикъ, банкирь, дворникъ, докторица, изво-</i>	<i>А садовничиха въ окно кричитъ: «большевики всѣхъ офицеровъ пожгли, всѣхъ съ пушками захватили, паликмахерь телеграмму показываль!»</i>

	<i>щикъ</i>	(с. 138)
сословия	<i>баринъ, барыня, барышня, мѣщанинъ, купецъ</i>	Баринъ слово съ меня взялъ (с. 184); Пришелъ къ барынь крестить звать (с. 26); <i>А она въ слезы, его коритъ — «а ты подзаборный мѣщанинъ!»</i> (с. 31)
титул	<i>графъ, князь, княгиня, сіятельство</i>	<i>А на другой день графъ, его сіятельство, въ ресторанъ приходитъ</i> (с. 165); <i>Изъ Петербурга князь былъ, умный такой съ лица</i> (с. 78).
воинские звания	<i>солдатики, офицеръ, капитанъ, генералъ</i>	<i>Гляжу, чего это солдатики на помойкѣ, чисто въ снѣжки играютъ?</i> (с. 92); «... Къ вамъ офицера ходили, врагъ вы нашъ» (с. 119); <i>А какъ же, и досмотръ былъ, ихній капитанъ доглядывалъ, мы его ежомъ звали, такой-то ненавистный</i> (с. 155).
духовные чины	<i>альхирей, батюшка, монашка</i>	<i>Письмо, то, страшное, прочитала монашка, перекрестилась, четки стала перебирать</i> (с. 176); <i>...И батюшка святой водой кропилъ</i> (с. 231).
ТГ-01-Б «Собственные наименования персонажей» (113; 1107)		
главные персонажи	<i>Катичка, Катюнь, Катюньчикъ, Катерина, Василекъ, Васенька, Дарья Степановна, Костикъ</i>	<i>А то Катичкой</i> даже звалъ, а она его Васькой величала (с. 67); Васенька ее и дражилъ — Катерина-наперина (с. 67); « Дарь-Степановна , въ Крымъ вошли... завтра и у насъ будутъ!» (с. 117); <i>Баринъ-покойникъ скажутъ, бывало, про васъ Глафиръ Алексѣвнъ</i> (с. 6).
второстепенные персонажи	<i>Авдотья-Васильевна, Якубенка, Гартъ, Кислая, Марѳа Петровна</i>	<i>Авдотъ-Васильевна-то... сыска-лась</i> (с. 231); <i>Папаша Абрашкинъ, Соломонъ Григорьичъ, говорилъ</i> (с. 207); <i>А генералъ... да, вспомнила, — Гартъ, фамилия, — ему скоро въ дальнее мѣсто гхатъ</i> (с. 182).
прецедентное имя	<i>Пушкинъ</i>	<i>Пріѣхали къ Страстному, памятникъ-Пушкинъ гдѣ</i> (с. 90); <i>Баринъ и влѣзь на Пушкина</i> (там же).
ТГ-01-В «Термины родства, возраста» (101; 624)		
«свои»	<i>другъ, знакомый, землякъ, сирота, кровинка</i>	<i>Я — говоритъ — вашъ землякъ, русскій</i> (с. 204); <i>А какъ скажешь, — друзья-пріятели</i> (с. 52); Сироты , некому за насъ вступиться (с. 152).
«чужие»	<i>гость, заграничный</i>	<i>Представленіе у насъ было, парадные гости</i> были (с. 78).
возрастная характеристика	<i>старичокъ, старушка, старецъ, бабушка, дитя, дѣвочка</i>	<i>Да еще молодчикъ одинъ на меня поинтересовался, призналъ — русскаго я роду, шоферъ: «садитесь, бабушка, я васъ доставлю въ сохранности, куды вамъ?»</i> (сс. 14-15); <i>Этому колечку цѣны не было, старикъ одинъ говорилъ</i> (с. 114).
семейный статус	<i>мамашиа, мамочка, братецъ, дочка, жена, зять, папаша, супруга</i>	«... Мамотъка Боженьку не любитъ, а мы любимъ» (с. 46); <i>Ему телеграфистъ-зять все по секрету сказывалъ</i> (с. 116); <i>...Ее всѣ знаютъ, мужъ отъ нее съ ума сошелъ</i> (с. 132).
ТГ-01-Г «Наименования сверхъестественныхъ существъ (50; 301)		
ангелонимы и теонимы	<i>Богъ, Илья-пророкъ, святая-мученица, Мать-Пресвятая-</i>	<i>Стала ее стращать: «Вотъ Ангель-Хранитель отойдетъ отъ тебя, нечистый и унесетъ, съ рогами!»</i> (с. 47); <i>Катичка все мнѣ рассказывала: то Иги-петъ, куда Богородица Христа отъ Ирода</i>

	<i>Богородица, хиру- винчикъ</i>	<i>спасала, то неподалечку Старый-Русалимъ (с. 202).</i>
сказочные пер- сонажи	<i>Иванъ-Царевичъ, Василиса Премуд- рая</i>	<i>«Да какъ ты хорошио-складно! да скажи еще... да какая ты му-драя... Василиса ты Премудрая!...» (с. 60); <i>Я тебѣ сама глазки закрою, похороню те- бя честь-честью, какъ Иванъ-Царевичъ съраго волка хоронилъ (с. 75).</i></i>
мифологические существа	<i>богъ, Винерка, Му- за</i>	<i>И барынѣ все хотѣлось... Му-за, назватъ (с. 67); А ужъ красивая вы были, барыня... ну, прямо, ку- пидомчикъ, залюбуешься (с. 6).</i>
названия потус- торонних сил	<i>сатана, шайтан, оборотень, ведьма, нечистый, онъ</i>	<i>Зубами щелкаетъ, коня лупцуетъ, какъ демонъ страшный (с. 139); ...Бѣжитъ грекъ, весь пере- косился, какъ сатана, газетку суетъ — виз- житъ: «а, шайтанъ... пропало наше счастье!» (с. 166)</i>
ТГ-01-Д «Этнонимы и профессиональные наименования» (34; 246)		
этнонимы	<i>татаринъ, грекъ, казакъ, турокъ, нѣмецъ, цыганочка, сербушка</i>	<i>Ну, я съ ней и сидѣла, съ гречкой, съ грецкой женщиной... не по нашему они говорятъ, греки- то, а словно нашей вѣры (с. 183); <i>Всѣхъ съ тор- туваровъ шибають, никакой управы на нихъ, турковъ они прогнали, а англичаны городъ имъ не даютъ, забрали себѣ подъ флагъ (с. 39-40).</i></i>
конфессия	<i>католичка, невѣръ, православный, язы- цы</i>	<i>Письмо еще нашли, къ сестрѣ — кузинѣ, като- личка которая, хроменькая-горбатенькая, здѣсь живетъ (с. 135); <i>Опять насъ и отвоевали изъ- подъ татаровъ, всѣ православные обрадовались (с. 109).</i></i>
ТГ-01-Е «Оценочные характеристики персонажей» (212; 615)		
внешний вид, физическое со- стояние	<i>куколка, уродъ, ро- занчикъ, ягодка, больной, перышка</i>	<i>Такъ это съ каплевъ у ней личико желтѣть ста- ло, а то, прямо, ягодка была, какъ куколка какая (с. 34).</i>
материальное положение	<i>бѣдные, миліонерка</i>	<i>Миліонерки были, всѣмъ соблазнить могли (с. 36); <i>Правду сказать, къ бѣднымъ не гздилъ баринъ, а такъ сочувствовалъ (с. 41).</i></i>
душевные и по- веденческие ка- чества	<i>людогѣдъ, змѣя, ду- ра, благогѣтель, дуботоль, живо- деръ, оторва, шантрапа, коро- левна</i>	<i>Стали кричать — «убійцы, людогѣды!.. христо- продавцы!..» (с. 147); Негодникъ ты негодный, бабникъ ты, ю-бошникъ... не смѣй до меня ка- саться!.. (с. 33); <i>Живыя, веселья такія, а какъ бриліанты надѣнете, и тутъ, и тутъ, и на воло- сахъ, — ну, чисто царевна-королевна! (с. 6)</i></i>

Помимо персонажей, мир живых существ романа наполняет «Круг птиц и животных» ТГ-02 (58, 2% от общего количества субстантивов; 230, 2% от общего употребления субстантивных словоформ в романе). Несмотря на некоторое разнообразие наименований, только треть животных, птиц, рыб из всего списка лексем встречается в романе «живьем». Остальные две трети словоупотреблений наименований животных и птиц метафоризируются, используются в сравнительных

оборотах, фразеологизмах, характеристиках персонажей. Лексемы, относящиеся к подгруппам «Орнитонимы» и «Бионимы», отражены в табл. 7.

Таблица 7

ТГ-02 «Круг птиц и животных»

Субстантивные наименования	Контексты
ТГ-02-А «Бионимы» (41; 197)	
<i>собака, тигра, змѣя, обезьяна, слонъ, лошадь, лошадка, муха, паукъ, волкъ, волъ, левъ, лисица, мушка, мышъ, верблюдоу, кузнечикъ, мышка</i>	<i>Прѣзжаемъ... полонъ-то дворъ собакъ, чуть насъ не разорвали (с. 200); Ну, я имъ и про татарина разсказала, какъ насъ спасалъ, и про змѣю, и какъ обезьяна ножикомъ насъ запоротъ хотѣла, и какъ Катичка къ тигрю ходила (с. 210).</i>
ТГ-02-Б «Орнитонимы» (16; 28)	
<i>гусь, ворона, курица, канарейка, орель, пѣтухъ, соколъ, воробушкѣ, грачь, журавль, индюшечка, курочка, пѣтушокъ, скворецъ, соловушка, цапля</i>	<i>Пасха ежели поздняя, соловушки по-ютъ (с. 76); Сижу я на терасахъ, слушаю, какъ скворцы на грушкѣ у насъ свистятъ (с. 16); Весной пахнетъ, и грачи кричатъ, гнѣзда все по березамъ... весело такъ, и помирать-то не страшно (с. 76); ...Поглядишь въ окошечко — гуси по лугу гуляютъ, индюшечки (с. 201).</i>

Поскольку в религиозно-фольклорном мировоззрении няни основополагающими константами являются пространство, время, одной из основополагающей для идеи произведения является **ТГ-03 «Пространственно-временные категории»**, включающая в себя хронотопные наименования романа (427; 18% от общего количества субстантивов; 2159; 17% от общего количества употребления словоформ-субстантивов), Приведем подгруппы ТГ-03 в табл. 8.

Таблица 8

ТГ-03 «Пространственно-временные категории»

Подгруппы	Субстантивные наименования	Контексты	
ТГ-03-А «Наименование локуса» (121; 684)			
вертикальная ось	низ	<i>земля, яма, ямка, трюмъ, сарай, оврагъ, овражекъ</i>	<i>Въ яму насъ опустили, каюты ужъ всѣ позаняли. Вотъ-вотъ, въ трюмъ. Темнота, духота... (с. 149); Куда ни подайся — яма (с. 159).</i>
	верх	<i>гора, горочка, башенка, башня, бугорочекъ</i>	<i>Глядимъ, а на моргъ, чисто на облакахъ, башенки бѣлыя стоятъ, колоколенки словно наши (с. 155); Матросы прикатили съ пушкой, какъ почали палить, татары всѣ на горы побѣжали, въ камни (с. 109).</i>

горизонтальная ось	топонимы	Европа, Азія, Америка, Парижъ, Англія, Ігипетъ, Россія, Эндія, Батумъ, Богородскъ, Кеевъ, Москва	Греково войско за море погнало турковъ, въ самую эту... насупротивъ была? Вотъ-вотъ, Азія самая (с. 160); ...Такъ насъ и освѣтили въ Костинтинополь этомъ страшномъ (с. 166); Много онъ для нея старался: съ Америки даже телеграммы слали (с. 182).
	городские локусы	алейки, бульварчики, кварталы, соша, тортуваръ / протуваръ, тупичокъ, улица	Ватагами ходять, съ протуваровъ сшибаютъ, и туркамъ житья не стало (с. 160); ...На бульваръ по-сизу, воробушки слушаютъ (с. 230); ...У насъ съ задняго балкона сошу видно (с. 139).
ТГ-03-Б «Строения локусов» (60; 387)			
жилые	домъ, дача, дворецъ, чердакъ, баракъ, хоромы	... Домъ у васъ, чисто дворецъ былъ (с. 5); А какъ же, изъ гостинички въ баракъ мы опустились, а потомъ на чердакъ сняли (с. 159); Забьюсь въ хоромы ... — намъ домъ отвели въ восемнадцать комнатъ! (с. 195-196)	
нежилые	церковь, теятръ / театръ, лазаретъ, лавочка, ресторанъ, соборъ	И будто впереди церковь наша, козьмодемьянская (с. 146); Все въ теятры съ ней ѣздилъ, прогуливалъ ее (с. 191); И приходитъ вскорости въ ресторанъ важный такой старикъ (с. 162).	
ТГ-03-В «Вместилища локуса» (57; 170)			
для хранения, перевозки артефактов	сумочка, коробка, пакетъ, чемоданъ, узель, коробъ, ранецъ, укладочка, складничекъ	...Вы имъ изъ сумочки во-отъ какую кучку вытряхните (с. 25); Заврала бариновы бумаги, въ чемоданы поклала все, и свой сундукъ захватила (с. 95); Стала я укладочку собирать (с. 109).	
для жилья	квартира / квартира, номеръ, покой, салонъ, номерокъ, салончикъ	Абраша меня и вызволилъ, взялъ къ себѣ на постой, въ квартирку , деньги-то такія не платить (с. 9); Мы тамъ въ номерахъ жили, на самомъ наверху, на двацца-томъ этажу, чисто на каланчѣ (с. 7); ...А меня въ номерокъ устроила (с. 183).	
для захоронения	гробъ, могила, могилка, гробокъ	... И гробъ изъ Севастополя привезли, ужъ трудно стало хорошій гробокъ найти (с. 127).	
ТГ-03-Г «Растительный мир локуса» (29; 67)			
кустъ, дерево, трава, травка, розанъ, елка, березка, вербочка бузина, маргариточка, черемуха, рябинка, одуванчикъ, крапивка, мятка, вабрикось, подсолнушекъ, ландышокъ, жасминъ, куриная слѣпота		... Маргариточекъ мы сажали съ ней. Че-ре-мухи, рябинки, бузина-а... и вербочки ужъ, зеленя-зеленя... и куриная слѣпота , и одуванчики желтые, и крапивка молоденькая, къ забрчикамъ (с. 76); ...А тамъ кусты , глухое мѣсто (с. 144); ...Въ саду, флигелекъ , дача будто, въ елкахъ , мѣсто самое тихое (с. 217).	
ТГ-03-Д «Наименования природных явлений» (15; 46)			
солнышко, солнце, вѣтеръ, снѣгъ, снѣжокъ, буря, туманъ, метель, волна, градинка, гроза, дожжикъ, облачко, тучка		Да погода пошла, такія-то бури поднялись, свѣту не видать (с. 202); Владычица-то услышала, просіяло намъ солнышко (с. 218).	
ТГ-03-Е «Темпорально-событийная лексика» (124; 626)			
временные отрезки	день, сутки, годъ, годокъ, мѣсяцъ, часъ, часикъ, недѣля,	...Онъ ихъ все курицей кормилъ, курицу на три дня разогрѣвали (с. 173); Часа два я томилась (с. 178); Больше тыщи за недѣлю положилъ дилехторъ	

	<i>минутка, полгода, вѣкъ</i>	(с. 182); <i>Смотрю на часики на ее, вонь какіе хорошіе... минуточки</i> считаю, какъ тикають, <i>стрѣлочка ползеть</i> (с. 248).
время года	<i>зима, весна, лѣто</i>	<i>Туть зима, а у нихъ лѣто, жара-жарища</i> (с. 195).
православные ориентиры	<i>заутреня, утренняя, обѣдня, вечерня, Рождество, Пасха, Вознесеніе / Вознесенье, Троица, Благовѣщенье, Крещенье, Срѣтенье</i>	<i>Подъ Николинъ день</i> было (с. 81); <i>Срѣтенье</i> , никакъ, было (с. 83); <i>Ужъ послѣ Пасхи</i> это, барыню мы <i>отправили</i> (с. 92); <i>Вонь матросъ съ вреднымъ приходилъ, онъ на Пасху</i> , видала я, <i>свѣчки у заутрени ставиль!</i> (сс. 119-120)
ориентиры человеческой жизни	<i>рожденье, именины, дѣтство, смотрины, свадьба, смерть, кончина, погибель, похороны, выносъ, панихидка, поминки</i>	<i>На Катичкины именины</i> представленіе у насъ было, <i>парадные гости</i> были (с. 78); <i>Думали — черезъ мѣсяцъ и свадьбу</i> справимъ (с. 133); <i>спасъ вѣдь отъ смерти</i> насъ (с. 10).
социальные события	<i>война, балъ, прахтика, судъ праздникъ, пиръ, пожаръ, представленіе, налехція, подвигъ, балаганъ-пиръ, визитъ, досмотръ, обыскъ, покосъ, пріемъ, прощанье, разгулка, ярмонка</i>	<i>Да въ Ласковое вы пріѣзжали передъ войной</i> къ намъ (с. 9); <i>Была барыня на балу</i> , для раненыхъ старались... <i>барина дома никогда нѣтъ, все вzasъданія казенныя, правителями-то стали</i> (с. 83); <i>А то Аполитъ грозить: судъ</i> подыму, <i>мамашины пять тыщъ давайте</i> (с. 99); <i>А каретница еще рацеи читать</i> пустилась: <i>какіе теперь гулянки</i> (с. 127); <i>Къ июлю, пожалуй, были, а ужъ другой покосъ тамъ</i> (с. 201).

Подробный анализ пространственно-временных категорий будет представлен в Главе III (см. п. 2.1.), а теперь перейдем к анализу предметов, наполняющих описываемое пространство. **ТГ-04 «Артефакты»** включает в себя 510 наименований, 20% от общего количества субстантивов; 1806 употреблений, 15% от количества всех субстантивных словоформ. Наиболее употребимые имена артефактов *письмо* (91), *письмецо* (8); *бумага* (43), *бумажка* (17); *корабль* (48), *корабликъ* (4). Высокая концентрация в тексте именно этих субстантивов подтверждает главные мотивы романа, проявляющиеся во многих сферах; один из главных – мотив странничества (персонажи часто перемещаются на судне по морю). Чтобы выехать в другое место, продолжить свои скитания, устроиться на работу или найти жилье, нужно решить бюрократические проблемы получения какого-либо документа (визы, разрешения и т.д.), который няня последовательно называет *бумагой* или *бумажкой*. Письмо же занимает одно из главных мест среди сюжетобразующих элементов: тайна «смертного письма» графини мучает Ка-

тичку и няню до конца романа, пока няня не едет в Париж и не читает это письмо. Письмо также является основным средством коммуникации людей на расстоянии, поэтому герои постоянно находятся либо в ожидании письма, либо в моменты обдумывания и написания своего ответа на чье-либо сообщение.

Рассмотрим соотношение артефактов по количеству лексем и словоупотреблений в 9-ти подгруппах ТГ-04 на рис. 9 и 10.

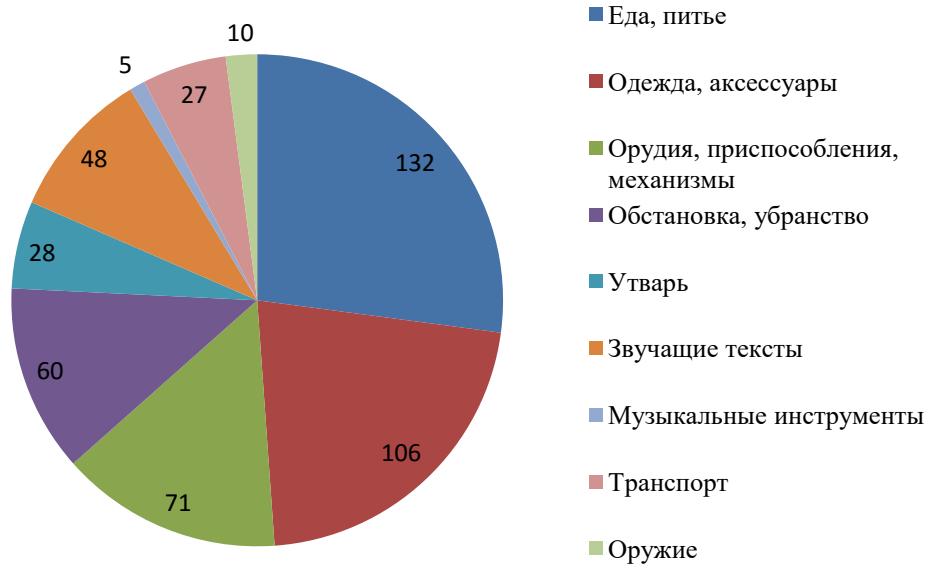

Рис. 9. Диаграмма «Подгруппы ТГ-04 “Артефакты” (количество лексем)»

Рис. 10. Диаграмма «Подгруппы ТГ-04 “Артефакты” (количество словоупотреблений)»

Результаты семантического анализа предметного мира представим в табл. 9.

Таблица 9

ТГ-04 «Артефакты»

Подгруппы	Субстантивные наименования	Контексты
ТГ-04-А «Еда, питье» (132; 382)		
супы	<i>супецъ, борщъ, супъ, щи</i>	«Къ намъ перебирайте ... а тутъ съ барышни дерьмя-деруть, а мы бы и щи варили вамъ...» (с. 83)
мясные блюда	<i>гусь, курица, курочка, барашекъ, котлета, рябчик, сашлык, цыпленок, баранина, биштекъ, говядина, индюшка, телятина</i>	<i>Тихая у нихъ жизнь, и по-нашему готовятъ... — и пироги, и куличи, и гусь съ яблоками, съ капустой, и огурчики у нихъ (с. 201); А сверху сказывали: духъ какой на кухняхъ, говядину все жарютъ, и котлеты-биштексы, а у матросовъ борщъ — ложкой не промъшать... и быковъ подвозятъ, и барашковъ, а сыръ колесами, прямо, катяютъ, — отъ духу не устоять (с. 154).</i>
рыбные блюда	<i>камса, килька, копчушечка, наважка, селедка, судачокъ, осетрина</i>	<i>Старикъ и щи уважалъ, и поклеванный доставалъ, анисовый... и селедку копченую, и кильки... (с. 224)</i>
закуски	<i>сыръ, икорка, сардинка, бутенброт, ветчина, икра, колбаска</i>	<i>А приставъ новый... что ни вечеръ, за закусками посылаетъ... да все дорогое требуетъ: икры, мадеры, сыру ему швицарскаго, сардинковъ... (с. 85)</i>
гарниры	<i>макароны, рисъ, крупа</i>	<i>А они ушатъ макароновъ вывалили и шлепаютъ другъ въ дружку: надогли ваши макароны! (с. 92)</i>
десерты и выпечка	<i>хлѣбъ, варенье, пирогъ, пирожокъ, сахарикъ, блинокъ, орѣшки, печенье, трюхелька, калачъ, лепешечка, медъ, монпасе, поклеванный, пудингъ, пряничекъ</i>	<i>Конфекты у нихъ не переводились, и пастила, и печенья всякя, и прянички, и орѣшки заливные, чего-чего только не было (с. 23); Пришелъ, хорошихъ конфетъ принесъ, любимыхъ ее, трюхельковъ... (с. 214); Хлѣбца имъ пожалгли (с. 72); ...Хлѣбушка жалко стало (с. 153).</i>
напитки	<i>чаекъ, чай, вино, винцо, мадерца, кофій, винице, водича, мадера, портвейн, содовая, ромъ, шикалатъ, водичка, кисель, молоко, водочка, квасъ, морсъ</i>	<i>...И вино изъ кувшиновъ пьютъ (с. 52); И шимпанское вино въ серебряныхъ ведрахъ приносили (с. 186); Вотъ, покорно благодарю... водички... выпью (с. 247); Страницу приняла я разъ, чайкомъ попила (с. 42).</i>
обрядовые кушанья	<i>просвирка, кутья, кутьица, куличикъ, куличъ, пасочка, яичко ('крашенка')</i>	<i>Я и кутьи сварила, а то кому подуматъ, женскаго полу нѣтъ, а безъ кутьи-то какъ-то ужъ непорядокъ, все-таки душеньку помянуть-порадовать (с. 127).</i>
ТГ-04-Б «Одежда, обувь, аксессуары» (106; 326)		
женская светская	<i>платье, юбка, сапогъ, халатикъ,</i>	<i>Не узнала я ее: разодѣта, вольная вся, а то скромно ходила, милосердное платьице только... а тутъ и на-</i>

одежда	<i>шубка, бѣлье, бѣльецо, бурка, рубашечка, блузка, кофточка, манто, травурь</i>	<i>душилась, и шея голая, и юбка задъ обтягиваетъ, и шляпка съ какими-то торчками (с. 133); А я съ краюшку сидѣла, вязала. На мнѣ шелковое платье было, муваровое (с. 186); Каки-то стѣточки надѣвать стала, какъ рыбка серебряная (с. 181); ...Кутається въ мехъ (с. 216).</i>
женские головные уборы	<i>шляпка, платочекъ, кокошникъ</i>	<i>Она потомъ, добровольцы пришли, въ кокошникъ ѣхала, въ сарафанъ, Россію представляла (с. 120).</i>
женская обувь	<i>ботикъ, туфли, полсапожки, сапожокъ, туфелька</i>	<i>Графа видала, несмѣтный богачъ былъ, а мнѣ полсапожки чинилъ въ Константинополь (с. 66).</i>
аксессуары	<i>колечко, буа, шаль, кулонъ, кольцо, наколочка, перчатка, сережка, бараслетъ, бусы, финтифлюшка, шпилька</i>	<i>Схватила лисичку, кричитъ — «нянь, ножницы! Лисичку еще могу изрѣзать...» — вырвала у меня ножницы, а разъ-разъ — на три хвост буу (сс. 115-116); Пріѣзжаетъ разъ, упала на кресла, перчатки стаскиваетъ, — стяни, не могу! (с. 182)</i>
мужская одежда	<i>шуба, штаны, бѣлье, брюки, рубашка, бѣльишко, пальто, пальтецо, пиджакъ, куртка, панталоны, платье, полушубокъ, рубаха</i>	<i>Тожѣ уважительная была, шубу барину какую сдѣлали, за двѣсти рублей, а ей цѣна за двѣ тыщи (с. 32); ...Пиджакъ зеленый, военный, англійскій тожѣ, брюки въ дырѣяхъ, а на шинельку и смотрѣть, говорить, страшно (с. 170); И помочи, и носки, и платки носовые, — все шелковое, цвѣтное... и подштанники, извините, разноцвѣтные, шелковые (с. 36).</i>
мужская обувь	<i>сапогъ, полсапожки, калоша, ботикъ</i>	<i>Кто въ деревню уѣхал, изъ лазарета-то, а то папиросками стали торговать, калошами (с. 92).</i>
мужские головные уборы	<i>шляпа, шапка, котелокъ, шапочка, башлыкъ, картузикъ, картузь, каска, фуражка</i>	<i>А картузикъ онъ забылъ, — на лѣстницѣ окликнула, отдала (с. 70); И шляпу ему дяденька пожертвовалъ, котелкомъ, тожѣ великовата, на глаза падаетъ (сс. 171-172).</i>
мужские аксессуары	<i>перчатка, запонка, медаль, поясъ, медальонъ, перстень, цѣпочка, ключка, пенснѣ</i>	<i>И одѣтъ ничего, прилично, красный галстукъ, и шляпа котелкомъ, дѣловой (с. 204); А къ намъ професыръ ходилъ, въ очкахъ ничего не видѣлъ (с. 78); И портретъ все Катичкинъ въ медальонъ носитъ, показывалъ ей даже (с. 131).</i>
обрядовая одежда, униформа	<i>балахонахъ, корабликъ, косыночки, шинельки, мундиры, портянки, колпакъ</i>	<i>Чисто такъ одѣта, въ синемъ платьѣ, бѣлый корабликъ на головѣ, трахмальный (с. 234); Такой-то молодчикъ, черноусенькій, бобровая шинелька (с. 64).</i>
ТГ-04-В «Орудия, приспособления, механизмы» (71; 172)		
механизмы, приспособления	<i>телефонъ, машинка, часы, мигалка, звонокъ, часики, клазетъ, свистокъ, замокъ, лиминація, лифтъ, мангалъ, радія, фонарь</i>	<i>Она его въ телефоны возвонила (с. 213); ...Бутылку вина забрали и бариновъ бинокль (с. 234); Машинка у нихъ стояла, пакеты на лавочки клеила (с. 207); Царскія хоромы, прямо, войти страшно. И са-лоны, и телефоны, и ванья... (с. 180)</i>
орудия для сельского	<i>плетка, корыто, кнутъ, коромысло,</i>	<i>Ребятишекъ съ флагами прогнали, а потомъ рыбаки стѣти волокли, а за ними лодка на колесахъ, а тамъ са-</i>

хозяйства	лопаточка, мотыга, мышеловка, оглобля, совочекъ, сътъ, узда	довники съ мотыгами (с. 120); ...Солдатъ и подвернись тутъ подь лошадей, — въ голову ему оглоблей , волосья и сорвало съ полголовы (с. 180).
инструменты врачей	костыль, обвязочка, шприць, градусникъ, повязка, компресъ, повязочка, трубочка	Сталь себѣ шприць впускать (с. 101); ... Молоточкомъ по косточкамъ пробираль (с. 226); ...И стало у ней воспаление, оба бока гнилой водой налили, въ трубочки выпускали доктора (с. 83).
бытовые приспособления	трубка, бумажникъ, четки, ножницы, веревка, зонтикъ, ложка, спичка, стеклышко, веревочка, вилка, гвоздь, печатка, порсигарь, трубочка	... На подушкахъ валяется съ папироской (с. 38); ...Румяная, важная, и такъ вотъ... въ золотое стеклышко на насъ, стро-го (с. 165); ...Сапоги по пуду, на гвоздяхъ (с. 170); ...И на велосипедахъ катаются, и въ шарь играютъ (с. 202); Она къ мамочкѣ, съ ревомъ, а та, дѣла не разобраши, да при ней на меня, съ ключами! .. (с. 47)
ТГ-03-Г «Убранство и обстановка локуса» (60; 242)		
богатое помещение	кресло, зеркало коверъ, диванъ, ваза, акваримъ, качалка, статуичка, статуя, трюмо, тумба / тунба, тюфякъ, балдахинъ, комодъ, тумбочка	Все, бывало, съ бумажкой передь зеркаломъ вертит-ся... (с. 69); ...Да сгоряча вазу китайскую имъ и разбилъ (с. 26); ...На турецкій диванъ завалится (с. 24); А она сидитъ на креслахъ , чисто царица грозная (с. 69); ...Все на креслахъ лежала (с. 99); ...Легла на диванчикъ (с. 177).
простое помещение	кровать, стуль, стульчикъ, коврикъ, иконка, образъ, икона, картинка, скамеечка, образъ, лампадочка / ланпадочка, свѣчка	А въ теменькой у меня и лампадочка теплилась (с. 27); Комната большая, высокая, синяя вся... чистота!.. полы паркетные, коврики ... бѣлая постелька, ангельская, а надъ ней большой черный крестъ (с. 237).
постельные принадлежности	подушка, постель, простынька, перина, подушечка	Плачу въ подушкѣ ... — хорошая у меня подушка была, пуховая, на корабль пропала (с. 48); Оправляю постельку ей... — шелковая, царская постелька у ней была, бѣлая вся, ангельская постелька (с. 58).
ТГ-04-Д «Утварь» (28; 60)		
бутылка, чашечка, самоваръ, блюдо, бокальчикъ, кувшинъ, поднось, тарелка, банка, горшочекъ, жаровня, рюмка, самоварчикъ, стаканчикъ, горшокъ, графинъ, котель, лохань, рѣшето, рюмочка, тарелочка, ушатъ		И самоварчикъ у васъ, смотрѣть приятно (с. 5); Ну, что жъ, позвольте, чашечку еще выпью. Хорошій у васъ чай, барыня, деликатный, а съ прежнимъ все-таки не сравнять (с. 10); ...Мѣдники во дворъ, по тазамъ стучать (с. 178).
ТГ-04-Е «Круг звучащих и письменных текстов» (48; 352)		
тексты-коннекторы	письмо, телеграмма, открыточка	Думаю про письмо , дрожу. Ночь не спала, письмо подь подушкой, спокою не даетъ. Подумать, чего слово человѣческое можетъ! Письмо-то (с. 244).
документы	бумага, билетъ, виза, грамотка, карточка, пачпортъ, протоколь, марка,	Что такое? А это казенная бумага , дачу ей подарилъ (с. 112); ...Старушку, молъ, съ Федором-лихачомъ они задавили и вексель дали внучкѣ старушкиной, мировую сдѣлать (с. 24); Ну, оправдался, тыща рублей у него

	<i>справка, грамота, листъ, пропускъ, распоряженіе, рекомендація</i>	<i>только, оказалось, на книжкѣ на сберегательной (с. 20).</i>
печатные издания, личные записи	<i>газета, книжка, бумажка, адресокъ, вѣдомости, газетка, книжечка, записка</i>	<i>А ее всѣ такъ почитали, Глафиру-то Алексѣвну, она всѣ книжки читала, и про все разговаривать умѣла, и въ налехціяхъ бывала (с. 22).</i>
богослужбные тексты	<i>Евангеліе, божественное, виблїя, грѣхописаніе, тропарь</i>	<i>Проповѣдь какую батюшка говорилъ... — «смотрите, говоритъ, куда попали... въ самую преисподню! и нѣту у насъ званія — документа, а есть одинъ документъ — грѣхописаніе!...» (с. 152).</i>
художественные, народные тексты	<i>сказка, бауточка, пѣсня, пѣсенка, стихъ</i>	<i>Я у турки жила, въ Костининополь, за дѣтьми ходила. И сказки имъ сказывала, все они разумѣли (с.); Палка на палку плохо, а чай на чай — пѣсенская качай, въ Москвѣ у насъ говорили, бауточка такая (с. 230).</i>
ТГ-04-Ж «Музыкальные инструменты» (5; 27)		
	<i>рояль, гитара, дудочка, балалайка, барабанъ</i>	<i>У многихъ дачи какія были, и рояли, и браліянты, золото-серебро (с. 113); А то начнетъ въ дудочку дудѣть, она и выльза-етъ на дудочку (с. 196).</i>
ТГ-04-З «Транспорт» (27; 145)		
сухопутный	<i>автомобиль, подвода, поѣздъ, машина, фаетонъ, саночки, коляска, такся, велосипедъ, грузовикъ, гудѣлка, паровозъ, сани, трамвай</i>	<i>А одѣта она шикарно, и къ собору мы съ ней на автомобильъ подкатили (с. 17); ... У насъ съ задняго балкона сошу видно, — и пѣшии, и верхомъ, и на повозкахъ, съ узлами бѣгутъ, волю тянутъ, скрипѣ-гамъ, конца не видно, чисто весь Крымъ поднялся (с. 139).</i>
водный	<i>корабль, пароходъ / параходъ, лодка, корабликъ, лодочка, пароходикъ</i>	<i>Каждый день пароходы отходили, полнымъ-полнехоньки (с. 115); Ъхали мы съ нимъ на корабль, семеро сутокъ по морю-океяну ѣхали, вотъ я тошилась, — помру, думала (с. 13).</i>
воздушный	<i>еропланъ</i>	<i>И чего же надумала, — на еропланахъ подымать меня собралась... (с. 8)</i>
ТГ-04-И «Оружие» (10; 69)		
	<i>пистолетъ, ружье, ножъ, бомба, пушка, сабля, ножикъ, мина, пистолетикъ, пушечка</i>	<i>...Обезьяна, ножикомъ насъ запоротъ хотѣла (с. 210); Выпила винца и говоритъ Васенькѣ: «подлый обманщикъ!» — и баць! — прямо въ него изъ пистолета! (с. 135)</i>

Ряд лексических единиц, как предметных, так и не предметных, описывает мереологию субстантивных единиц, вступающих в гипо-гиперонимические, партитивные и другие отношения. Такие лексемы собраны в ТГ-05 «Мереология» (383; 2135), имеющую 13 подгрупп. В целом обобщенные названия, множества и совокупности объектов (82; 555) обозначают гиперонимы для рядов слов в предыдущих ТГ, а также некоторые неделимые множества объектов. Приведем спи-

ски в соответствии с делением люди / не-люди. К разряду множества объектов-людей, обобщенным наименованиям человека относятся лексемы: *человѣкъ* / *люди* (132); *народъ* (35); *дѣти* (8); *войско*, *публика* (по 7); *полиція* (6); *дѣтки*, *семейство*, *стража* (по 5); *дѣтишки*, *семья*, *шайка* (по 3); *компанія* ('группа людей одной организации'; ср. *конпанія* 'коммерческая организация'), *орава*, *родня*, *сбродъ* (по 2); *армія*, *гвардія*, *консилим*, *ребятишки*, *чета* (по 1): *навязался **человѣкъ***, *безъ путя ходитъ* (с. 210); *А у насъ недалеко гадальщикъ жилъ, и къ нему **публика** гздила* (с. 86).

К артефактному и абстрактно-предметному миру отнесем следующие лексемы: *дѣло* (77); *мѣсто* (58); *время* (21); *картинка* (13) ('любое изображение'); *болѣзнь*, *звѣрь* (по 10); *родъ* (9); *грязь*, *сторона* (по 8); *подарокъ* (7); *картоночка* (6); *матерія* (5); *зажитое*, *одежда*, *посуда* (по 4); *гостинѣць*, *нарядъ*, *обноски*, *попечительство*, *фруктъ* (по 3); *житье*, *закуска*, *компанія* / *канпанія*, *лекарство*, *небель*, *одгяніе*, *питье*, *птичка*, *сладенькое*, *угощенье* / *угощєніе*, *харчи* (по 2); *буке-тикъ*, *вещь*, *воронье*, *гардеробъ*, *добришко*, *гда*, *игрушка*, *курево*, *помочь*, *при-пасъ*, *птица*, *разное*, *свора*, *соръ*, *стая*, *табунъ*, *украшеніе* (по 1): *И правители были, и цвѣты, и вѣнки, и ленты красныя — всѣ его **дѣла** прописаны* (с. 106); *...А тутъ офицеръ военный, росту високаго, и **одежда** такая, не по мѣсту* (с. 170).

Обычно в романе при обобщенном наименовании дается эпитет, характеристика, выраженная прилагательным, указательным или определительным местоимением: *...И **человѣкъ** тотъ съ нами ходилъ-искалъ* (с. 14); *Яковъ Матвѣичъ даже сказалъ: «вотъ это-дакъ покорители, **настоящая** **войско**, какъ **царская** у насъ **гвардія** была»* (с. 110); *Вда **сладкая**, никакой заботы, музыки да театры, и обхождєніе такое, вольное, — тѣлу и неспокойно, на всякую хочу и потянетъ* (с. 38).

Гипонимы и гиперонимы зачастую встречаются в одном предложении, при этом гипероним занимает последнюю позицию в перечислительном ряду однородных членов предложения: *По дачамъ рыщутъ, кто несетъ, кто везетъ, кто коверъ волочетъ, кто шубу... и рояли, и **небель** всякую* (с. 114); *Да что говорила...*

разное, какъ придется (с. 36); Такъ бы и вести ребенка, страхъ божій бы она знала, грѣха боялась. А дома ей другое въ головку набиваютъ (с. 46).

Обобщенные наименования имеют денотат, но часто он напрямую связан с сигнификатом, поэтому ТГ-05 находится на пересечении с лексико-семантической группой субстантивов. Подгруппы ТГ-05 приведем в табл. 10.

Таблица 10

ТГ-05 «Мереология»

Подгруппы	Субстантивные наименования	Контексты
ТГ-05-А «Общие наименования частей» (8; 30)		
	<i>конецъ, край, дно, часть, верхъ, каемочка, краюшекъ, низъ</i>	<i>...Сижу-молюсь, ее бы не задавили на низу тамъ (с. 8);...Къ одному бы ужъ концу (с. 240).</i>
ТГ-05-Б «Единицы измерения, денежные единицы» (54; 229)		
единицы измерения	<i>фунтъ, шагъ, вершочекъ, градусъ, пудикъ, пудъ, аршинъ, верста, мѣрочка, осьмушечка, четверть</i>	<i>...Колбасы по пять фунтовъ на закуску (с. 54); ...И мучки съ пудикъ отсыпала (с. 143).</i>
примерные единицы объема	<i>кусокъ, пачка, капелька, клочокъ, кусочекъ, охапка, горсточка, комочекъ, крошка, кусище, кучка, обгрызочекъ, паекъ, связочка, шишъ, хвостикъ</i>	<i>И придетъ въ думушку: а, вѣдь, это за пузырь мнѣ, за ангельскую душку, сладкій кусокъ... за грѣхъ (с. 43); ...Насъ горсточка, а такихъ большіе миліены (с. 137).</i>
обозначение количества	<i>разъ, дюжина, разокъ, половина, пара, половинка, десятокъ, полдюжины, пятокъ, разочекъ, рядокъ, четверка</i>	<i>Принесла она ему пятокъ апельсиновъ (с. 66); Я ей два раза отдавала (с. 158).</i>
денежные единицы	<i>тыща / тысяча, рубль, миліенъ / миллионъ, золотой, копѣечка, грошъ, копѣйка, франкъ, барышъ, грошикъ, красненькая, полтинникъ, трешица</i>	<i>Вамъ — говорилъ — французы миліенъ дадутъ (114); ...И вдругъ мнѣ пять рублей золотой и подарили, ни за что! (с. 25)</i>
ТГ-05-В «Вещества, камни, материалы» (42; 135)		
вещества	<i>вода, воздухъ, дымъ, ледъ, пыль, уголь, порошокъ, золото, глина, карасинъ, желѣзо, порошокъ, табакъ, дрожжи, клей, мочало, свинецъ, синька, спиртъ, чугунокъ, кремъ, мыло, соль</i>	<i>...Все имъ трахмалу мало, — грудь все чтобы гремѣла, горбомъ стояла (с. 36); Одѣлась она, припудрилась, губки ружой этой навела — пошла (с. 178).</i>
драгоценные камни	<i>бриліантъ / браліантъ, жемчугъ, алмазь, узурудъ, хрусталець</i>	<i>Часто единицы этой подгруппы метонимизируются, переходят в ТГ-04-Ж «Аксессуары»: Придетъ, а Катичка растереха, колечки-брошки валяются, гдѣ неслѣдъ, бриліанты-жемчуга все какіе, большіе тыщи плачены (с. 19).</i>
материалы,	<i>стеклярусокъ, шелкъ, бисеръ,</i>	<i>...Сидитъ на креслахъ барыня, зубастая, въ</i>

ткани	<i>кисейка, кружевце / кружевко, полотно</i>	<i>шелку</i> вся, съдая-завитая (с. 165); <i>Стыдно, барыня, сказать...</i> — сколько этих у Катички, и этих вотъ, въ кружескахъ , ниже бѣльецо... вотъ-вотъ, комбизоны (сс. 205-206).
ТГ-05-Г «Части тела, органы человека» (108; 882)		
голова	<i>головка, глава, башка, лицо, морда, личико, рожка, рыло, харя, глазъ, глазокъ, глазище, губы, зубъ, ротъ, носъ, усъ, щека, ухо, лобъ, щечка, бровка, волосы, коса, борода, борода, усы</i>	<i>...Лицо</i> такое неприятное, кирпичомъ (с. 15); <i>А у Катички глазки</i> — святая водица, чи-стые (с. 181); <i>...Лобъ</i> наморциль (с. 172); <i>...Усы</i> такъ поднялись (с. 102).
конечности	<i>рука, нога, палець, плечо, кулачокъ, пальчикъ, ноготь, локотокъ, ноготокъ, ладонь, ляжка, колѣно</i>	<i>...Рука</i> у него огромная была (с. 80); <i>Бросился къ ней, ножки</i> цѣловать сталъ, меня не постѣснялся (с. 158); <i>...И бухъ</i> передъ ней на колѣнки (с. 29).
нижняя часть тела	<i>грудь, кость, спина, шея, бокъ, глотка, кожа, косточка, пупокъ, спинка, животъ, брюхо, грудка, ребрушко, горло, задъ, заднюшка, лопатка, нутро, пузо, хребетъ</i>	<i>...А у меня животъ</i> болитъ (с. 126); <i>И хребетъ</i> становой давилъ, и подъ колѣнки стучалъ (с. 226); <i>А я...</i> за шубы я схоронилась, гляжу, — за плечики ухватилъ и въ голую спинку цѣловать, взасось! (с. 79)
органы	<i>сердце, мозгъ, пузырь, печень</i>	<i>Въ гробъ</i> вогнали! печенки отъ васъ болятъ, подохну скоро!.. (с. 82)
жидкости	<i>слеза, кровь, потъ, слезка</i>	<i>Упала на коверъ, и кровь</i> изъ нее, да хлестомъ! (с. 89)
ТГ-05-Д «Части тела, органы животного» (13; 27)		
	<i>яичко, перо, лапа, паутина, хвостъ, усици, крылышко, перышко, пасть, шкура, хоботочекъ, крыло, лапка, рогъ</i>	<i>...Головастые, чисто</i> раки какъ страшные, пучеглазые, лапами выгребаются на глину, усицами водятъ, ищутъ (с. 145).
ТГ-05-Е «Части растений» (30; 98)		
стадия жизни растения	<i>цвѣты, сукъ, былинка, колючка, листъ, бутончикъ, листикъ, соломинка, цвѣтокъ, шипъ, шишка, ягодка</i>	<i>...Жасминъ, пожалуй,</i> — бѣлые все цвѣточки (с. 236); <i>И тихо</i> такъ, — то вѣтры были, а тутъ и листика не слышать (с. 141).
плоды	<i>груша, яблоко, яблочко, апельсинъ, виноградецъ, вишня, каштанчикъ</i>	<i>...Купи</i> мнѣ яблочковъ , вареньица я сварю (с. 7); <i>И ожерелья</i> написаны, живая вишня (с. 205).
неживые растения	<i>дрова, палка, бревно, пруть, доска, палочка, дощечка, стѣно</i>	<i>А тутъ съ палками</i> бѣгутъ (с. 145); <i>На стѣнѣ,</i> на солнышкѣ, задремала, а теленокъ и подошелъ, подолъ мнѣ жуеть! (с. 201)
ТГ-05-Ж «Части зданий, сооружений» (53; 307)		
части сооружения	<i>дверь, окошечко, лѣстница, полъ, окно, окошко, ворота, стѣна, труба, стѣнка, мѣсяць, потолокъ, балконъ, заборъ, крыша, башня, врата, калиточка, кумполъ, маковка, печка, порогъ, притолока, терраска</i>	<i>А Якубенка</i> все по ночамъ кричалъ, дверь свою даже прострѣлил (с. 120); <i>Ну, приѣхали</i> мы съ ней, — высоченный заборъ кругомъ, и ворота глухія, а въ нихъ калиточка , а въ ней окошечко открывается (с. 234).

части квар- тиры	комната, комнатка, ванная, кабинетъ, прихожая, залъ, колидоръ, кухня, спальня, столовая, гостиная, тем- ненькая, чердачокъ, подвалъ, уголь, уголокъ	Повель меня въ кабинетъ , показалъ бумаги (с. 93); Катичка — шубку шваркъ, побъжала въ залъ (с. 81).
ТГ-05-З «Части предметов обстановки» (6; 17)		
ящикъ, риза, рогожка, пологъ, ящичекъ, че- репокъ		Она — кричать-биться, пологъ на кроваткѣ изорвала (с. 47).
ТГ-05-И «Части одежды» (20; 51)		
карманъ, лента, висюлька, ниточка, рукавъ, тесемка, кисточка, подкладка, подметка, пуговица, пуговка, шпора, воротникъ, во- ротничокъ, заплатка, набалдашина, пе- телька, подоль, спинка, торчокъ, хвост		...И стыдное мѣсто у него кисточками завъшано (с. 197); ...И шляпка съ какими-то торчками , такая лихая, разбитная (с. 133).
ТГ-05-К «Части приспособлений» (4; 4)		
изголовье, пружинка, спинка, стрѣлочка		... Сынъ безъ ноги, офицеръ, новую ему сербы придѣлали, на пружинкѣ (с. 232).
ТГ-05-Л «Части инструментов» (1; 1)		
струна		Натянулся, какъ на струнѣ , и всего его скрючи- ло, кости даже трещали, жилы все лопались (с. 118).
ТГ-05-М «Части транспортных средств» (7; 30)		
вагонъ, колесо, каюта, каютка, скамейка, стрѣла, цѣль		Бѣдемъ мы въ вагонъ , станція (с. 87); А у ней всѣ медали, и плечико у ней прострѣлено, съ еро- плана стрѣла попала (с. 95).
ТГ-05-Н «Части оружия» (1; 5)		
пуля		Пришли къ намъ съ ружьями, съ пулями , — вотъ зарѣжутъ, самые-то отъявленные (с. 108).

Далее рассмотрим субстантивные наименования, как правило, не имеющие де-
нотат, поэтому на парадигматическом уровне они объединены не в ТГ, а в ЛСГ,
однако для удобства нумерацию объединений слов мы оставляем непрерывной.
Все абстрактные единицы ЛСГ-06 «Непредметный мир, абстрактные наиме-
нования» (407, 17% от общего количества субстантивов; 1730, 14% от общего
количества употреблений субстантивных словоформ в романе) были распределе-
ны нами по двум лексико-грамматическим подгруппам в зависимости от объекта:
наименования физического, неодушевленного мира (табл. 11) и лексем, относя-
щиеся к человеку (табл. 12).

ЛСГ-06-А «Абстрактные наименования физического, природного мира» (29; 103)

Субстантивные наименования	Контексты
ЛСГ-06-А-1 «Параметры, свойства» (5; 10)	
<i>высота, погода, звонъ, свѣтъ 2</i> ('электромагнитное излучение'), <i>ароматъ</i>	<i>Ужъ темно стало, съ парохода свѣтъ на насъ иликтрическій пустили</i> (с. 148).
ЛСГ-06-А-2 «Состояния физического мира» (26; 96)	
<i>жизнь, огонь, огонекъ, огонечекъ, искра, жарынь, морозъ, духота, жара, теплынь, духотища, холодокъ, холодъ, тѣнь</i>	<i>Темнота, духота, чуть лампочка свѣтитъ, а въ темнотѣ крикъ, плачь</i> (с. 149).

Второй блок абстрактных существительных составляют наименования отвлеченных понятий, связанных с характеристикой непосредственно жизни человека, с описанием самих персонажей, их внешнего вида и внутреннего мира, социальной и личной жизни. Рассмотрим ЛСГ-04-Б «Наименования абстрактного мира, относящегося к человеку» (377; 1626). Показательно, что наиболее часто упоминаемым рассказчицей абстрактным наименованием является лексема *деньги* (86), занимающая 10-е место в рейтинге наиболее употребимых субстантивов романа. Также высокие позиции занимают единицы *слово* (80); *душа* (55); *грѣхъ* (35); *правда* (30). Рассмотрим подгруппы ЛСГ-06-Б.

Таблица 12

ЛСГ-04-Б «Наименования абстрактного мира, относящегося к человеку» (377; 1626)

Подгруппы	Субстантивные наименования	Контексты
ЛСГ-04-Б-1 «Наименования физических параметров персонажей» (11; 41)		
	<i>сила, карактеръ / карахтеръ, красота, видъ, ростоцекъ, ростъ, поведѣніе, бота</i> ('красота'), <i>взглядъ, обликъ, полъ</i>	<i>А карактеръ у ней — ангель чистый</i> (с. 176); <i>Это вы правду, барыня, ростоцку небольшого, и на цыганочку маленько похожа</i> (с. 34); <i>Слыхала, какъ же, барынямъ щеки натираютъ, боту дѣлаютъ</i> (с. 12).
ЛСГ-04-Б-2 «Наименования физических, физиологических состояний персонажей» (15; 84)		
	<i>спокой / покой, сила, голодъ, боль, здоровье, сохранность, аппетитъ, отдыхъ</i>	<i>А мнѣ Авдотья Васильевна совѣтовала все въ монастырь уйти, — теперь покоя не будетъ</i> (с. 92).
ЛСГ-04-Б-3 «Наименование звучащей речи» (49; 214)		
нейтральная речь	<i>слово, разговоръ, шутка, совѣтъ, молебѣнь, дозволеніе, предложеніе, приказъ, порученіе, проповѣдь, прощенье, споръ, докладъ, допросъ, клятва, команда, приказаніе, указаніе</i>	<i>Подумать, чего слово человеческое можетъ</i> (с. 244); <i>Она ему — «да, надо приказанія исполнять»</i> (с. 157); <i>А лакей тутъ съ докладомъ подошелъ, сказалъ — «готова ванная»</i> (с. 172).

речь, вызывающая негативные эмоции	шумъ, слухъ, вой, гамъ, гуль, сплетня, вздоръ, визгъ, вранье, гикъ, го-монъ, грызня, ругань, чушь	А каретница еще рацеи читать пустилась (с. 127); ...Да напужена-то, шумъ такой... чистый адъ! Не вздоръ , барыня, а суцая правда (с. 14).
инструмент речи	голосъ, голосокъ, смѣхъ, плачь, ревъ	И какъ вы меня узнали, неужь по голосу ... разговоръ у меня такой, тульской все? (с. 12)
ЛСГ-04-Б-4 «Наименование действий» (21; 41)		
служба, занятіе, показъ, раздѣлка, возня, заманъ, колдовство, охрана, пальба, поправка, разбой, распекъ, сборка, сравненіе, стрѣльба, ходьба		Въ работу насъ не взяли, а пустили на острова, подъ строгой глазъ (с. 153); ...Онъ вотъ такъ руки на животъ приложитъ — и мнѣ поклонъ! (с. 197-198)
ЛСГ-04-Б-5 «Болезни, физические недостатки» (22; 45)		
болѣзнь, зараза, воспаленіе, жаръ; виды болезней: тифъ, изжога, паларичъ, чахотка, аппендецетъ, грипъ, кашель, лихорадка, несвареніе, простудка, ревматизмъ, чума		Была барыня на балу, для раненыхъ старались, и много мороженого съѣла, и стало у ней воспаленіе , оба бока гнилой водой налило, въ трубочки выпускали доктора. И ужь ребрушки стали гнить, два ребрушка вынули (с. 83); Говорятъ — была скарлатина , а теперь и вовсе дифтеритъ сталъ, будьте готовы ко всему (с. 50).
ЛСГ-04-Б-6 «Оценочные наименования состояний, событий» (42; 155)		
позитивные	счастье, побѣда	Всѣ барышни — «ахъ, счастье какое, влюбился въ васъ, свой у него корабль!» — то-се (с. 163).
негативные	горе, заноза, неприятность, баловство, канитель, мытарство, несчастье, омутъ, мытарничанье, незалада, очумѣнье, трясушка	Скажу — ничего не хорошо, вся ужь испредставлялась, на себя непохожа стала, бормота одна (с. 69); Баринъ все такъ бывало: « Волконалія у насъ стала!..» — шумъ его безпокоитъ сталъ (с. 51); Одну бѣду отвело — другая. И тутъ всѣ бѣды и пошли, до самага конца (с. 81).
ЛСГ-04-Б-7 «Наименования человеческих качеств» (15; 101)		
совѣсть, честь, ласка, доброта, терпѣнье, гордость, жадность, скромность, вѣрность, подлость, слабость, смѣлость, строгость		Господь за доброту все проститъ (с. 41); «...Берите и меня съ барышней, одну ее не отпущу, совѣсти коль у васъ нѣтъ...» (с. 120); Я ему и сказала... смѣлости набралась (с. 121).
ЛСГ-04-Б-8 «Наименования ментальных способностей» (25; 142)		
механизмы	умъ, мысль, воля I ('решение'), память, дума, образованіе, разумъ, вниманіе, думка, неразуміе	Да что, простому чловѣку въ умъ не взойдетъ, а образованные сумѣютъ написать (с. 177); И все не сплю, все думки мои — надо мнѣ въ Парижъ ѣхать (с. 225).
результат	правда, глупость, неправда, ложь, сумлѣніе, толкъ, антиресное, рѣшеніе	А скажи ей всю правду , нипочемъ бы не отпустила (с. 231); «Какъ ты смѣешь письма мои печатать?» — она ему. — «Тутъ ошибка , ничего я не понимаю...» (с. 40).
ЛСГ-04-Б-9 «Наименования знаков и символов» (19; 91)		
фамилія, крестъ, кулакъ ('выражение угрозы'), печать ('знак заверения; выделения'), флагъ, имя, награда ('знак поощрения за заслуги'), знакъ, примѣта, жеребій, кулачище, мѣтка, число		...А на Крестъ Спаситель (с. 243); ...Она сама и бѣжитъ, по знаку (с. 21); Скажешь — «глядитъ на тебя нехорошо, зубами жуеетъ... плохая примѣта , какъ чловѣкъ все жуеетъ» (с. 213).
ЛСГ-04-Б-10 «Наименования чувств и эмоций персонажей» (39; 141)		
позитивные	милость, уваженіе, ра-	Такъ объ немъ барыня пеклась, такое ему

	<i>дось, любовь, гордость, состраданіе, спокойствіе, надежда</i>	<i>уваженіе у насъ было... — онъ и влюбись въ Катичку (с. 61); ...Все у Ирода добивалась: отруби ему голову за любовь! (с. 62)</i>
негативные	<i>страхъ, стыдъ, мука, обида, печаль, гнѣвъ, скука, острастка, тоска, зависть, злость, корысть, лѣнь, неохота, ужасъ, неудовольствіе, страданіе, терзанье</i>	<i>...у Трухмальныхъ Воротъ, со страху съ саней спрыгнула, ботикъ потеряла, и все (с. 79); Съ горя-то онъ, узнали мы потомъ, въ сацалисты приписался, всѣхъ чтобы разорять, съ досады (с. 26).</i>
ЛСГ-04-Б-11 «Понятия некоторых областей знания» (105; 510)		
социально-политические	<i>законъ, порядокъ, богатство, начальство, партія, сословіе, власть, камитетъ, правитель, правленіе, право, владѣніе, кабала, отсрочка</i>	<i>А у нихъ случаи бывали: за богачей и замужъ вылетали, и такъ, въ беззаконный бракъ, на подержаніе, карактеръ какъ дозволяетъ... въ какой мы нуждѣ (с. 163); Всѣхъ съ тортуваровъ шибають, никакой управы на нихъ (с. 39).</i>
торгово-денежные	<i>деньги, капиталъ, жалованье, цѣна, товаръ, долгъ, приданое, биржа, казна, кушь, пенсія, рынокъ, счетъ, торговля</i>	<i>Барыня стала кричать: вотъ куда деньги у насъ валились (с. 100); А богачи крупныя дѣла дѣлали, на корабляхъ все возили. Наторгують капиталъ — и въ заграницу уйдутъ, на покой (с. 125).</i>
искусство, наука	<i>портретъ / патретъ, музыка, искуста, мода, мадицина, снима, снимокъ, фасонъ, хоръ</i>	<i>...Вотъ-вотъ, въ снима-то эти, сымаются на картинки гдѣ (сс. 8-9); Ъда сладкая, никакой заботы, музыки да театры (с. 38).</i>
религия	<i>искушеніе, испытаніе, благословеніе, мощи, преисподняя, исцѣленіе</i>	<i>...А покуда помажьте болящую маслицемъ съ мощей (с. 50); Ее папаша всѣ леригіи училъ, она и вѣрила хорошо (с. 97).</i>

Таким образом, субстантивный мир романа НМ, преимущественно предметный, отражает универсум произведения. При этом на первый план выходят персонажи, а остальные семантические блоки связаны с ними: локация, где действуют герои, заполняющий пространство предметный мир, а также их чувства, эмоции, оценка описываемых событий, наименование деятельности. На периферии семантического пространства универсума романа оказываются группы, включающие единицы, называющие природу, погоду, животный и растительный мир. Рассказчица только тогда называет природные явления, когда необходимо описать или детерминировать поступки или эмоциональное состояние персонажей.

2.1.3. Адъективный мир романа

Прилагательные занимают третье место по количеству словоформ среди других частей речи (792 словоформ, 12% от общего количества лексем романа;

2686 словоупотреблений, 4,5% от общего количества словоупотреблений). В рейтинг ста наиболее частоупотребимых слов вошло только прилагательное *хороший* (91).

Относительная малоупотребительность прилагательных объясняется тем, что для разговорной речи, в отличие от письменной художественной, не характерна качественно-атрибутивная характеристика объектов, т.к. «автор-стилизатор старается не живописать, а подавать свою мысль “порционно”» [Гривенная 2005: 19]. Немного прилагательных и в фольклорной религиозной прозе [Русские простонародные... 2005: 222]. Другая причина в частотном использовании местоимений, которые сочетаются с определениями гораздо реже, чем субстантивы (...*Гордая она, ничем бы не согласилась* (с. 231)).

Однако анализ адъективного мира представляется нам важным, поскольку складывается более точная картина исследования. Описываемые рассказчицей события, предметы становятся осязаемыми: видны оттенки цветов, слышны звуки и запахи («Физические свойства»). Анализ прилагательных важен также при составлении портретов персонажей и целых этносов, для понимания их внутреннего мира («Качества человека» с подгруппами «Положительная характеристика», «Отрицательная», «Описание человеческой внешности»).

В список первых 10-ти адъективов (табл. 13) вошли качественные прилагательные, полностью или отчасти описывающие признак персонажа.

Таблица 13

Данные 10-ти первых ранговых показателей адъективов

Ранг	Адъектив
1	хороший (91)
2	живой (40)
3	большой (40)
4	страшный (39)
5	старый (38)
6	большой (35)
7	святой (32)
8	милый (28)
9	высокий (27)
10	чужой (26)

Изначально все прилагательные были разделены нами по разрядам на качественные, относительные и притяжательные. Хотя некоторые исследователи включают притяжательные в состав относительных [Русская грамматика 1980: 539]), мы вслед за разметкой исследователей НКРЯ рассматриваем их отдельно. На рис. 11 и 12 отражено соотношение адъективных лексем и словоупотреблений по разрядам.

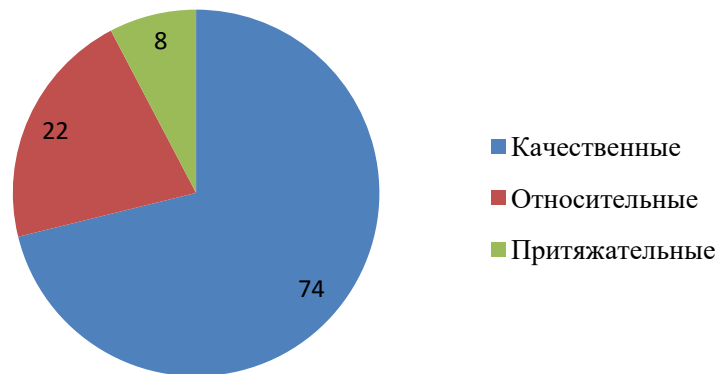

Рис. 11. Диаграмма «Разряды прилагательных (количество лексем, %)»

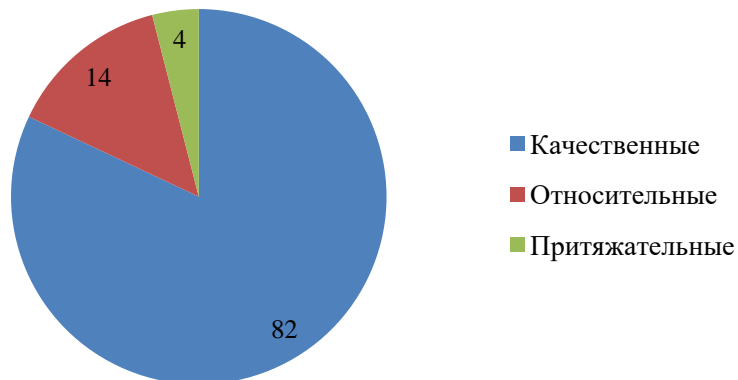

Рис. 12. Диаграмма «Разряды прилагательных (количество словоупотреблений, %)»

Качественные прилагательные (582, 74%; 2062, 82%) оказываются более востребованными в речи рассказчицы, поскольку именно они напрямую отражают субъективное отношение, выражают оценку, которые делают речь живой.

По данным частотных словарей, наиболее употребимыми являются прилагательные группы «признаки, свойственные и человеку, и животному, и предмету» (хороший, важный, главный), а в романе НМ внимание сосредоточивается непосредственно на человеке (421 словоформа определяет человека, его внешность и

поведение, и только 35 из них имеют одновременно контексты характеристики предмета, чувства, отвлеченного понятия): *А собой миловидная, ничего, тонкая-растонкая, сушеная, прямо* (с. 237); *...Бѣлье шикарное стала покупать, тонкое-то-растонкое* (с. 39).

А.Н. Шрамм разделяет прилагательные на эмпиричные (определяемые при помощи чувств человека) и рациональные, выделяемые сознанием [Шрамм 1979]. Самой частотной среди эмпиричных в произведении И.С. Шмелёва оказалась группа зрительного восприятия. Благодаря зрению мы определяем такие физические свойства объекта, как цвет, частично форму, размер и другие. Рассмотрим цветовые обозначения (37, 157) в изучаемом произведении.

Соотношение употреблений словоупотреблений разных колоративов (267 контекстов) в романе НМ отражено на рис. 13.

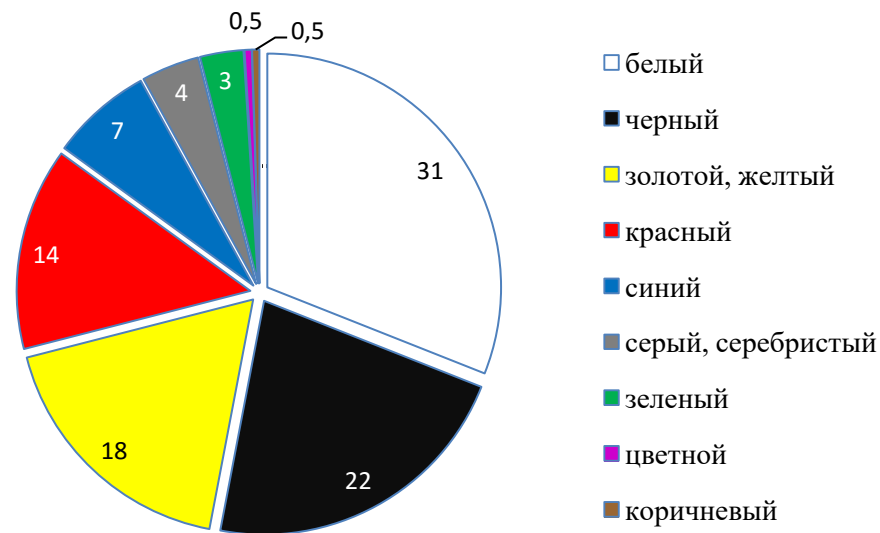

Рис. 13. Диаграмма «Колоративы (%)»

Колоративы представлены в произведении не только спектральными цветами, но и их оттенками, которые перечислим в табл. 14.

Таблица 14

Колоративы романа НМ

Цвет	Оттенки	Контексты
бѣлый	<i>бѣленькій, свѣтлый, съ просѣдью, сливошный, цвет слоновой кости, блѣдный, ни кровинки</i>	<i>Катичка мнѣ навстрѣчу, съ балу, въ бѣломъ во вѣтъмъ</i> (с. 103); <i>...Большая борода, съ просѣдью, – князь и князь</i> (с. 64); <i>...Глядите, барыня, какіе у меня зубы-то, бѣ-лые, хорошіе</i>

		(с. 228).
черный	<i>темный, черный, черный-расчерный, темный-растемный</i>	<i>Ночь черная-черная, къ сентябрю ужъ (с. 102); И все-то лѣстницы, темныя, старинныя... холодокъ, а съ меня потъ льетъ (с. 236).</i>
золотой, желтый	<i>желтый-желтый</i>	<i>И графъ Комаровъ тоже, какой неприступный былъ, расшитый весь, золотой, чисто икона въ ризѣ (с. 77); ...Лицо желтое-желтое, глаза ко-сье (с. 231)</i>
красный	<i>красенькій, мѣдный, пунцовый, розовый, румяный, самоновый, цвет свеклы, крови</i>	<i>...Солнышко те-мное-пунцовое (с. 105); ...И кровь на юбкѣ (с. 104); Какъ же-съ, очень хорошо помню, въ платьѣ вы въ самоновомъ были, барыня (с. 25).</i>
синий	<i>голубой, синий-разсиний</i>	<i>А внизу мо-ре... ну, синее-разсинее, синька вотъ разведена (с. 98); ... Духи въ ванную лила, дѣлала воду голубую, а то розовую (с. 181).</i>
сѣрый	<i>серебристый, серебряный, сѣренькій</i>	<i>...Ручка изсохла, восковая, глядѣть страшно, и губы сѣрыя, поблеклыя (с. 237); ...Цѣльный мнѣ кусокъ шелковой матеріи привезъ, серебристая-муваровая (с. 64).</i>
зеленый	<i>Надѣла платьѣ зеленое, новое, а оно живое на ней, ерзаетъ, какъ на мертвой (с. 89).</i>	
коричневый	<i>шоколадный</i>	<i>И Катичка моя, чуть что не во всю газету, ма-заная-то мазаная, коричневая (с. 205).</i>
цвѣтной	<i>пестрый, пестрънкій</i>	<i>...Подушки со всего дома на ковры навалѣтъ, шальями пестрыми накроютъ, и ломаются (с. 52).</i>

Как мы уже говорили, самой объемной оказалась группа человеческих качеств (421 контекстов), как внешних, так и внутренних (табл. 15).

Таблица 15

Адъективы, описывающие качества персонажей

Подгруппы	Адъективные наименования	Контексты
Внешний облик		
объемы	<i>худой: дохлый, изсохлый, ко-стлявый, мертвый, сухнѣнкій, тонкій-растонкій, худой-расхудой; полный: брыластый, жир-ный, мурластый, одутлый, разсыпчатый, толстуцій</i>	<i>Старикъ-калмыкъ, тощій-тощій, и говоритъ-икаетъ: «бабушекъ, помирай моя, помирай твоя» (с. 154); ...Ей сорокъ пять вотъ стукнетъ, да ей, правда, и сорока не дашь, — бѣлая, глазастая, важеватая такая, и пополнѣла она, разсыпчата такая стала (с. 232).</i>
физические аномальности	<i>безногий, безносый, хроменькій-горбатенькій, горбатый, косоглазый, кри-вой, лысый, плѣшивый, слѣпой</i>	<i>Письмо еще нашли, къ сестрѣ — кузинѣ, като-личка которая, хроменькая-горбатенькая, здѣсь живетъ (с. 135); А тетенька слѣпая, за рукой не видитъ (с. 29).</i>
глаза	<i>острый, страшный, мут-ный, лупоглазенькій, дремучій, выразительный, истомный, чистый</i>	<i>...Нѣтъ, не выразительные, а... истомные, что ли?.. По нашему сказать — съ поволокою глаза (с. 56); И глаза страшные, му-утные, чисто у бѣшеной собаки (с. 120).</i>
состояние	<i>липкій, грязный-разгрязный,</i>	<i>Не узнала я ее: разодѣта, вольная вся, а то</i>

внешнего вида	<i>истерзанный, косматый, небритый-немытый, простоволосый, разодетый, вольный, голый, лихой-разбитной, голый</i>	<i>скромно ходила, милосердное платьице только... а тутъ и надушилась, и шея голая, и юбка задъ обтянула, и шляпка съ какими-то торчками, такая лихая, разбитная (с. 133).</i>
Внутренние качества		
общие положительные	<i>хороший, милый, добрый, истинный, простой, ласковый, веселый, благородный, славный, чудесный, желанный</i>	<i>Ахъ, милая старушка... ахъ, славная дите (с. 29); «ахъ, какая вы чудесная, няня... у меня тоже няня была...» (с. 133-134); ...Хороший онъ, въ Бога только не върять (с. 97).</i>
умственные	<i>умный, образованный, способный, вникающий, начитанный, разумный, смысловый, глупый</i>	<i>И барыня... и добрая, и образованная, сочувственная очень (с. 41); А умненькая была, такая-то дотошная, всъ мои пьсенки умгъла, гостямъ пгъла (с. 50); То я ей глупая, дургой нгтъ, а то... — «умный тебя, нянь, нгтъ!» — это ужъ какъ разнъжится (там же).</i>
духовные	<i>ангельский, блаженный, богомольный, божественный, душевный</i>	<i>...Совсгъмъ ужъ блаженный сталъ (с.); Душевная такая, и про святыни знала, про ду-шу знала (с. 92).</i>
общие отрицательные	<i>плохой, гордый, жадный, безстыжий, злой, хитрый, наглый, распутный, дерзкий, скушный, завистливый, кутящий</i>	<i>Они изъ книжекъ все, жизни нашей не понимаютъ, а книжки плохой, можетъ, человекъ писалъ (с. 72); ...Съ гулящихъ барышневъ не взыскиваемъ (с. 80); Идола того пистолетомъ прогнала, — пишетъ, — очень наглый (с. 235).</i>
социальные	<i>оборотистый, обстоятельный, опасливый, приверженный, разсудительный, солидный, сурезный, шустрый</i>	<i>Оборотистый такой, шустрый, глаза веселые (с. 204); Онъ ей вотъ какіе брилянты прислалъ, при карточкѣ солидный господинъ привозилъ (с. 219).</i>

Семантическая структура **относительных прилагательных** (170, 22% общего количества лексем-адъективов; 356, 14% от всего количества употреблений имен прилагательных) сложнее других прилагательных, т.к. соотносятся с мотивирующим словом, на категориальное значение наслаивается словообразовательное значение [Воробьева 1993]. Основные типы относительных прилагательных приводятся в табл. 16.

Таблица 16

Относительные прилагательные

Адъективные наименования	Контексты
Отнесенность к этносу	
<i>русский, заграничный, американский, турецкий, французский, аглицкий / агликий / англиский, венгерский / вегерский, индгыйский, китайский, англичанский, голандский / голанский, грецкий, парижский, греческий, испанский, итальянский, нгмецкий, ренбургский, швицарский</i>	<i>А тутъ аглицкие жандары наскакали, плетками разгонять (с. 161); Намъ цыганъ венгерский еще попался, на гитаръ все звонилъ (с. 18); Бглья полны комоды, да все тонкое самое, гола-нское (с. 36).</i>

Конкретизация наименования кушанья, напитка	
банбарисовый, бутылошный, лимонадный, киевский, рябиновый, китайский, брусничный, апельсиновый, персиковый, шафрановый, ланинский, черносмородиновой	... Чайкомъ, бывало, попить съ рябиновымъ вареньемъ, а то изъ китайскихъ яблочковъ (с. 5); И хлѣбъ они подавали вкусный, шафрановый ... (с. 224); ...Нѣтъ лучше ланинской водицы черносмородиновой (с. 37).
Материал артефакта	
золотой, шелковый, бриллиантовый, бархатный, бѣличій, лисій, костяной	На рожденье подарокъ ей привезъ, царскій, бриллиантовый кулонъ, за пять тыщъ (с. 68); ...Ковры бархатные , ступить страшно (с. 171).

Словосочетания типа «относительное прилагательное + наименование персонажа», как правило, заменяет или дополняет этноним: *А тутъ **аглицкіе** жандары насккали, плетками разгонять* (с. 161); *Вы достойная **барышня**, какъ наша **англичанская*** (с. 156); *...Письмо послала **старичку** одному **англичанскому** со старушкой* (с. 30); *Одна **греческая** старушка тоже похвалила мою кутью* (с. 128); *И старикъ тотъ прибѣжалъ, **графъ итальянскій** прогорѣлый* (с. 114); *Два креста **гѣройскихъ**, собой красавецъ, всѣ **французскіе дѣвки** съ ума сходятъ* (с. 232). Во всех случаях употреблений персонаж имеет две характеристики: возраст и национальность, титул и национальность. Такое сочетание свойственно народной речи, поскольку в литературном языке в таких случаях чаще используется приложение (старичок-англичанин, старушка-гречанка, француженки).

Часть относительных прилагательных, производных от названий животных, перешли из разряда притяжательных, поскольку стали обозначать материал, из которого сделана одежда (*Сбросили шубку **соболѣю*** (с. 25); *Несу **лисю** буу продать* (с. 115); *...**Кошачьи** шкурки сушилъ* (с. 178)).

Притяжательные прилагательные имеют наименьшее количество словоформ (48, 8% от количества адъективных наименований; 108, 4% от общего количества имен прилагательных). Большая часть употреблений прилагательных этого разряда выражает принадлежность артефактов основным персонажам (*бариновъ, Катичкинъ, графовъ, докторовъ, графскій, Васенькинъ, мамашинъ, барынинъ, дѣдушкинъ, Абрашинъ; женинъ; Абрашкинъ, папашенькинъ, генераловъ, дочкинъ*): *Повадилса старичокъ къ намъ, военный докторъ, начальникъ **бариновъ*** (с. 57);

...*Большие портреты Катичкины* стояли (с. 115); *А знаешь, я Никандру Михайловича встрѣтила, познакомили насъ... Васенькина отца!* (с. 111)

Как и среди других частей речи, в характеристике притяжательных прилагательных важное место занимают лексемы *божій, Господень, Христовъ*, которые используются при описании христианских воззрений: *Вознесенье Господне; Христово Воскресение; упокой раба божія; престоль господень*. Нужно заметить, что в речи рассказчицы существует разница между книжной формой *божія* (*воля Божія; правды божіей* нужно) и общеупотребительной *божья* (*кость божья*).

Часть прилагательных, как относительных, так и притяжательных употребляется для сравнения, метафоризации (*собачья свора* (с. 203); *нось утинный* (с. 100); *куча я муравьиная* (с. 35)) или во фразеологизмах, но также в характерологических целях: ...*Тутъ мнѣ грошъ цѣна, будто селедкинъ хвостъ я, и вы, Дарья Степановна, двѣ копѣйки стоите* (с. 207); *А что я тутъ? Селедкинъ хвостъ я тутъ* (с. 224).

В целом по сочетаемости прилагательных с определяемыми словами можно сделать вывод о том, что адъективы в большей степени служат характеристике мира персонажей, самих героев и артефактов. В следующих трех подпараграфах мы прокомментируем некоторые особенности употребления других знаменательных частей речи, а именно наречий, местоимений и числительных.

2.1.4. Наречия и предикативы в тексте романа

Наречия выполняют в романе уточняющую функцию, как правило, они характеризуют совершаемое действие. Отметим, что вслед за авторами разметки НКРЯ, а также составителями «Русской грамматики» 1980-го года мы рассматриваем наречные единицы вместе с предикативами / предикативными наречиями. Общее количество единиц в романе составляет 351 единицу (5% от общего количества лексем романа), использующуюся в 2369 контекстах (4% от общего количества словоупотреблений в романе).

Представление адвербиального мира также невозможно и без местоименных наречий, которые, однако, некоторые морфологи рассматривают по формальному

критерию в рамках местоимения. В произведении таких 40 лексем и 1673 употребления. Дейктические элементы (наречия с местоименно-указательной семантикой (*там, здесь, туда* и др.); указательные местоимения (*этот, тот* и т.п.)), помогают нам представить ситуацию МР, положение говорящего и слушающего, происходит некая отсылка к жестам и мимике говорящего: *вотъ какіе кусици клали* (с. 201). «В сказовом повествовании как в одном из вариантов его имитации широко представлены речевые средства, актуализирующие глубоко запрятанный жест» [Гривенная 2006: 95].

В табл. 17 представим ранговый список наречий, предикативных и местоименных наречий.

Таблица 17

Данные 10-ти первых ранговых показателей адвербиального мира

<i>Ранг</i>	<i>Наречия (84%)</i>	<i>Предикативные наречия (5%)</i>	<i>Местоименные наречия (11%)</i>
1	хорошо (134)	нѣтъ / нѣту (106)	такъ (430)
2	теперь (99)	надо / надясь (97)	какъ1 (341)
3	опять (69)	нельзя (31)	туть (213)
4	очень (69)	извѣстно (20)	тамъ (153)
5	всегда (62)	можно (17)	гдѣ / идѣ (60)
6	сразу (53)	жалко (16)	сколько (48)
7	скоро (52)	стыдно (16)	тогда (43)
8	больше / болѣ (48)	нечего (11)	куда / куды (31)
9	потомъ (43)	замужь (11)	никогда (22)
10	страшно (40)	нужно (10)	зачѣмъ (19)

По лексическому значению наречия разделены на собственно-характеризующие, обозначающие качества, свойства, способ действия, интенсивность и обстоятельственные, обозначающие признак, внешний по отношению к его носителю, т.е. характеризующие по месту, времени, условию и другим обстоятельствам. Ядро наречий составляют в романе единицы качественной, оценочной семантики, а также темпоральные единицы. Представим лексико-семантические разряды наречий в табл. 18.

Лексико-семантические типы наречий

Семантический тип	Примеры	Контексты
I. Собственно-характеризующие наречия (70%)		
1. Образа действия		
качественно-характеризующие	<i>хорошо, страшно, плохо, тихо, приятно, легко, темно, благородно, ласково, спокойно, раздражительно, стъснительно, обязательно, недорого, замъчательно</i>	<i>А я, правду сказать, не върила, что хорошо-то будетъ (с. 78); Руку мнѣ пожалъ ласково (с. 102); Я по ихъ сказать не умъю, мудрый онъ сказалъ (с. 173).</i>
сравнения, уподобления	<i>по-нашему, по-ихнему, горой, кирпичомъ, по-божьи, хлестомъ, калачикомъ, клиномъ, лаптемъ, мышь-мышью, по-барски, по-деревенски, по-новому, по-человѣчески, стайкомъ, торчкомъ, хвостомъ</i>	<i>Ну, пошли мы главный соборъ глядѣть, а онъ по-ихнему ужъ зовется, — ме-четъ (с. 160); А тотъ сърый сталъ, мышь-мышью (с. 124).</i>
2. Степени (10%)		
	<i>очень, совсъмъ, полише, полно, полнымъ-полонъ, сполна, бездонно, вовсе, видимо-невидимо, въ обръзъ, маленько, мало, немного, немножко, ни чуточки, полнымъ-полнехоньки, шибко, помаленьку, помалости, слабо, чуточку, впухъ</i>	<i>А Васенька и не обръдалъ, денегъ-то у него въ обръзъ (с. 171); ...Гдѣ голые совсъмъ ходять (с. 193).</i>
II. Обстоятельственные наречия (30%)		
места	<i>тамъ, здѣсь, далеко, издаля, недалеко, близко, неподалечку, рядомъ, рядышкомъ / рядушкомъ</i>	<i>Такъ онъ, словно, обрадовался: «какъ, Катерина Костинтиновна одна здѣсь?» (с.); И Васенька написалъ мнѣ, и... рядышкомъ написали, дружски (с. 248).</i>
времени	<i>весной, вечеркомъ, вечеромъ, вѣчно, всегда, вчера, давно, днемъ, долго, еще, завтра, загодя, задолго, раньше, зимой, напередни, напередъ, недавно, недолго, нонче, ночью, опять, поздно, посеичасъ, потомъ, поутру, прежде, рано, рѣдко, сегодня, сейчасъ, скоро, сперва, сразу, сроду, сызмала, теперь, уже, утромъ, часто, чѣмъ-свѣтъ</i>	<i>А вы съ Катичкой ласковы всегда были, подарки какіе всегда дарили (с. 16); Совѣтовали въ газетахъ напечатать, разыскиваю, молъ... а Катичка — нонче-завтра, такъ и не пропечатала (с. 88).</i>
причины	<i>зачѣмъ, почему, сгоряча, съ перепугу, со зла, спросту, на-пустоту, почему-зря</i>	<i>Я ей, съ перепугу-то, — «мамочка помираетъ!..» (с. 104)</i>
цели	<i>насмѣхъ, нарочно / нарошно,</i>	<i>... Они меня насмѣхъ: «а завтра тебя и барышню казармы погонимъ мыть и ночевать оставимъ!» (с. 108)</i>
совместности	<i>вмѣстѣ, вдвоемъ, въ обнимку</i>	<i>И онъ подъ его командой былъ, во льду или вмѣстѣ, вонъ какъ! (с. 126)</i>

В следующем подпараграфе мы приведем некоторые наблюдения над разрядами местоимений.

2.1.5. Местоимения-существительные и местоимения-прилагательные

Местоимения составляют всего 1,4% всех лексем романа, но при этом 20% употреблений (91; 11428).

В общем рейтинге несколько верхних позиций занимают местоимения-существительные (0,3% лексем; 12% словоформ). Конечно, произведение, написанное в форме сказа, одного длинного монолога, оказалось крайне эгоцентричным, поскольку рассказчица была участницей большинства описываемых в романе событий, именно она дает свою оценку действиям, поведению, переменам, состояниям, качествам: *И по морямъ-то меня возили* (с. 7); *Да я наземь упала, не далась* (с. 8). Однако личные местоимения 3-го лица в единственном числе заметно превалируют над местоимениями 1-го и 2-го лица. Количественные данные употреблений личных местоимений даны в табл. 19.

Таблица 19

Количество словоупотреблений личных местоимений

Единственное число	Количество	Множественное число	Количество
1-е лицо (<i>я</i>)	1668	1-е лицо (<i>мы</i>)	829
2-е лицо (<i>ты, вы</i>)	258	2-е лицо (<i>вы</i>)	506
3-е лицо (<i>онъ, она, оно</i>)	2151 <i>онъ</i> (701) <i>она</i> (1429) <i>оно</i> (21)	3-е лицо (<i>они / онъ</i>)	532

Количественное соотношение личных местоимений с заменяемыми именами зависит от степени первостепенности или второстепенности персонажа. Так, местоимением *она* чаще всего заменяется имя воспитанницы: *Да нѣтъ, любитъ она меня, а это ужъ такъ* (с. 7); *Ужъ и натерзалась я съ ней, наплакалась* (там же). Нужно заметить, что далеко не всегда перед тем, как использовать местоимение, няня поясняет, о ком будет говорить, в романе есть страницы без единого наименования объекта говорения, опускаться может и само местоимение, однако читатель быстро привыкает к ошибкам в употреблении местоимений и начинает внимательнее следить за ходом рассуждений Дарьи Степановны.

Все использованные И.С. Шмелёвым разряды местоимений-существительных и прилагательных приведены в табл. 20.

Таблица 20

Местоимения-существительные, -прилагательные

Разряд	Местоимения	Контексты
Местоимения-существительные (0,3%, 12%)		
личные	<i>я, ты, вы, онъ (она, оно), мы, вы, они / онъ</i>	<i>...Домъ у васъ, чисто дворець былъ (с. 5); «ужъ какъ я расположенъ къ Медынкъ съ Ордынки!» (с. 6)</i>
возвратное	<i>себя (163)</i>	<i>...И испортила себя каплями (с. 34)</i>
вопросительные, относительные	<i>что (112), кто (84)</i>	<i>...А то и казнили, кто въ высокихъ лицъ бонбы швырялъ (с. 41).</i>
отрицательные	<i>никто (30), ничто (92)</i>	<i>Да что, милая барыня, и никто ее не пойметъ, чего ей надо, такая безпокойная (с. 7).</i>
неопределенные	<i>что-то / чтой-то (42), кто-то (12), что-нибудь (4), кой-что (3), кто-нибудь (2)</i>	<i>...И бралянты она кому-то продать давала (с. 132); ...Отъ жадности... кой-чего набрала (с. 209).</i>
Местоимения-прилагательные (0,5%, 6%)		
притяжательные	<i>его / Его ('Бога') (473), нашъ (192), свой (138), мой (128), ихній (86), вашъ (49), твой (15), ее (2)</i>	<i>Буди Его святая воля (с. 141); ...И церкви тамъ нашей нгтъ (с. 144); ...Ихній царь (с. 152).</i>
определятельные	<i>въсь (778), самъ (124), самый (94), другой (64), всякій (40), каждый (37), иной (2), любой (1)</i>	<i>...Гдъ меня только не носило, весь свгтъ исколесила (с. 10).</i>
указательные	<i>тотъ (224), такой (326), этотъ / энтоъ (102), тамошній (4)</i>	<i>Вотъ-вотъ, самый тотъ Комаровъ-графъ (с. 11); Копались тамошние золотари, — баринъ имъ посулилъ, — не нашли (с. 37).</i>
неопределенные	<i>какой-то (31), какой-нибудь (2)</i>	<i>Одинъ матросъ былъ, живой каторжникъ, золотая браслетка на кулакъ, сорвалъ съ какой-то (с. 108).</i>
отрицательные	<i>никакой (17)</i>	<i>А то бы, говоритъ, никакой бы у насъ звгзды не было, а теперь имгется звгзда самой высокой славы (с. 210).</i>

Таким образом, местоимения в романе выполняют специфически разговорную контактоустанавливающую, экспрессивную функцию, а также выступают в качестве грамматического оформителя.

2.1.6. Числительные в романе

В составе числительных (43, 0,6% от общего количества лексем в романе; 295, 0,5% от количества словоформ) находится 23 количественных, 12 порядковых,

4 собирательных. В большинстве употреблений выбор числительных рассказчицей отражает фольклорную направленность романа, поскольку излюбленные числа няни – *два* (64); *три* (51); *тыща* (35); *пять* (26); *сорокъ, сто* (по 11). Чаще всего няня «уточняет» количество временных отрезков: *За два дня было до кончины* (с. 105); *...Я три года на войнѣ была* (с. 96); *...Три мѣсяца только ему жить осталось* (с. 97); *...Минутокъ пять молчала* (с. 242); *А то бы Катичкѣ въ пять минутъ смерть была!* (с. 195). Числительное *сто, тыща* используется в значении ‘очень много’, часто при упоминании денег: *...Большіе тыщи плачены* (с. 19); *А у нихъ короли ихніе по сто, говорятъ, женѣ имѣютъ* (с. 194); *А она ему такъ: «что мало? сто бы миліеновъ!»* (с. 218).

Количественное значение числительных 3, 40, 300 наделяется также религиозно-православным смыслом: *...За грѣхъ такой обѣщаніе дала сорокъ разъ къ Царицѣ-Небесной Иверской сходить, сходила* (сс. 21-22); *...Три поклона положила, даль бы ей Господь счастья* (с. 66); *Триста поклоновъ каждую ночь кладетъ, мысли гонитъ...* (с. 233).

Числительные позволяют проследить основные вехи биографий персонажей по возрасту: *Это еще когда ей годковъ двѣнадцать было, вонъ когда, разсудительная была какая* (с. 75); *Сынку двадцать семь ужъ, а ей сорокъ пять вотъ стукнетъ, да ей, правда, и сорока не дашь* (с. 232).

Из порядковых числительных наиболее употребительной оказалась лексема *первый* (28), которая часто используется во фразеологизмах: *Ну, можетъ, и не первая красавица* (с. 34); *Баринъ, первое время, и дома не бываль* (с. 53); *...Завтра за него первая графиня выскочитъ, не тебѣ чета* (с. 74).

2.2 Служебные части речи в тексте романа

Незнаменательная лексика составляет лишь 2% от общего количества единиц романа, но 28% употреблений. В рейтинге ста наиболее употребимых лексем треть позиций занимают именно служебные слова.

Нужно отметить, что эта часть лексики отличается высокой степенью омонимии (например, *и, что, тоже, же, еле*), что представляет большую сложность при

подсчете и классифицировании. Также осложняет работу с незнаменательной лексикой способность сочетания единиц в сложные комплексы, которые могут легко образовываться и распадаться в самом тексте (например, *да уж, уж и*). Те же явления отмечают исследователи фольклорного прозаического языка: «Можно утверждать, что характерная для современной письменной и устной речи тенденция формировать омокомплексы в кругу релятивов-полисемантов (“союз – частица”, “наречие – частица” и т.д.) отражена и в исследуемых текстах» [Лагута, Ефремова и др. 2006]. По возможности омонимия в нашем исследовании снята, однако в некоторых случаях лексема состоит в том классе, который большинство употреблений представляет. Некоторые единицы даже в одном контексте могут иметь несколько оттенков смысла: «многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов» [Русская грамматика 1980: 729].

Частотность незнаменательной лексики связана не столько с ее грамматическими свойствами, сколько с самой природой стилизованного романа. Е.Н. Гривенная отмечает, что в употреблении незнаменательной лексики ярко отражается «спонтанный характер разговорной речи, ее неподготовленность, построение на ходу... В условиях художественной имитации полноценной коммуникативной ситуации служебные лексемы выступают в роли актуализаторов события рассказывания и являются одним из главных средств воссоздания синкретической системы устной речи» [Гривенная 2006: 92-93].

Представим результаты корпусных подсчетов количества словоформ и словоупотреблений разных служебных частей речи на рис. 14 и 15.

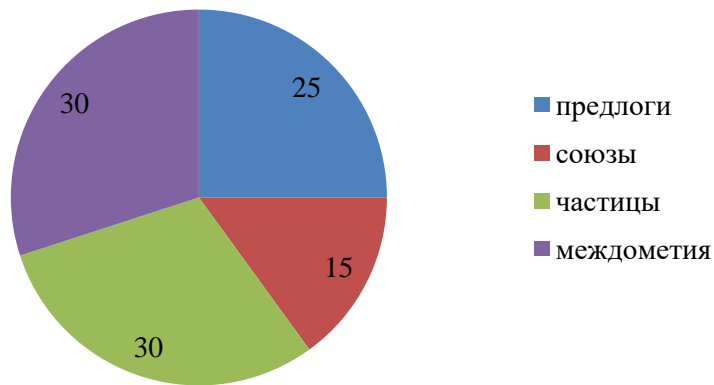

Рис. 14. Диаграмма «Служебные части речи (количество лексем, %)

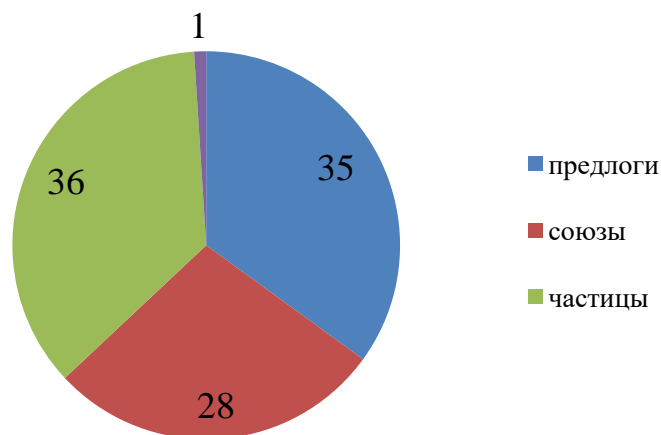

Рис. 15. Диаграмма «Служебные части речи (количество словоформ, %)

Союзы занимают первые строки рейтинга всех лексем романа (*и* 1 (2204), *а* 1 (1587)) и составляют 0,3% от общего количества лексем; 8% всех словоупотреблений.

Большее количество союзов – сочинительные. Соединительные: *и, да*; противительные: *а, но, да, зато*; разделительные: *или; либо... (либо), ли, то ли... то ли, то... (то), али*: **И** невестка подпихивала, **и** старикъ помогаль, **и** меня для скуки обучили (с. 223); «Охъ, чуточку потърпеть осталось, Дарья Степановна... охъ, **зато** отъ Америки этой дальше уъзжаемъ, бълъ-свѣтъ увидимъ...» — все меня развлекаль (с. 13). В синтаксисе фольклорных, легендарных текстов редко используются сложносочиненные предложения с союзом *и*, значительно чаще *и* связывает однородные члены. «Это объясняется сюжетными задачами текстов: изна-

чальное спокойствие легендарного нарратива постоянно нарушается» [Лагута, Ефремова и др. 2006].

Сочинительные союзы *и, а* употребляются также при компоновке отдельных предложений в текст, такие связующие элементы делают рассказ более вязким: *А и тогда складненькая была... А глазки у ней и мамашины, и папашины... А волосы темные... А личикомъ.... Еще совстъмь дѣвочкой была, а знала, что глазки у ней красивые. И тогда ужь глазками поводила-красовалась. А папенька ей все-то набивальъ...* (с. 56). В.П. Соколова называет союзы *а, и*, актуализирующиеся в начале предложения, союз-предложениями [Соколова 1992], а Е.Н. Гривенная отмечает, что эти союзы функционируют в качестве одного из средств имитации разговорной речи [Гривенная 2006: 126].

Несколько союзов и союзных слов передают подчинительные отношения, однако таких единиц немного: временные (*когда, покуда, какъ*), сравнительные (*какъ, словно*); условные (*если, ежели, коли / коль*); целевые (*чтобы / чтобъ*); причины (*потому*): *Когда мадицина эта, разродиться жеицина не можетъ, это я знаю* (с. 42); *Ночью проснешься, какъ все-то вспомнишь* (с. 44); *Въ Америкъ она голодомъ себя морила и на палкахъ крутилась, чтобы потоцать* (с. 55). Подчинительные союзы рассказчица использует по-разному, редко в первичном значении. Например, союз *какъ* может употребляться во временном значении: *Въ деревнѣ, какъ сиротой осталась, меня въ богатый дворъ взяли, дитю качать* (с. 50); *Да и правда, не время ужь, какой же разговоръ тутъ, какъ всъмь могила готовится* (с. 150). Происходит смешение союзов: *Ихъ только не тревожить, а то они добрые, тамошніе люди говорили* (с. 198) (*то* вм. *а такъ*). Конструкции со сравнительными союзами используются не часто, как и в фольклорной прозе, где «самые фантастические факты ... охарактеризованы в модальном плане как объективные через прямые наименования или метафоры» [Там же].

Во многих случаях союзы опущены вовсе: *Я на образа божилась ужь Головкову, отдадимъ, а онъ мнѣ какъ казнѣ вѣриль* (с. 21) (чтобы отдать); *Чистота, сестрицы-синаторки, бѣ-ленькія, хоро-шенькія всѣ, туфли велѣли мягкія, не*

шумѣть (с. 217) (чтобы не шуметь); ...*Много карасину продалъ* (не то) *нѣмцамъ*, *не то французамъ* (с. 112).

Как и союзы, предлоги выполняют преимущественно грамматическую функцию (0,5% от общего количества лексем, 10% употреблений). Основную часть представляют простые предлоги пространственно-временного блока: *въ / во* (1186); *на* (1107); *съ / со* (729); *у* (666); *къ / ко* (384); *за* (338); *по* (287); *отъ / ото* (211); *изъ / изо* (174); *про* (137); *до* (75); *для* (68); *безъ / безо* (65); *подъ* (64); *черезъ* (41); *при* (40); *передъ / передо / переду* (30); *о / объ / обо* (22); *надъ* (16); *ради* (по 3): *Ка-акъ въ стеклянную дверь съ терасовъ стукнуть* (с. 142); ...*Я и вспомнила про сонъ-то, про раковъ этихъ страшныхъ* (с. 144); ...*Бухъ на колѣни передо мной* (с. 187). Парные предлоги-сращения: *изъ-подъ* (5); *изъ-за* (2): *Изъ-за тебя, дуры, такой скандалъ* (с. 187); ...*Подобралась она, стерва, изъ-подъ коврика вывернулась, гадина* (с. 195). К непервообразным предлогам относятся наречные: *замѣсто / завѣсто / взамѣсто* (4); *возля / возлѣ* (3); *мимо, округъ, сквозь* (по 2); *позади, среди, окромя* (по 1); отглагольные: *спустя* (2): ...*Стукъ!.. — позади меня объ полъ что-то* (с. 63); *Худой, глаза провалились, пошелъ — сказалъ мнѣ: «вы ей взамѣсто матери, няня...»* (с. 136).

Если предлоги и союзы выполняют определенную грамматическую функцию, то частицы, главным образом, выполняют экспрессивную функцию. Выбор и использование частиц занимает в процессе стилизации особое место, поскольку они являются одним из основных приемов создания высокой эмоциональности, субъективности повествования. Частицы используются в романе и как средство заполнения речевых лакун, которые образуются у рассказчицы вследствие неподготовленности монолога.

Представленные в романе грамматические частицы (0,6%; 10%) в соответствии с принятым делением можно распределить по нескольким разрядам: формообразующие (*бы, давай (-те), да*); отрицательные (*не, ни*); вопросительные (*а, ли / ль, никакъ, неужь / неужто / нешто, какъ, что ли, что*); указательные и ограничительные (*вотъ, вонъ, лишь, даже, едва*): ...*Сбросили шубку соболью и давай по залъ передъ зеркалами танцовать* (с. 25); ...*До ученья ни одной молитвъ не обу-*

чили (с. 45); **Нешто** можно съ такимъ народомъ большевиковъ одолѣть (с. 137); *А тоже чего-то тамъ представляль, разбойника, что ли* (с. 17).

Частица *такъ и* относится к частицам, которые вносят оттенок смысла в сфере протекания действия во времени, описывают действие по полноте или неполноте его осуществления, по результативности / нерезультативности: *А онъ сколько спасаль-то насъ, съ иконкой его такъ и поѣхала изъ Москвы* (с. 11); *Ну, упаль-зарыдалъ, тетушка такъ и затрепыхалась, заквохтала* (с. 29).

Логические частицы несут значение сравнения, причины, уступки, как и союзы. Однако частицы, помимо обстоятельственных значений, привносят в речь эмоциональный и разговорный оттенок: **И что же, барыня... вѣдь** она какъ намъ тутъ пригодилась, **будто** съ блюда капаетъ, **прямо** Катичкѣ на кисейку (с. 62); *А намъ ужъ не до шутокъ, едва сижу* (с. 245); *Ножкой даже Авдотьѣ Васильевнѣ пошаркаль* (с. 246); *А какъ же, и тамъ я побывала, сказать только не сумѣю* (с. 5). Модальные частицы могут фиксировать субъективную оценку говорящего (согласие / несогласие, различные эмоции; волеизъявление; отношение к результату): *а, а какъ же, вѣдь, же / жъ, ли / ль, ишь, ну, прямо, таки, ужъ, это, а то и др.* В романе встречаются и сложные частицы, а также целые комплексы частиц: *все-таки, во-какой, вонъ-какъ, вотъ-вотъ, да-вотъ, да и правда, какъ-такъ, чуть-чуть не, это-дакъ и др.:* *Вотъ, барыня говорила-то: «для бѣднаго сословія хлопочемъ!..» — а вонъ-какъ схлопотали...»* (с. 72); *...Вотъ это-дакъ покорители* (с. 110). К модальным частицам примыкают и слова-предложения, реплики, выражающие утверждение или отрицание: *да, нѣтъ, конечно, какъ есть, ладно, ну:* *Поглядѣла на нее, — нѣтъ, Катичка моя все такая, ягодка свѣженькая, нетронутая, безъ поминки* (с. 181); *А я думаю — ладно, только бы долой съ шеи* (с. 134).

Вводные слова в романе И.С. Шмелёва (0,2% всех лексем; 0,3% употреблений), с одной стороны, иллюстрируют степень осложненности предложений, т.е. являются предметом синтаксиса, с другой стороны, как и частицы, служат передаче модуса. Назовем обнаруженные нами в романе элементы: *бывало, молъ, правда, понятно, значитъ, пожалуй, угодно, небось, дескать, въ-самъ-дѣль / всамдѣль /*

въ сам-дѣль, конечно, кажется: *А у нихъ тамъ американское, конечно, варенье, пусто-е...* (с. 7); *Ну... что, моль, вамъ, угодно* (с. 237); *А тотъ на меня — и-доль! — почитаетъ, дескать, она меня шибко* (с. 15).

Народную речь сложно представить без междометий и звукоподражательных слов (0,6% от количества лексем; 0,3% от количества словоформ). Большая часть используется для передачи эмоций (*а-а, батюшки, ой, тьфу, ура* и др.): *А тотъ и выскочилъ, ура* закричалъ (с. 124); *У-у, такой-то оборотистый... въ короли, говорилъ, достигну* (с. 207). В классе междометий особенно выделяются глагольные междометия, обозначающие резкое, стремительное действие: *глядь, прыгъ, скокъ, хлопъ, цопъ, шваркъ* (*Вышла винца и говоритъ Васенькъ: «подлый обманщикъ!» — и баць! — прямо въ него изъ пистолета! Не попала. Опять — баць, баць* (с. 135); *Она ему въ лицо шваркъ — письмо!* (с. 33)). В диалогической речи задействованы этикетные междометия-формулы (*здравстуйте, извините, извольте, пожалуйста, прощай, спасибо*): *Я и говорю имъ — «здравстуйте, Василий Никандрычъ, горе-то у васъ какое»* (с. 127); *Абраша, спасибо еще, попался, съ нашей стороны, жидь-еврей, Тульской губернии* (с. 9). Примеры звукоподражаний также работают на «оживление» событий романа (*дыръ-дыръ-дыръ, звякъ-звякъ, цу-цу-цу, ыи*): *...Тѣ глоткой такъ все — ыи, ыи, — икали, будто заплакали* (с. 153); *А жарынь, кузнечики тамъ свои, крымскіе, по-своему кричатъ, цыкаютъ, погремушки словно въ ушахъ, — цу-цу-цу... цу-цу-цу... — и задремишь, забудешь-ся. Цу-цу-цу... цу-цу-цу...* (с. 99).

3. Выводы к главе II

Количественные подсчеты показали, что объем глагольных лексем преобладает над остальными частями речи, глаголы выполняют две основные функции в романе – акциональную и характерологическую. Предназначение субстантивного мира – очертить семантическое пространство произведения. Адъективные единицы, прежде всего, несут характерологическую функцию и помогают составить представление об эпитетике романа. Номинативные единицы часто заменяются их местоименными коррелятами, использование дейктиков является важной чертой

разговорности. Незнаменательная лексика, имеющая всего 2% от общего количества лексем романа, занимает большинство верхних позиций ранга и составляет практически треть всех употреблений, что объясняется как выполнением грамматических задач, так и особой важностью приемов стилизации разговорной речи.

Таким образом, мы описали семантическую наполненность романа, проанализировали ее грамматическую составляющую. В следующей главе мы будем рассматривать не части речи, а сформированные на основе них номинативные классы, в основе каждого из которых лежит изосемическая часть речи.

Назовем основные выводы Главы II.

1. Количественные данные, полученные при подсчете лексем и словоупотреблений романа, дают богатый материал для сравнения лексического состава романа эмигрантского периода НМ с другими произведениями И.С. Шмелёва, с текстами других стилизованных и написанных в форме сказа произведений, созданных как писателями 20-30-х годов (А. Ремизов, Б. Зайцев, И. Бунин), так и авторами других эпох (Н. Лесков, В. Шукшин), а также с языком фольклорных религиозных легенд XIX в. Анализ количественных показателей помог выявить наиболее важные в концептуальном отношении единицы среди номинативных разрядов романа, наиболее употребимые конструктивные элементы. Благодаря стилеметрическому методу и составленному конкордансу составлен список ранговых показателей, который продемонстрировал семантическое пространство, ядро и периферии лексикона романа, были определены семантические объединения и сферы, которых касается автор.

2. Среди всех лексико-грамматических единиц большее количество как лексем, так и употреблений у глаголов. Глагольность романа отличает его от текстов НКРЯ XIX-XX вв. и сближает с фольклорными прозаическими текстами. Наиболее актуальными оказались единицы глагольных групп движения, физического воздействия, психической сферы и речи. Стилизационные замыслы прослеживаются и в выборе писателем времен, разнообразие использования которых является прекрасным способом сделать рассказ актуальным и живым, персонажи действуют не эпически размеренно, а динамично. Поскольку няня повествует об уже про-

изошедших событиях, в романе преобладает прошедшее время, как в собственном, так и в переносных значениях других времен.

Субстантивный мир романа представлен, прежде всего, пространственно-временным блоком, а также наименованиями персонажей и артефактами. Нужно отметить, что характеристика пространства и времени занимает особенное место во всех морфологических категориях, описывающих этот блок (существительные, глаголы, местоимения, наречия, предлоги). Это связано с частыми фабульными перемещениями персонажей, а также с определением оппозиции дом / не-дом (Россия / не-Россия).

Описанию природы уделено малое количество контекстов, в отличие от описания мира персонажей (одушевленные существительные, глаголы действия, речи и др., качественные прилагательные, личные местоимения) и предметного мира (неодушевленные существительные, глаголы статики, местонахождения, качественные и относительные прилагательные, личные местоимения 3-го лица и др.).

Наиболее объемно представлен в романе качественный разряд прилагательных, в большей степени призванный передавать экспрессивный характер адъективного мира.

Незнаменательные части речи не отличаются большим разнообразием лексем, однако им принадлежит около 30% всех употреблений романа. Помимо конструктивно-грамматических функций служебные части речи ярко передают эмоциональный настрой говорящего (особенно частицы, вводные слова, междометия).

ГЛАВА III.
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОПРИЧАСТНОСТИ И ЧУЖДОСТИ
В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЁВА «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»:
«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» МИР

На основе анализа семантического пространства романа НМ приступим к описанию реализованной в произведении оппозиции сопричастности и чуждости. Противопоставление «своего» и «чужого» миров достигается использованием языковых средств, описанных ниже, и отражает идейный смысл романа И.С. Шмелёва, а также общий философско-психологический настрой писателей-эмигрантов, для которых жизнь четко разделилась на отрезки до и после революции, в России и в эмиграции, в старой России и новой страшной стране. Так, в романе большинство контекстов с лексемой *жизнь* фиксируют изменения, перемены: *А жизнь пошла безпокойная, военная* (с. 53); *И будоражная тогда у насъ жизнь пошла, хавось и хавось* (с. 60); *Все говорилъ — «поправлюсь — по Волгъ прогъдусь, теперь хорошая жизнь началась»* (с. 97). Рассказчица отмечает, что жить стало тяжелее, страшнее, и мечты персонажей о хорошей, счастливой жизни, как правило, не реализуются. Встречаются эпитеты: *безпокойная, военная, будоражная, черная-расчерная, оглашенная, другого покрою, безпардонная*.

Ощущения личного пространства, личной сферы, свойственные каждому человеку, для людей той эпохи, особенно для писателей-эмигрантов, стали более острыми.

Роман НМ для И.С. Шмелёва, эмигрировавшего из России в 1922 г., стал своеобразной площадкой, где писатель недвусмысленно передает свое отношение к происходящим событиям, однако делает это не в публицистической манере и не голосом автора, а выбирает форму сказа, где «говорит» только старушка-няня. Таким образом, понимание произведения усложняется введением еще одного собеседника, диалог становится трехпозиционным: между автором, рассказчиком и читателем. Нельзя полностью отождествлять сказителя и писателя, поскольку форма сказа по определению базируется на дистантности и условности между писателем и рассказчиком. И.С. Шмелёв использует ряд смещений (см. Глава I,

п. 2.4.1.), чтобы отделиться от созданной им Дарьи Степановны Синицыной: речевое, гендерное, социальное, технологическое. Однако явно положительное писательское отношение к сказительнице позволяет сопоставлять идеи автора романа и няни.

Как уже говорилось, роман антропоцентричен, няня повествует о странствиях своих и знакомых людей, дает их портреты в разной степени подробности. При этом заметим, что практически все описываемые персонажи с их чувствами, эмоциями, действиями так или иначе оцениваются рассказчицей. Одним из главных аргументов И.С. Шмелёва в выборе на роль сказительницы простой неграмотной няни была простота и однозначность суждений, возможность открыто и честно оценивать происходящее. Дарья Степановна сидит у своей старой знакомой, у нее нет поводов для лукавства и обмана, практически все события (за исключением посещения монашки-католички) уже давно прошли.

Для того чтобы приступить к реконструкции своего и чужого мира в романе НМ, необходимо очертить список языковых средств, которыми пользуется И.С. Шмёлев для создания противопоставления по признаку сопричастности / чуждости.

1. Языковые средства реконструкции «своего» и «чужого» мира в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы»

Противопоставление двух миров в романе отражается при помощи ряда продуманных писателем языковых средств. Оппозиция отражается на всех уровнях языка: фонетическом, словообразовательном, лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом. Рассмотрим основные средства, выделенные при анализе номинативных классов романа, и прокомментируем основные функции каждого средства. Некоторые из элементов работают на маркирование одного из полюсов, другие могут характеризовать как «свое», так и «чужое».

1.1. Фонетические средства в романе

И.С. Шмелёв использует все уровни языка в создании стилизации. Фонетико-интонационная структура монолога няни передается с помощью графики. Роман по своей сути является «записью» писателем рассказа Дарьи Степановны, поскольку читатели знают о наличии слушательницы (госпоже Медынкиной), более того, из романа мы понимаем, что няня неграмотна, т.е. самозапись исключается. Однако присутствие автора не ощутимо, графический облик текста подчеркивает и максимально точно фиксирует разговорную речь, что отражается при помощи целого арсенала продуманных средств и приемов стилизации. Особенности графики в целом обуславливаются двумя факторами: передачей лексико-морфологической структуры речи и трансляцией разговорной просодики.

1.1.1. Фонографические средства в романе

Наиболее ярко стилизованность народной речи проявляется в обильном употреблении писателем всевозможных вариантов лексем. Технически в пределы инварианта нами помещались лишь фонетические мены в словах, отраженные в графическом облике слова (всего 70 лексем, имеющих инварианты, 1% от количества всех лексем). Наиболее нейтральны по отношению к стилизации народной речи грамматические инварианты (*безь / безо, о / обь / обо*), однако даже зафиксированные литературной нормой варианты рассказчица не всегда правильно использует в своей речи (*обь немь*).

Другая группа инвариантов отражает смешение графического облика слов в речи и языке, в том числе просторечные чередования. Причиной появления таких вариантов является использование наряду с орфографически верным написанием слов, во-первых, разговорных фонетических форм слова, напрямую отраженных в тексте (*мужчина / мущина, скучно / скушно, тысяча / тыща*); во-вторых, употребление просторечных словоформ (*возля / возль, гдѣ / идѣ, ндравиться / нравиться, неужь / неужто / нешто, откуда / откудава, жизнь / жисть / жись*): *...Я всю жизнь при барышнѣ своей* (с. 241); *Ни въ жисть бы не повѣрила* (с. 72); *Ни въ жись бы не покинула* (с. 231). Редукция безударных гласных в потоке речи

при отражении в тексте отражается отсутствием гласного: *городовой / гордовой: ...Приносиль съ красной лентой какой-то, не гордовой, а другой* (с. 55).

Несмотря на сказовый характер произведения, писатель добивается эффекта допущенных малограмотным человеком орфографических ошибок, например, неправильного написания корней лексем с неударными гласными (*шиколатъ / шикалатъ*), суффиксов (*вымъгнать / вымъгнить*): *...Бутенброты присылалъ, и шиколату* (с. 152); *Шикалатъ съ пряниками пили* (с. 165).

Интересно отметить, что некоторые инварианты демонстрируют лексемы высокого стиля: *Вознесение / Вознесенье, вострепенуться / вострепенуться, угощенье / угощение: на Вознесенье Господне открыточку получила* (с. 235); *...А праздникъ былъ, Вознесение Господне* (с. 237).

Фонографическое оформление также варьируется по заглавной / строчной букве: *Господень / господень, Господь / Господь / господь, крестъ / Крестъ, матушка / Матушка, паркъ / Паркъ, Пасха / пасха* (турецкая). Как правило, перечисленные слова, написанные с заглавной буквы, обозначают принадлежность к религиозной сфере. Так, например, когда речь идет о деревянных, золотых крестиках на шее, используется строчная буква, а конкретный крест, на котором распяли Христа, пишется с заглавной: *Господень Крестъ, Крестъ Спаситель*. Название организации «Красный Крест» также является собственным: *...Отъ Красного Креста велъно Катерину Костинтиновну вывезти* (с. 145).

Другим способом создания графического облика текста является употребление дефиса, который представлен в 1020 случаях, грамматически обусловленных или реализующих авторскую идею. Грамматический дефис присоединяет частицы – *то, -нибудь, -таки, -съ, вотъ-* (*Да дъгло-то не важное* (с. 14); *...Купили-таки меня* (с. 182); *...Мнъ ужъ и говорить стъснительно-съ* (с. 36)). Грамматической функцией дефисного написания также является составление композитов (см. Глава III, п. 1.5.).

Другая важная функция дефиса – передача звукового образа монолога сказительницы. Дефис такого типа разбивает слова, способствуя правильному прочтению заложенной интонации. Создается эффект большей протяженности произно-

симого фрагмента. Наиболее часто интонируется то слово, которое усиливает семантику отдельной единицы высказывания, в этих случаях перед словом с дефисным написанием можно поставить лексемы «такой», «так», «очень», «сильно» (96 контекстов), чаще с помощью дефиса усиливается пейоративно заряженные лексемы (*блѣ-дный, воня-еть, высо-та-а, горь-ко, гру-стно, доро-го-е, лю-тая, натерпѣ-лись, серча-ла, ску-ушно, те-мное-пунцовое, ти-хо, чисто-та, шу-мные*): *Привели въ палату, а тамъ **те-мно**, — въ теми его держали! — **чу-тошный** огонечекъ синій, будто тамъ упокойникъ лежитъ* (с. 217).

Следующая функция дефиса – выделение слова в потоке речи (81 случай). Как правило, такая маркированная лексема является в синтаксическом отношении ремой, частью ремы или уточнением: *И сядетъ, и взглянетъ, — и что жъ это такое, сразу видать, какого воспитанія, **гра-фскаго*** (с. 107); *А ужъ онъ въ генералы вышелъ, и ему высокое мѣсто, въ **Эн-дію*** (с. 180); *...Да все дорогое требуетъ: **икры, мадеры, сыру ему швицарскаго, сарди-нковъ*** (с. 85).

Разбивка при помощи дефиса позволяет передать эмоциональное состояние сказительницы или персонажа, чью речь она воспроизводит. Так, ряд лексем имеет дефис тогда, когда Дарья Степановна говорит о вещах, явлениях, пугающих ее: ***Го-ры, глядѣть страшно*** (с. 98); *Глянула я въ окошко: земли не видно... на **двадцатый** этажъ взвились, подумать надо* (с. 204). Дефисное написание передает эффект неожиданности произошедшего действия: *Какъ она **вско-читъ*** (с. 157). Выделяются также оценочные характеристики персонажей, в большей степени отрицательные (*буржу-и, глу-ная, прожо-ры-ы, расте-рехи-и, са-нтажистъ, са-цили-сты, ю-бошникъ*), в меньшей – положительные (*въ-жливый, застѣ-нчивая, у-мая*): *Негодникъ ты негодный, бабникъ ты, **ю-бошникъ*** (с. 33); *Такой-то молодчикъ... А **въ-жливый*** (с. 64).

Дефисное написание также используется для передачи мыслительных процессов, например, в тех случаях, когда няня ностальгирует (*Придешь, бывало, на **Өоминой, на Даниловское... съ Авдотьей Васильевной мы все хаживали... Весь день проведемъ, на могилкахъ. Че-ре-мухи, рябинки, бузина-а... Весной пахнетъ...*** (с. 76)), или вспоминает забытую фамилию или какое-то наименование какого-

либо понятия: ...*Воры кругъ насъ вились... эти вотъ, вотъ-вотъ, иван-тю-ристы* (с. 184).

Помимо перечисленных функций, дефис способен передать тон речи, оттенок, дать характеристику намерениям говорящего. Можно услышать стон, призыв, крик, обращение, показные протягивания речи: *И все мы погуби-ли... и все пот-ли-или-и... — будто стонуть, — на пустую дорогу васъ пустили-и..* (с. 150); *Ху-до у насъ въ домъ, ху-до...* (с. 49).

Таким образом, средства фонетического уровня поддерживают лексико-семантический, выделяя именно те лексемы, на которые нужно обратить внимание. Фонографические элементы могут маркировать как пространство «своего», так и «чужого», главный посыл употребления дефиса – выражение эмоциональности, небезразличия к объекту говорения. Конкретная эмоция определяется только по семантике единиц и по контексту.

1.1.2. Метаплазматические средства

Помимо названных фонографических элементов, на реконструкцию «своего» и «чужого» мира работают метаплазмы – различные фонетические изменения, претерпеваемые словами (преобразования, замена букв или слогов) [Ахманова 1966: 230].

Метаплазмы часто появляются в заимствованной лексике, тем самым передавая низкую степень освоенности рассказчицей этих единиц. Однако метаплазмы употребляются не только в заимствованных единицах.

Лексемы, в которых используются метаплазмы, могут составлять пару с узуральной лексемой (*блондиночка / болондиночка, нравится / ндравиться*), либо употребляться только в измененном виде (*совусь, чурекъ (чебурек)*). Наличие или отсутствие литературной нормативной лексемы в тексте зависит от количества словоупотреблений в произведении, а также от степени освоенности рассказчицей данных единиц (охарактеризовать лексемы с этой точки зрения возможно предположительно). Представим список метаплазматических средств:

- 1) антистекон (*апендецетъ, безначпортный, бутенбротъ, варкизочка, ланпа-дочка, обстрычь, прынцеса, сантажистъ, трахмальный*);
- 2) синкопа (*бабушка / баушка, одинакій, патреть, сафяновый, чурекъ, швицарскій, юлирный*);
- 3) синереза (*еропланъ, одержка*);
- 4) синицеца (*альхирей, зологическій, сацалисть*);
- 5) протеза (*вабрикосъ, выстерика, заарестовать, економка, наактриса*);
- 6) эпентеза (*бараслетъ, откудава, ракстрепанный, страмница, совусъ, хавосъ*);
- 7) ламбдаизм (*алистократъ, дилехторъ, ламбалаторія, левизоръ, леригія, ливорюція, листократія*);
- 8) звуковая метатеза (*гарціозный, крутизана, порститутъ, соша, тортуваръ / протуваръ*): *И такой тоже неспокойный сталь, сурьезный* (с. 213); *Страмница ты, безстыдница* (с. 59).

Лексемы нулевого склонения последовательно изменяются няней по моделям склоняемых единиц: ...*Въ пенснѣхъ, франтъ такой* (с. 211); ...*Вертѣться передъ трюмой* (с. 58); ...*Купятъ мою буу* (с. 115); ...*Съ протуваровъ шибають* (с. 160); ...*Кофю* пустого выпила (с. 192); ...*Наняли таксю* (с. 245); ...*На таксъ покатили* (с. 246).

Конечно, за продолжительный период жизни во Франции няня уже знает некоторые слова, которые транскрибируются писателем на кириллице, в некоторых случаях они приобретают черты русского словоизменения: *Такъ, такъ... красоту дѣлатъ обучается. Слыхала, какъ же, барынямъ щеки натирають, боту дѣлають* (с. 12) (фр. beauté ‘красота’); ...*Губки ружой этой навела* (с. 178) (фр. rouge ‘красный’); *Постучалась она, ти-хо... слышу — антре!* (с. 236) (фр. entrez! ‘входите’, повелит. накл. от entrer); *Она какъ выхватить изъ серебряной сумочки пистолетъ, онъ сразу и назадъ, руку къ сердцу, пардонъ сказалъ* (с. 183) (фр. pardon ‘извините’); ...*Хорошо ей сказала — «мамзель рюсь»!* (с. 235) (фр. mademoiselle russe ‘русская барышня’); ...*Юбка у ней амазонная была* (с. 134). Часть слов образована неправильно, поскольку неточно выбрано производное слово. Так, прилагательное *индѣйскій* употребляется вместо *индийскій* (няня совершает пу-

тешестве в Индию): *Попали барыня, въ самое ихнее Рождество попали, въ индѣй-ское!..* (с. 194); *Кругомъ свѣта поѣхали, въ Эн-дію эту и попали* (с. 194).

В целом, выражается общее направление: чуждые картине мира няни элементы, часто выражающиеся заимствованной, не освоенной лично рассказчицей лексикой, маркируются отрицательно. Показателем неосвоенности являются звуковые искажения, реализуемые в тексте метаплазматическими средствами.

1.2. Словообразовательные средства в романе

Реконструировать «свой» и «чужой» мир на словообразовательном уровне позволяют способы глагольного действия (СГД), диминутивы и аугментативы. Рассмотрим эти средства в следующих подпараграфах.

1.2.1. Способы глагольного действия

В романе широко представлены тесно связанные с категорией вида лексико-грамматические разряды глагольных номинаций, а именно способы глагольного действия. Вслед за «Русской грамматикой», под СГД мы понимаем семантико-словообразовательные группировки глаголов, за каждым типом которых закреплен определенный набор используемых формантов [Русская грамматика 1980: 594]. Словообразовательные форманты СГД могут маркировать глаголы, а действия персонажей, выраженные глаголами, относящимися к определенным СГД, оцениваются положительно или отрицательно. В романе использованы все три группы характеристик глагольного действия (более 900 номинаций): временная (195), количественно-временная (428) и характеристика результата совершенного действия (271).

Перечислим в табл. 21 виды СГД, работающие на реконструкцию оппозиции «свой» / «чужой», приведем некоторые примеры.

СГД как средство стилизации

№	Название СГД +используемые форманты	Кол- во	Глагольные номинации	Контексты
I.				
Временные СГД				
<i>1. Начинательный (141)</i>				
1.1.	Действие членит-ся на фазы за-	73	заблаговѣстить; заботяться; завизжать; заканителить; за-квохтать; зарыдать; засвѣтить; засвоевольничать; затревожиться; затрястись; захлюпать; зашагать	<i>Поперхнулась я, забилъ меня кашель (с. 238); Какъ загреми-ить, застучи-ить... — <i>всѣ мы креститься стали: отходимъ, говорятъ (с. 150).</i></i>
1.2.	Действие не членится на фазы по-; вз-; воз-; раз- + -(ся)	68	повеселѣть; повздорить; помчаться; потащить взбѣжать; взвистись; взмокнуть; взмолиться воздохнуть; возрыдать; возсіять разболтаться; разсахариться; расцеловаться; расшумѣться	<i>Она и разсахарится, повѣритъ словно (с. 33).</i>
2.	Ограничительный по-	36	поберечь; побояться; поворочать; поговѣть; погостить; помычать	<i>Скажетъ чего, а я пода-каю (с. 201); Маленько по-сучала (с. 75).</i>
3.	Длительно-ограничительный про-	7	пробыть; прогулять; прожить; проспать; прослужить	<i>...Два мѣсяца прослужу — мнѣ права выдадутъ (с. 159).</i>
4.	Финитивный от- (+ -ся)	11	отдышаться; откупиться; отплакаться; отслужить; оттрястись; отыскаться	<i>...Черезъ день померла, отмаялась (с. 104).</i>
II.				
Количественно-временные СГД				
<i>1. Обозначение одноактности или краткости (165)</i>				
1.1.	Одноактный -ну-; -ану-; с-	63	ахнуть; боднуть; вытряхнуть; выхлестнуть; дернуть-ся; дыхнуть; оглянуться; охнуть; пихнуть; ругнуть; сигануть; фукнуть; швырнуть; шурхнуть сбаловать; сообразиться; согрѣшить; схватать	<i>Увидала меня, охнула, — и ткнулась головой въ письма (с. 103).</i>
1.2.	Уменьшительно-смягчительный	102		
1.2.1.	Уменьшительный вз-; по-; при-; с-+ -ну-	5	вскинуться; поутихнуть; притихнуть; прихворнуть; струхнуть	<i>...Буря ужъ поутихла (с. 203).</i>
1.2.2.	Смягчительный по-; под-; при-; пере-	97	побранить; погоревать; поклевать; поѣсть; пососать; постращать; похрамывать; пощуриться	<i>Что говорить, любили по-красоваться (с. 36); При-дешь къ Авдотѣ Васильевнѣ, желанной мо-</i>

			подкрѣплять; подпихивать прибраться; пригубить; при- задуматься; прилечь; приодѣться; припадать; при- пасать; притомиться перекусить	<i>ей, чайку попить</i> (с. 78).
III.	Специально-результативные СГД			
1.	Интенсивно- результативный вы-; до-; за-; из-; на-; от-; про- ; при-; у- + (-ся)	184	выбѣлить; вѣрѣзать допить; доплясаться захвалить; зацѣловать изсохнуть; изъерзать; испо- лосовать наглядѣться; наговориться; наплакаться; наплясаться отбиться; отдышаться; от- плакаться; отрястись прижиться; присосаться провонять; профуфукать увѣрить; упиться; устыдить	<i>...Вотъ, сударыня моя, на- прыгали себѣ простудку (с. 192); Шутили-шутили да и нашутили (с. 30); Такъ и прижилась, они ее съ собой и вывезли (с. 11).</i>
2.	<i>Накопительносуммарный</i>			
2.1.	Накопительный на-	28	наварить; нагостить; нажить; накупить; напастись; натор- говать; натрясти	<i>Два денька у васъ нагос- тила, ужъ такъ довольна (с. 229).</i>
2.2.	Суммарный об-; с-; из-	15	обглодать; обдуть; обласкать сбрить; скосить изжевать; исколесить	<i>...Всѣ пороги у насъ обили, въ Крыму (с. 73).</i>
3.	Распределитель- ный по-; пере-	23	повыбрать; повывезти; по- выпустить; позакрывать; по- залить; посягать переглядить; перестирать; перетрогать; перещупать	<i>И какіе тувалеты пошила (с. 181); ..Всѣ ее капиталъ повыбрали (с. 20).</i>

Через совершаемые действия, маркированные словообразовательными формантами СГД (прежде всего, начинательный, одноактный, смягчительный, интенсивно-результативный, накопительный СГД), оцениваются персонажи, описываемая ситуация.

Одна из функций СГД – стилизовать народную речь няни. Этому способствуют способ выражения мгновенности действия (*ахнуть, боднуть, садануть, шепнуть*), многократной повторяемости (*живать, пѣвать, сказывать*). Такие единицы «употребляются преимущественно при изображении народного быта; они служат также средством архаизации стиля» [Русская грамматика, 1980: 598], описывают события, происходящие в «своем» мире: *Придешь, бывало, на Оминой,*

на Даниловское... съ Авдотьей Васильевной мы все **хаживали**, закусить съ собой брали яичекъ крашеныхъ (с. 76).

Благодаря глагольным номинациям с аффиксами уменьшительно-смягчительного СГД демонстрируется малая интенсивность совершаемого действия, вносится оттенок ослабленности: *поутихнуть, поклевать, поулыбаться, прибраться, приласкать*. Использование этих единиц позволяет рассказчице «сглаживать острые углы» при выполнении некоторых коммуникативных задач: описании чрезвычайно тяжелых ситуаций, характеристике действий своей воспитанницы или других важных для няни персонажей: *Катичка такъ изъ цирковъ и не выходила, въ городкахъ они представляли, публикѣ. И тигру заворожила! Побранила я ее (с. 189); Попрыгала и ушла къ себѣ, притихла (с. 74).*

Противопоставленным номинациям уменьшительно-смягчительного СГД является специально-результативный СГД, а именно группа интенсивно-результативного СГД. Форманты подчеркивают интенсивность, полноту, тщательность результата действия. Особенно экспрессивны лексемы с приставкой *до-*, такие глаголы, как правило, характеризуют поведение чуждых няне персонажей: *Позваль садовничиху, а она еще на меня: «доплясалась передъ дерьмомъ своимъ, — передъ господами, моль, наплясалась, — вотъ и безъ ногъ» (с. 137).*

Глаголы временного блока СГД, обозначающие нечленимое на фазы действие, также имеют дополнительный оттенок интенсивности и экспрессивности (*взвистись, вздумать, взмолиться, разсердиться*). Глаголы с префиксом *воз-* приносят окраску некой торжественности, архаичности, данный подтип СГД образуется только от глаголов эмоциональной сферы: *возгордиться, вздохнуть, возрыдать, возсіять*.

1.2.2. Диминутивы и аугментативы

Лексемы с диминутивными суффиксами не только несут в себе значение небольшого размера, но и являются одним из главных средств выражения оценочности. Поскольку оценивается только та часть картины мира, которая важна для

человека и непосредственно связана с его желаниями и потребностями, оценка является одним из маркеров сопричастности [Ким 2011а: 214].

Гипокористические форманты в романе имеют 14% всех субстантивов и 4% адъективов. Все диминутивы работают на создание эффекта родного, знакомого места, любимых вещей, отсылают к сравнению со старой Москвой, к прошлому, к «своему» миру. «Преуменьшение» используются, прежде всего, при описании персонажей, поэтому наиболее часто диминутивы используются в ТГ-01: в наименованиях персонажей (*Аполитушка, Глафирочка, Дарьюшка*), в терминах родства (*бабушка, дяденька, мамашенька, тетенька*), в названиях профессий (*артисточка, офицерикъ, маркизочка*), оценочных характеристиках (*голубушка, душенька, розанчикъ*).

Большинство положительных характеристик и наименований относится к главной героине, нежно любимой воспитаннице Катичке, к ее гардеробу, частям тела, вещам, эмоциям и чувствам: *И у Катички надъ постелькой харя его вистъла* (с. 68); *Катичка моя все такая, ягодка свъженькая* (с. 181); *И Катичка со мной, и голосокъ ее слышу — «няничка, выведи, спаси!»* (с. 146).

Те же тенденции прослеживаются в употреблении диминутивных аффиксов у прилагательных (*аккуратненькйй, блъдненькйй, высокенькйй, горяченькйй, золотенькйй, зубастенькйй, легонькйй, складненькйй, сухъненькйй, хрупенькйй*): *Дъвочка она красивенькая, привлекающая* (с. 13); *...Личико у ней и въ Крыму не загоръло, блъдненькая такая, слабенькая совсъмъ* (с. 130).

Аугментативы, напротив, присваиваются персонажам, предметам, их характеристикам, несущим идею чуждости. Аффиксы субстантивов *-ин-, -ищ-: винище, далища, деньжищи, дътина, глазище*.

Адъективными формантами, участвующими в оценке, также являются суффикс *-ющ-* (*злющйй*), *-аст-* (*брыластый, глазастый, голенастый, головастый, губастый, зубастый, мурластый*), *-ат-* (*волосатый, горбатый, косматый, носатый, полосатый*). Формант *-аст-* в большей степени акцентирует интенсивность выражаемого признака [Русская грамматика 1980: 284]. Высшая степень проявления признака передается суффиксом *-енн-: страшенный, высоченный, широченный*.

1.3. Средства выражения референции

Рассмотрим средства выражения референции в романе, которые представлены признаками пейоративного отчуждения и местоименной сопричастности (см. Глава I, п. 3). 4 средства обладают эффектом отчуждения.

1. Для дистанцирования объекта, для создания эффекта чуждости предмета речи единственное число имени собственного заменяется на множественное нарицательное. Такие трансформации происходят у существительных-артефактов. Некоторые топонимы, которые рассказчица использует для описания своих страшных странствий и переездов других персонажей, употребляются во множественном числе, а некоторые из наименований становятся нарицательными: *То у себя жили тихо-мирно, а вотъ и заграничными стали, по **Парижамъ** катаемся* (с. 167); *А тамъ женина родня въ **палестины** свои сына-то сманила* (с. 223). Результаты технического прогресса быстрее появились в Европе и Америке, и няня сталкивается с новыми для нее механизмами, приспособлениями, однако они для рассказчицы из неведомого, неизвестного, чужого мира: *Она его въ **телефоны** возвонила* (с. 213); *Ну, въ **свистки**, дворники набъжжали* (с. 80); *...Въ **лифтахъ** меня подняли* (с. 204); *А онъ по этимъ вотъ... поютъ вотъ безо всего?.. Вотъ-вотъ, **радиу** эти* (с. 208).

2. На отчуждение объекта работают конструкции с местоименным словом *всякій* (37). Значение этого компонента можно представить как негативная генерализация, «обезразличивающее обобщение» [Пеньковский 2004: 13]. Контексты с лексемой *всякій* неоднородны по степени интенсивности выражения пейоративного отчуждения. Наиболее негативную оценку получают персонажи, совершающие «дурные», по мнению рассказчицы, поступки: *...Правду вамъ сказать, денежекъ что ушло на шантрапу на **всякую*** (с. 20); *нечистый образины **всякія** принимаетъ* (с. 35); *Бда сладкая, никакой заботы, музыки да театры, и обхожденіе такое, вольное, тѣлу и неспокойно, на **всякую** хочу и потянетъ* (с. 38). В других случаях *всякій* может иметь значение ‘любой, разный’: *фамиліи **всякія*** (с. 18); *Конфекты у нихъ не переводились, и пастила, и печенья **всякія*** (с. 23); *Ну, грѣхъ страшный, а **всякій** грѣхъ замаливается* (с. 42); *...**Всякое** порученіе могу, изволь-*

те карточку вамъ на память (с. 204), – или значение ‘каждый’: ...*Знакомые шубу ему дали надѣть, съ барашковымъ воротникомъ, – какъ всякій человекъ сталь* (с. 85).

3. В основе конструкции с лексемой *какой-то* (28) лежит отчужденная неопределенность, также с негативным отношением к называемым предметам или явлениям: *И земля тутъ, словно, какая-то ненастоящая, не наша* (с. 75); *И письмо какое-то нечистое, какъ свинець у меня въ рукахъ, зломъ полно* (с. 158); *Да что, такіе люди невѣрные пошли, какі-то перевертени* (с. 169); *Какі-то стѣточки надѣвать стала* (с. 181); *Наняла автомобиль, прорву какую-то глядѣть, самая-то глухая глушь* (с. 188).

В еще большей степени пейоративная неопределенность выражается с помощью местоимения *какой-нибудь* (2): ...*А они думаютъ – всѣ мы неучены, какі-нибудь арапы* (с.); *Французъ какой-нибудь вамъ пріятное написалъ* (с. 245).

4. Чуждость объекта в речи сказительницы передается также специализированным знаком пейоративного отчуждения – частицей *тамъ* (2), просторечным местоимением *тамошній* (4): *А то же чего-то тамъ представляль, разбойника, что ли, – Катичка говорила* (с. 17); *А какую ужъ тамъ старушку, красная бы цѣна ей рублей двѣсти* (с. 24); ...*И на носилкахъ носили насъ тамошніе люди-людогды* (с. 195).

Сопричастность контексту придают следующие средства референции.

1. Притяжательное местоимение *нашъ* накладывает на контексты (всего 187) эффект сопричастности: *Абраша... съ нашей стороны, жидъ-еврей* (с. 9); ...*За нашу Россію стараетесь* (с. 53); *Отдай мнѣ запонки съ короной, графскія наши, дѣдушкины* (с. 89). Отрицание с маркером *нашъ* несет пейоративное отчуждение: *И земля тутъ, словно, какая-то ненастоящая, не наша* (с. 75). «Свою» речь, «свой» русский язык, привычный говор рассказчица маркирует лексемой *по нашему* (7): *По нашему они кричали* (с. 174); *По нашему – сказать съ поволокою глаза* (с. 56).

2. Лексема *свой* также используется в контекстах с сопричастностью (всего 25), чаще всего в словосочетании *свой человек*: *Сразу онъ мнѣ пондравился, свой человек* (с. 204); ...*Какъ за свою и считали* (с. 6-7).

1.4. Лексические средства выражения оппозиции «свой» / «чужой»

Группа средств, связанная с лексико-стилистической маркированностью единиц, включает разговорно-просторечную лексику, заимствованную лексику, высокую лексику, устаревшие единицы, диалектизмы, фольклорные элементы.

1.4.1. Разговорно-просторечная лексика

Главной функцией разговорно-просторечной лексики является не номинативность, а экспрессивность и оценочность. Частеречные ограничения просторечной лексики в романе практически отсутствуют. Просторечия встречаются среди глаголов (*надоумить, очухаться*), субстантивов (*вздорь, поскребушки*), адъективов (*ахтителный, блажной, самовольный*), адвербиальных сочетаний (*вживь, по дешевкѣ*), местоимений (*ихній, энтоь, куды*), несамостоятельных частей речи (*дескать, окромя*).

При характеристике отрицательных и неприятных няне людей, их внешнего вида, характера и поведения, а также при передаче диалогов персонажей, находящихся в крайне негативном эмоциональном состоянии, используется грубо-просторечная лексика, большинство единиц которой являются субстантивами и относятся к ТГ-01-Е: *А Катичка на меня: «Дура, зачѣмъ глупостями мамочку тревожишь!»* (с. 89); *И приходитъ къ намъ матросъ и еще одинъ, вредный, **рыло** страшное* (с. 119). Целиком грубо-просторечные фразы, в том числе со сниженными глаголами, производят еще более сильное негативное впечатление у читателей и слушателей: ...*Я ему всю морду исполосую!.. по его похабной рождѣ щелкнулъ... Онъ въ нихъ и швырнулъ перчатку: «Лижите, дуры! теперь эта перчатка знаменитая!..»* (с. 80); ...*Они бутылку выхватили, лапами въ икру* (с. 96); ...*Я на васъ денежки зашибу* (с. 207).

Просторечный характер отражается не только в лексемах, но и в словоизменении: ...*Большевики всѣхъ **офицерай** пожгли* (с. 138); ...*Всѣ уѣдутъ, **войска** не*

помъшаетъ, она на Севастополь садится (с. 147); ...*За ихняго солдата* (с. 158); *Я графьевъ не люблю* (с. 185); ...*Не хочу слушать дерзостевъ* (с. 187); ...*Стрыгетъ* словно (с. 116); ...*Мы вами не брезговаемъ* (с. 117). В романе встречаются устаревшие формы прилагательных, например *бойкой, долгой, одинокой, русской* (м. р. ед. ч. Им. / Вин. п.), речи няни присуща старомосковская произносительная норма: *Ей, говорить, долгой спокой требуется, а то обязательно съ ума сойдетъ* (с. 226). Устаревшие формы деепричастий на *-миши* когда-то тоже перешли из диалектов в просторечие: *выпимиши, устамиши, раздѣмиши, распечатамиши* (*Печка у насъ топилась, баць въ печку, не распечатамиши* (с. 177)). Разговорный пласт лексики помогает писателю легко удержать внимание и интерес читателей.

1.4.2. Устаревшая, высокая лексика, фольклорные элементы

Некоторые устаревшие слова выступают как постоянные эпитеты и входят в состав фольклорных формул: *Вотъ и повезъ насъ Гартъ въ дремучіе лѣса, на край свѣта, ихнія церкви показывать, старинныя, выше нашихъ* (с. 197); *Погубилъ я васъ, окаянный... попечи-тель былъ вамъ, всему народу учитель, и всѣ мы были попечи-тели-учи-тели* (с. 150). Единицы, маркируемые в толковых словарях [Ожегов, Шведова 1992; Даль 2001] пометами ‘устар.’, ‘высок.’, встречаются в ситуациях сильного эмоционального подъема, но няня в этих случаях использует аллегории и метафоры: *Она мнѣ просвирку дала успенскую, тѣлесныя узы отверзаетъ, на исходъ души* (с. 86); *Скажу ей строго — «въ Господень ликъ плюешь, Боженька накажетъ!»* (с. 47).

Введение лексем с пометой ‘фольк.’ способствует созданию фольклорного колорита романа (*былинка, осерчать, чаять* и др.) (фольклорные формулы: *По горамъ гздили, по лѣсамъ* (с. 195)): *Барыню я и не узнала: истаяла, исчахла, былинка и былинка* (с. 99); ...*Я и конца себѣ не чаяла* (с. 9); *Это онъ меня такъ прозвалъ — и-доль! — осерчалъ* (с. 15). Можем выделить некоторые единицы церковнославянского происхождения, которые привносят в роман оттенок архаичности, однако они встречаются в тексте наряду с лексемами активного запаса:

*возгордѣться, возсіять, вострепенуться; здравіе, одежда: Я графьевъ не люблю, они го-рдыи... а васъ я признаю-уважаю, наша вы расейская барышня... не можете **возгордѣться** (с. 185); Молюсь за него, имя только его не знаю, да Господь ужъ знаетъ: «о **здравіи** морского генерала, пошли ему, Господи, здоровья, въ дѣлахъ успѣха!» (с. 147).*

1.4.3. Диалектная лексика

Помимо общерусских слов, писатель вплетает в монолог рассказчицы, родившейся не в столице, а в Тульской губернии, родные слова, диалектизмы (менее 0,06% от общего количества лексем, всего 4 слова), являющиеся признаком «своего» языка (*И какъ вы меня узнали, неужъ по голосу... разговоръ у меня такой, тульской все* (с. 12)): *калить* (2), *жилять, палять, шурхнуть* (по 1): *...И мухъ этихъ... терпѣнья нѣтъ, какъ **жиляли** (с. 178); ...А бы мнѣ голову разбило, объ столбъ объ желѣзный, **шурхнуло** по платочку даже (с. 88); Катичка тогда изъ себя вышла, **калила ихъ калила**... такой скандалъ (с. 44); А тѣ визжатъ, орѣхами **паляютъ** (с. 198).*

Такое малое количество можно попытаться объяснить несколькими факторами. Как мы уже говорили, роман является крайне городским, более того, большая часть событий происходит в эмиграции, поэтому вокруг няни находится незначительное количество русских реалий, наименованиям которых есть диалектные соответствия (этим объясняется только глагольный вид диалектизмов). Во-вторых, рассказчица уже много лет живет в семье интеллигентов, члены которой не являются носителями диалекта. В-третьих, сам И.С. Шмелёв не был диалектоносителем, а роман написан в эмиграции, поэтому изучить тульский говор в то время для писателя было затруднительно, художник использует единицы, которые были им услышаны в речи прототипа главной героини (у Дарьи Степановны был прототип – эмигрировавшая в Париж вместе с семейством Карповых, друзьями Шмелёвых, старая няня со своим московским певучим говорком). К тому же роман с большим количеством непонятных для эмигрантов слов стал бы более тяжеловесным и сложным для восприятия.

1.4.4. Заимствованная лексика

Основным лексическим выразителем чуждости реалии является использование его заимствованного наименования. Няня посещает множество стран, в каждой из которых свои особенности, реалии, наименованиям которых нет коррелята в русском языке; в других случаях употребление заимствований объясняется передачей чужих слов, заменить же их рассказчица не может, поскольку часто только приблизительно понимает значения.

Среди заимствованных единиц встречаются названия людей (*адъютантъ*, *кузина*, *професыръ*); наименования артефактов: одежды (*буа*, *комбизонъ*, *панталонны*), еды (*биштексъ*, *саилыкъ*, *совусъ*, *шиколатъ* / *шикалатъ*); построек, предметов обстановки и устройств (*клязетъ*, *порсигаръ*, *снима*, *радиа*); событий (*лиминація*, *ливорюція*, *рацея*); транспортных средств (*автомобиль*, *такся*). Большинство использованных заимствований французского, голландского, итальянского, немецкого, польского происхождения, однако есть лексемы, пришедшие из персидского (*балаганъ*), тюркского языков (*башлыкъ*).

Лексемы нулевого склонения последовательно изменяются няней по моделям склоняемых единиц: *въ пенснѣхъ* (с. 211); *передъ трюмой* (с. 58); *купятъ мою буу* (с. 115); *съ протуваровъ* (с. 160); *кофю пустого выпила* (с. 192); *наняли таксю* (с. 245); *на таксъ покатили* (с. 246).

За продолжительный период жизни во Франции, няня уже знает некоторые слова, которые транскрибируются писателем на кириллице, в некоторых случаях и они имеют черты русского словоизменения: ...*Барынямъ щеки натирають, боту дѣлають* (с. 12) (фр. *beauté* ‘красота’); ...*Губки ружой этой навела* (с. 178) (фр. *rouge* ‘красный’); *Постучалась она, ти-хо... слышу — антре!* (с. 236) (фр. *entrez!* ‘входите’, повелит. накл. от *entrez*); ...*Пардонъ сказалъ* (с. 183) (фр. *pardon* ‘извините’); ...*Хорошо ей сказала — «мамзель рюсъ»!* (с. 235) (фр. *mademoiselle russe* ‘русская барышня’).

Большой пласт заимствованной лексики няней как носителем просторечия не освоен, что отражается в фонетическом искажении, отражаемом в тексте мета-

плазматическими средствами (см. п. 1.1.2. настоящей главы). Сочетание заимствования с метаплазмом почти всегда означает чуждость реалии для няни.

1.5. Синкретичные единицы

Синкретичные единицы, как и фразеологические единицы, представляют собой наглядный пример сочетания в единице номинативной и сугубо стилистической характеристик. М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко при составлении конкорданса русской народной песни выносят в качестве заголовочных единиц не только одиночные лексемы, но и синкретичные образования: «Главным признаком словарного слова мы считаем семантическую цельность значения и функциональную значимость вокабулы» [Бобунова, Хроленко 2007]. При составлении конкорданса романа НМ мы руководствовались несколько иными критериями: отдельной лексемой, а не ее употреблением считалась только та синкретичная единица, в которой компоненты отдельно не используются в языке: *вины-ягоды, одинь-одинешенекъ, бѣленькій-разбѣленькій*. Остальные единицы считаются не отдельными лексемами, а их возможными употреблениями.

Синкретичные единицы, или композиты, состояются из 3% лексем романа, наполняют же их только знаменательные части речи (так, повторы *вотъ-вотъ, цу-цу-цу* не являются композитами). Вслед за исследователями русской народной песни, мы выделяем несколько типов синкретичных единиц. Первый тип – синонимические сближения. Ко второму типу относятся композиты на основе повтора корня, либо основы. Сюда же мы включили единицы, у которых повторяется лишь часть основы, окончание, т.е. построенные по принципу рифмовки (*Муза-пуза*). Помимо композитов в романе существуют тавтологические конструкции, часть из которых является языковой игрой писателя: *...Искать себѣ мѣсто въ другомъ мѣстѣ* (с. 45); *Война пришла, а у насъ въ домѣ своя война* (с. 50); *...Видомъ-то не видать* (с. 117); *Зарился — земли бы побольше, отъ земли и померь* (с. 118); *...Глухая глушь* (с. 188); *...Шмыжутъ шмыгалы* (с. 206). Третий тип – репрезентативные композиты, именно этот тип функционально является наиболее номинативным. В группу композитов-субстантивов вошли и единицы с при-

ложениями, в графическом оформлении которых используется дефис, поскольку именно при сочетании двух лексем образуется более полное понятие (*Федорь-лихачь*). В романе также встретилось несколько сочетаний, которые представляют свернутую пропозицию (логическую и событийную) и имеют обстоятельственное значение количества и цели (*три-дни, гъхатъ-вызволять*). Композиты образуются либо из сочетания единиц одной части речи (адъективы (A), субстантивы (S), наречия (ADV) и глаголы (V)), либо разных (S-A, A-S, S-ADV, ADV-V, S-PRO (местоимение)) (табл. 22).

Таблица 22

Типы синкретичных единиц, использованных в тексте

Тип	ЧР	Примеры	Контексты
1. Синонимы	ADV	<i>нехорошо-невесело, тихо-мирно, хорошо-складно, замѣчательно-антиресно, нонче-завтра</i>	<i>Ну, нехорошо и нехорошо у насъ, такъ-то нехорошо-невесело ... ну, вотъ чуется мнѣ пустота-глухота, чисто сарай (с. 28).</i>
	A	<i>те-мный-пунцовый, сухія-дубовыя, серебристый-муваровый, бродяж-ный-горевой</i>	<i>А въ-эливый... цѣльный мнѣ кусокъ шелковой матеріи привезъ, серебристая-муваровая, да плотная такая, износу нѣтъ (с. 64).</i>
	S	<i>пустота-глухота, бугорочѣкъ-могилка, огонь-порохъ, имѣнье-дворецъ, сестрица-кузина, солдатъ-стража, хулюганъ-негодяй, цвѣты-букеты, ловкачъ-проньера, колючки-шипы, протчее-иное, морѣ-океанъ</i>	<i>А она огонь-порохъ, сердца не удержала (с. 73); ...А ее самъ графъ выводилъ, та-кая намъ честь была. И все цвѣты-букеты, и повели по коврамъ въ парад-ные покои (с. 165).</i>
	V	<i>натерѣть-сбиться, наплакаться-наглотаться, заговаривать-мурлыкать, заплакать-зарыдать, качаться-маяться, шарить-елозить, пойти-зашагать, вразумить-укрыть, держать-хранить, истомиться-истерзаться, бѣжать-мчаться, заплакать-</i>	<i>Ужъ и натерѣлась я тамъ, наплака-лась-наглоталась (с. 14); ...Вся истоми-лась-истерзалась, не сплю — не гѣмъ, на свѣтъ бы не глядѣла (с. 240).</i>

		<i>захлюпать</i>	
2. Повторы	ADV	<i>чернымъ-черно, полнымъ-то-полна</i>	<i>А подь фонарями, на берегу, на-ро-ду... чернымъ-черно (с. 149).</i>
	A	<i>умный-разумный, блъ-эдный-разблѣдный, тонкій-растонкій, синий-разсиний, старый-разстарый, склизкій-склизкій, желтый-желтый, голый-разголый, лихуцій-разлихуцій, тоцій-тоцій, зеленый-зеленый</i>	<i>А она, чисто какъ королевна, и головка у ней, будто, заболѣла, блѣ-эдная-разблѣдная лежитъ (с. 130); И приходитъ къ намъ стриженная дѣвка съ сумкой, лихущая-разлихущая, стала кричать на барыню (с. 91).</i>
	S	<i>искусна-искуста, искусства-искусна, человекъ-человѣкомъ, тыщи-растыщи, жара-жарища, вѣдьма-вѣдьмой</i> Рифмованные звуковые повторы: <i>Катерина-наперина, родинка-уродинка, Муза-пуза, Парижъ-угоришь</i>	<i>И только у вѣхъ и разговору — искуста-искусна, искусна-искуста... — а толку никакого, одни только неприятности (сс. 52-53); Чисто смородинка у меня на ликѣ, ваша Ниночка все, бывало, — «няня-смородинка», звала... а то — «родинка-уродинка» (с. 12).</i>
	V	<i>кричатъ-кричатъ, пить-пить, идти-идти, выметаться-выметаться, вихляться-вихляться</i>	<i>Вихлялся-вихлялся, какъ она крикнетъ: «вы съ ума сошли!» (с. 121)</i>
	S-A	<i>мука-мученьская</i>	<i>...Они къ большевикамъ отослали, на муку-мученьскую (с. 72).</i>
	S-ADV	<i>мышь-мышью</i>	<i>А тотъ стѣрый сталь, мышь-мышью, дрожьмя-дрожить (с. 124).</i>
	ADV-V	<i>дѣрмя-драть, погѣдомъ-гѣсть</i>	<i>...А тутъ съ барышни дѣрмя-деруть (с. 221).</i>
	3. Репрезентативы	A	<i>чужой-богатый, ши-рокій-каменный, сѣдой-завитой, хроменькій-горбатенькій, степной-неправославный, бѣлый-костяной,</i>
S		1. Собственно репрезентативы: <i>котлеты-биштексы, ручки-ножки, сундуки-чемоданы, тѣло-душа, ко-</i>	<i>А сверху сказывали: духъ какой на кухняхъ, говядину все жарють, и котлеты-биштексы, а у матросовъ борць —</i>

	<p>лечки-брошки, перо-бумага, киты-рыбы, строгости-соблюдения, ви-сюлька-бисеръ, бриліанты-жемчуга, львы-тигры, винны-ягоды, золото-серебро</p> <p>2. Приложения: лакей-старичокъ, оторва-дѣвка, офицерикъ-калѣка, няня-смородинка, Федоръ-лихачъ, мамочка-покойница, французъ-лавошникъ, Россія-матушка, садовничиха-ехида, юла-огонь, іюль-мѣсяць</p>	<p>ложкой не промѣшать (с. 154); Ужъ они меня сладостями кормили... и розановое варенье, и пастила липучая, и съмечки въ меду, и винны-ягоды, чего только душенька желаетъ (с. 98); ...Стала она кричать, какъ мамочка-покойница: не могу жить, не буду жить (с. 136).</p>
V	<p>выпить-закусить, кричать-биться, стоять-наблюдать, поглядѣть-пошарить, исповѣдаться-причаститься, выжигать-выпугивать, кушать-хвалить, кричать-плясать, пошутить-поразвлекать, рѣзать-сушить, поиграть-пошумѣть, спать-гѣсть</p>	<p>...Змѣй-то этихъ выжигали-выпугивали (с. 195); А Анна Ивановна желала, чтобы онъ исповѣдался-причастился и Катичку бы благословилъ, по закону (с. 105).</p>
A-S	<p>Мать-Пресвятая-Богородица, Царица-Небесная, Казанская-Матушка, святые-мученицы, спичкинъ-король, Скорбящая-Радость, Казанская-Матушка, владычица-Страстная, бѣль-свѣтъ</p>	<p>...Молебень Скорбящей-Радости служили (с. 218); ...Отъ Америки этой дальше угъзжаемъ, бѣль-свѣтъ увидимъ (с. 13).</p>
ADV-V	<p>хорошо-воспитанный</p>	<p>Катичка ей пристѣла, ручку поцѣловала, — ну, самая что ни есть хорошо-воспитанная (с. 165).</p>

4. Обстоятельстве	S- PRO	количество: <i>сотня-другая, хлѣбець-другой, три-дни</i> цель: <i>поѣхать-посовѣтоваться, ѣхать-вызволѣть, сходить-купить, ѣхать-вызволѣть</i>	<i>Часы, порсигары, цѣпочки... — на веревочкахъ опускали, а имъ хлѣбець-другой, — вытаскивай (с. 195).</i> <i>Васенька на горѣ сидитъ, бревна катаетъ, скорѣй ѣхать-вызволѣть... а мы чисто какъ въ мышеловкѣ (с. 160).</i>
-------------------	-----------	---	--

Композиты являются принадлежностью «своего» языкового пространства, они отражают явную фольклорную направленность романа, в эпический жанр вносятся лирические элементы (рифмовки, атрибутивные повторы), а также благодаря композитам более эффектно передаются экспрессивные смыслы: интенсивность (*И лѣстницы широкія-широкія, идешь-идешь, а внутри ихній богъ сидитъ* (с. 197)); эмоциональность (*...И садовничиха-ехида, упрашивали подарить то-се* (с. 144)); оценочность (*А тотъ стѣрый сталь, мышь-мышью, дрожьмя-дрожитъ* (с. 124)). Эти экспрессивные смыслы в зависимости от семантики единиц могут накладываться и подчеркивать как свое, так и чужое пространство.

1.6. Собственно-выразительные средства

В этом подпараграфе мы рассмотрим образные средства, используемые И.С. Шмелёвым в романе. Большинство образных средств основано на сопоставлении и сравнении: метафоры, гиперболы, литоты, а также логически близкие метафорам сравнения.

Около 70% метафор и сравнений передают негативное отношение рассказчицы к объекту говорения, 20% – положительное, в 10% контекстов дается более или менее нейтральное сравнение. Мы рассматриваем объединенно сравнения и метафоры, поскольку для нас важна только оценка, выражаемая рассказчицей с помощью средств выразительности.

Объекты сравнения в тексте романа последовательно повторяются. Сначала назовем явления, которые при сравнении получают отрицательную оценку.

1. Локус, в котором находится рассказчица (в эмиграции и в доме господ): *...Тамъ... чистый адъ* (с. 14); *А тамъ омутъ чистый* (там же); *...Ну, вотъ чуе-*

ся мнѣ пустота-глухота, чисто **сарай** (с. 28); ...Со стола такъ и не убирали, чисто **трактиръ** у насъ (с. 51); Ни время, ни порядку, — **постоялый и постоялый дворъ** (с. 52); ...**Яма**-то наша? да, трюмъ... а подъ нами еще была **дыра**, самая **преисподняя** (с. 151); ...А мы чисто какъ въ **мышеловкѣ** (с. 160); ...А то я радъ, изъ ихняго **ада** вырвался (с. 123); Куда ни подайся — **яма** (с. 159).

1.2. Положение человека в эмиграции, диктуемое европейским отношением к людям: а человекъ и не разглядѣть, — какъ **сорь** (с. 7); И обгдѣ-то отъ нихъ принимать неприятно, чисто тебѣ **собака** принесла (с. 9); ...Толчемся тутъ не при чемъ, какъ **цыганы бродяжные** (с. 44); Ну — **улитка и улитка**. А то — «выметайся-выметайся», — чисто я **пыль** какая (с. 71); Думаю — сожгутъ, и крестика надо мной не будетъ, чисто **собака** я (с. 224); а что я тутъ? **Селедкинъ хвостъ** я тутъ (Там же); Тутъ всѣ старушки, какъ **мухи**, помираютъ (с. 227).

2. Характеристика социума.

2.2. Внешность, вызывающая отвращение или ужас: ...А они лежатъ въ креслахъ — живые **упокойники** (с. 99); ...А она... чисто **смерть** (с. 103); И глаза страшные, му-утные, чисто у **бѣшеной собаки** (с. 120); ...А глаза хи-трые, какъ у **вора** (с. 190); Ну, **песья морда**, а всѣ влюблялись будто (с. 68); Барыню я и не узнала: истаяла, исчахла, **былинка и былинка** (с. 99); Глянула я, — уси-щи, чисто **щетка сапожная**, морда-а... — самоваръ мѣдный (с. 186); Я его подъ локотокъ чуть, отвязался чтобы, бочка и бочка винная (там же); Ужъ онъ въ подушкахъ сидитъ, **лимонъ желтый** (с. 219).

2.2. Поведение, характер, действия, состояния (в качестве метафоры часто используются бионимы): Лицо у него обсосаное было, стѣрое, чисто **бѣсъ** (с. 68); Коверкается, чисто **обезьяна страшная**, оретъ (с. 120); Ломается, чисто пьяный (с. 121); Обошелъ и обошелъ, какъ **змѣй** (с. 124); ...Наскоро поглощаетъ, какъ **собака** (с. 123); Зубами щелкаетъ, коня лупцуетъ, какъ **демонъ страшный** (с. 139); Министры, говоритъ, всѣ **сгнили** (с. 77); ...**Толстошкурые** въ заграницѣ кровь нашу прожирать будутъ (с. 125); А онъ **лаютъ** на меня (с. 144); ...Бѣжитъ грекъ, весь перекосился, какъ **сатана**, газетку суетъ — визжитъ

(с. 166); ...*Такъ всѣ и говорили: «саранча-то налетѣла, и дачи скоро поволокутъ, горь только не стащить»* (с. 114).

2.3. Артефакты неприятных рассказчице людей: *А тутъ арапъ огромадную коробку, чисто **корыто**, конфетъ принесъ* (с. 214).

3. Самосравнения.

3. 1. Мысли о своей судьбе: ...*Все прошло, жизнь прошла, **яма** одна осталась. И не было ничего, **пылью все пролетѣло*** (с. 102).

3. 2. Мнение других персонажей о няне: *Онъ и скажи, — послѣ ужъ я узнала: «красавица такая, и **старый товаръ** за собой таскаетъ»* (с. 186).

Мелиоративные сравнения, одиночные и распространенные положительные метафоры практически все относятся к любимой воспитаннице: *И складненькая она, а въ сливошномъ — какъ **канфетка**, залюбуешься* (с.); ...*Чисто какъ **королева*** (сс. 111-112); ...*Тѣломъ еще не обошлась, **цвѣточекъ** еще, **бутончикъ*** (с. 55); *А карактеръ у ней — **ангелъ чистый*** (с. 176); *Поглядѣла на нее, — нѣтъ, Катичка моя все такая, **ягодка свѣженькая, нетронутая, безъ поминки...** у Катички глазки — **святая водица, чи-стые*** (с. 181); ...*Такая и осталась, какъ **хрусталець чистый*** (с. 222); ...*Складненькая была, акуратненькая такая, **куколка и куколка*** (с. 56). Образно хвалят Катичку и другие персонажи: *Баринъ все ее такъ — «ахъ, черные **миндали**, зажигають издали!»* (о глазах) (там же); ...*Сама судьба насъ связала, **небесная вы красота*** (с. 121). Несколько метафор, относящихся к Кате, нельзя назвать определенно положительными. Единожды няня называет Катю так: ...*Будто не человекъ, не Катичка моя, а **арха-нгелъ грозный*** (с. 179). Один из ухажеров называет Катю *храброй птицей*, которую нужно сажать в клетку. Мы уже называли лексему, которой положительно характеризуют няню: *Затревожилась она: «бѣдная моя, замучила я тебя, несмѣнная моя, **иконка** моя!..»* (с. 180).

Одной из разновидностей метафорических отношений является иносказательное описание количества: гипербола и литота. Более других объектов в романе преувеличиваются пространственные характеристики (в отличие от фольклорных текстов, в которых гиперболизируется время): ...*Весь свѣтъ **исколесила*** (с. 10);

Мы въ Парижъ поѣхали изъ Константинополя, сквозь всѣ земли (с. 87); ...Ну все-то знала... за край свѣта заходила, гдѣ солнца не бываетъ (с. 97); Это меня судьба носить, и я вездѣ была... мѣста такого нѣтъ, гдѣ бы я не была (с. 240). Ряду персонажей также свойственно до невозможных размеров преувеличивать ментальные способности других (*У-мная, умнѣй нѣтъ (с. 107); ...А она умная-разумная, умнѣй нѣтъ (с. 233)*), чужое имущество, денежные средства: *А богачь... денегъ некуда дѣвать, полны подвалы (с. 15); А де-негъ у него... ни въ какіе банки не укладешь, самъ будто дѣлаетъ (с. 16); У нихъ несмѣтные миліоны по всему свѣту (с. 160); ...У него дворцы по всему свѣту (с. 164).*

Стилистическое преуменьшение, литота, встречается гораздо реже, употребляется при оценке физиологического состояния человека (*...Лицо съ кулачокъ стало, узнать нельзя (с. 102); ...Однѣ лопатки торчатъ (с. 93)*).

2. «Свое» и «чужое» в номинативных классах романа

Дальнейший анализ будет опираться на единицы, разделенные не по частям речи, а по номинативным классам, которые организуются, прежде всего, по семантическому принципу. Однако каждый номинативный класс формируется изосемической ему частью речи, слова других частей речи номинативный класс дополняют. Представим сводную таблицу (табл. 23) средств реконструкции сопричастности / чуждости в 9 номинативных классах (всего маркированных 2479 единиц).

Таблица 23

Распределение средств разделения своего и чужого мира

по номинативным классам

Средства	Номинативный	Пространство (150)	Время (41)	Лица (237)	Артефакты (334)	Внешность (357)	Внутренний мир (539)	Движение (221)	Речь (223)	Действия (380)
Аугментатив		4		2	3	5	2			
Высокая, церковная, устаревшая лексика		1	1	11	4	5	25	2	6	2
Грамматические				8	2	3	1	7	1	4

неточности									
Диминутив	94	12	83	147	128	15	6	4	3
Замещение единственного числа множественным	1			2			1		
Метаплазмы	45	13	67	59	22	77	6	4	20
Разговорно-просторечная лексика	4	15	55	53	143	299	105	110	145
СГД				48	32	111	92	97	205
Старомосковская произносительная норма, фонетические изменения			7	7	7	13			1
Фольклорные элементы	1		3			6			

Далее дадим аналитический комментарий к каждому из номинативных классов, рассмотрим функции языковых средств в реконструкции своего и чужого мира в романе НМ.

2.1. Пространство романа

В религиозно-фольклорном мировоззрении няни основополагающими константами являются пространство, время и культура. Анализ пространственной категории в наибольшей мере позволяет реконструировать оппозицию «свой / чужой» мир. Персонажи в романе постоянно передвигаются, они побывали на востоке и на западе, на 3 континентах, в 13 странах; в романе упоминается 19 названий городов, 4 реки, 2 острова. По рассказу няни можно воссоздать примерный маршрут ее странствий: Москва – Крым – Константинополь – Париж – Индия – Париж – Америка – Париж. В романе актуализируется выражение «куда ветром понесет» (87), которое в XIX веке в народных легендах имело особый смысл: ветер в таком контекст – «послушная Богу стихия, орудие кары персонажей за греховное поведение» [Русские простонародные...2005: 303]. Рассказчица с большой опаской относится к каждому новому локусу, к людям и предметам, наполнявшим его, «чужое» пространство маркируется рядом языковых средств.

Своеобразная «одиссея» Дарьи Степановны, смена локусов маркируется изменениями в употреблении наречий *тамь* и *здѣсь*. Пока герои только думают о пе-

реезде из Константинополя в Париж, рассказчица лишь представляет загадочный город: *Что такой за Парижъ, и знать не знала — будто большая ярмонка, веселятся тамъ* (с. 166). Однако вскоре происходит смена места и соответственно наречия: *Въ Парижъ здѣсь Катичка въ окнѣ признала, у старьевщика* (с. 114). Показательно, что несколько отчуждающая замена наименования места на лексему *тамъ* не используется, когда речь заходит о родине рассказчицы, в таких случаях чаще используются лексемы *тогда, раньше*, либо конкретные наименования локуса

Неоднозначность восприятия пространства, построенного И.С. Шмелёвым, подробно анализирует С.В. Шешунова (см. Глава I, п. 4.4.). Исследователь «чертит» вертикальную (философскую) и горизонтальную (национально-историческую) оси, которые позволяют понять символический смысл наименований локусов. Изобразим на рис. 16 результаты исследования.

Рис. 16. Вертикальная и горизонтальная пространственные оси романа
(по С.В. Шешуновой)

Все локусы «низа» (*яма, земля, трюмъ, океань*) вертикальной оси объединяет наличие в них черт ада в разном его проявлении, связь со смертью. В романе наблюдается привычная традиционная оппозиция земля / небеса, где земля оказывается более привычной, своей: *Нѣтъ, голубушка, ты ужъ, говорю, хотъ за небо лети, а я погожу, по землѣ еще похожу* (с. 8). Символическое значение ямы полностью совпадает с пониманием этого образа в фольклорных религиозных леген-

дах: «В легендах обозначает как локус нечистой силы (изофункционал **ад**; синонимическое наименование *пекло*)» [Русские простонародные... 2005: 315]. Символ *яма* многозначен: он обозначает бедность, окраину жизни, заброшенность (*Куда ни подайся — яма* (с. 159)); пустую, бесполезно прожитую жизнь («...*Все прошло, жизнь прошла, яма одна осталась*» (с. 102) – произносит, умирая, доктор Вышгородский); бездну, в которую попадают отдельные люди и вся Россия, потому что меняют освященную жизнь на жизнь без Бога.

Для обозначения водного пространства используется фольклорный метаплазм *океянь* – локус-медиатор, который может связывать мир и инобытие. Бескрайность водных просторов во время утомительных скитаний вызывала у людей ощущение своей незначительности в этом мире: ...*Неужь, Господи, въ океянь меня скинуть съ нимь! А въ океянь во-лны... вотъ насмотрѣлась-то! — выше дома* (с. 202). Погибшие в воде персонажи Шмелёва не обладают романтическим ореолом героев-утопленников Платонова, люди топятя от безвыходности и безнадежности: ...*Въ Костинтинополь повидали, какъ въ моръ съ дѣтьми топились* (с. 42).

В символике славянской космологии гора (верхний конец вертикальной оси) – место нечистой силы, в русском фольклоре – чужой локус, где обитает Змей Горыныч. Однако горная местность может косвенно помогать. Далеко от любимой, на горе, работает Вася: «*А Васенька все на горъ сидитъ, бревна скатываетъ*» (с. 159), чтобы заработать деньги и получить визы для выезда в Париж. В горах прячутся люди, не покорившиеся большевикам. Использованием диминутива *башенка* маркируется локус, в котором можно укрыться от повседневного страха за жизнь, помолиться, возвыситься духовно: *Глядимъ, а на моръ, чисто на облакахъ, башенки бѣлыя стоятъ, колоколенки словно наши* (с. 155).

Два полюса горизонтальной оси занимают «чужие» Запад и Восток. На языковом уровне чуждость маркируется использованием аугментатива (*далища*) и метаплазматических средств в наименованиях локусов: *Мотаржи, Игипеть, Эндія, Корчики, Фильляндія, Мортаны, Костинтинополь / Константинополь*.

О. Сорокина сделала очень интересное наблюдение над индийскими страницами романа. По мнению исследователя, «в поистине экзотических индийских сценах романа оживают мотивы такого произведения древнерусской литературы, как “Хождение за три моря” Афанасия Никитина» [Сорокина 1994: 244]. Сравнив описание экзотики Афанасием Никитиным и Дарьей Степановной, можно сделать вывод о том, что восприятие няней Индии очень схоже с восприятием человека, живущего в XV в.

В Индии рассказчицу пугают опасные змеи, людоеды, обезьяны с ножами, а в чужой Америке стоит бояться идола богатства: «...*Въ самый мы въ адъ попали, въ золотое царство. Повидала я... Го-споди, золотомъ у всѣхъ тамъ глаза завѣшаны*» (с. 207). В переписке писателя не раз встречаются крайне негативные высказывания по отношению к Западу и его нововведениям: «Запад... – я его всегда ненавидел, за его похоти и злые помыслы в отношении России... Ты это найдешь в моих книгах: “Няня из Москвы”, “На пеньках”, в “Russie” (во “Въезд в Париж”), в “Солнце мертвых”, еще, еще... Никогда не уповал на него» [Шмелёв и Бредиус-Субботина 2003: 212].

Однако отношение к чужому локусу не столь однозначно, поскольку няня не лукавит и открыто смотрит на мир: ей нравятся некоторые места в Германии и во Франции. После жизни в Америке даже Париж представляется ей более уютным и родным, становится немного «своим». Четкая оппозиция по горизонтальной оси ад – рай – ад не выстраивается, поскольку представления няни, ее мировоззрение не столь категоричны. Невозможно это и потому, что Россия перестала быть той Святой Русью, какой была до революции, теперь и Москва запятнана стремлением поклоняться идолу и в нее уже проник *бѣсъ обсосанный*, т.е. образ сатаны. Поэтому можно говорить о том, что в центре может стоять лишь старая Москва, поскольку рай утрачен людьми.

Все передвижения по осям происходят по дорогам, при этом диминутивные лексемы используются, если путь обещает быть приятным и вывести к своему локусу: *Катичка увидитъ, оврагъ перейдетъ по мосту, намостятъ мужики дорожку* (с. 146).

Описываемое пространство наполняют строения локусов (ТГ-03-Б), вместилища (ТГ-03-В), покрывающий природный мир (ТГ-03-Г), которые также не однородны по критерию «сопричастности / чуждости». Наименования непривычных, функционально непонятных, но социально значимых строений приобретают искаженную фонетическую оболочку: *имназія, синаторій / санаторія, вошпиталь, теятръ, ламбалаторія*. Родными няне, прежде всего, являются домашние, храмовые строения: *дача, сараюшекъ, домикъ; часовенка, церковка, колоколенка*.

Признаками сопричастности обладают диминутивные наименования жилищ, в которых жили главные герои или которые посещали (*каморочка, номерокъ, квартирка, келейка, салончикъ*): *Меня въ номерокъ устроила* (с. 183). Уменьшительно-ласкательные суффиксы также имеют лексемы, именующие вместилища для артефактов, хранения или перевозки своих вещей (*сундучокъ, коробочка, корзинка, узелокъ, мѣшочекъ, котомочка, чемоданчикъ, укладочка, кошелечекъ, корзиночка, складничекъ, сумочка*): *Укладочку собрала* (с. 48); *Абраша бумаги мнѣ выправиль, и ви-зу, и сундучокъ отправиль* (с. 228). Вместилища для умершего тела своих людей для православной няни также заходят на территорию своего: *...Гробъ изъ Севастополя привезли, ужъ трудно стало хорошій гробокъ найти* (с. 127); *...И кутьицы Васенька откушалъ на могилкѣ* (с. 128).

Рассказчица использует разные номинации природных явлений для описания погоды в России и в эмиграции, природа тоже может быть сопричастной человеку или чуждой ему. При описании дореволюционной России ключевой лексемой является *солнышко*: *...То все въ Россіи нашей жили, на солнышкѣ* (с. 151), единица *вътеръ* несет семантику чуждости: *А какая намъ Пасха — въ турецкомъ мѣстѣ да еще на вътру* (с. 159). Сцена на корабле, на котором отправляются няня с Катичкой в Америку, похожа на апокалиптическое описание: *Да погода пошла, такія-то бури поднялись, свѣту не видать* (с. 202).

Из лексем, обозначающих стихии, чаще всего используется единица *огонь*. Для наименования «своего» огня, согревающего и освещающего путь, снова используется диминутив: *Остановились ночевать въ полѣ, огонекъ развели* (189), но чаще огонь враждебен персонажам романа, его боятся, он воспринимается как ис-

пытание: *И огонь грозит будеть, и пагуба, и свирѣпство, и же-ль-зо... а Господь сохранить* (с. 84).

Элементы родной природы, русского ландшафта, а также нейтральные заграничные локусы названы диминутивами: *льсочекъ, бульварчикъ, бугорочекъ, бережокъ, садикъ, алейка, лужаечка*. Например: *И тераска у васъ, и лужаечка... березокъ вотъ только нѣтъ* (с. 5). Тем же языковым средством маркируются фитонимы, включенные в пространство своего мира (*березка, вербочка, подсолнушекъ, ландышокъ, крапивка, маргариточка*): *Весь день проведемъ, бывало, на могилкахъ... маргариточекъ мы сажали съ ней. Че-ре-мухи, рябинки, бузина-а... и вербочки ужъ, зеленя-зеленя... и куриная слѣпота, и одуванчики желтые, и крапивка молоденькая* (с. 76). Даже в самом красивом заграничном саду ощутимо отсутствие любимых деревьев, цветов: *И земля тутъ, словно, какая-то ненастоящая, не наша. Ни вербочки не видать, ни березки... и цвѣточки не наши, и травка на нашу не похожа* (с. 75).

Круг животных и птиц, как и фитомир, воспринимается рассказчицей через оппозицию «свое / чужое» в зависимости от локуса нахождения объекта фауны. Один и тот же вид птицы в России и в эмиграции вызывает у няни разные чувства, няня знает оттенки оперения, тип звуков сопричастного животного мира. На языковом уровне разница маркируется использованием притяжательных местоимений и дейктиков: *Ворона намедни, гляжу, на суку сидитъ, каркаетъ... — совсѣмъ, будто, наша ворона, ту-льская!.. Поглядѣла, — не та ворона, не наша... у насъ въ платочкѣ* (с. 60); *А жарынь, кузнечики тамъ свои, крымскіе, по-своему кричатъ* (с. 99). Дикие животные в экзотическом месте вызывают у няни вполне оправданный страх, используются аугментативы: *Сидѣли, барыня, съ самыми-то страшными, львы-тигры вотъ... истинный Господь* (с. 7).

2.2. Время романа

Отношение к временным пластам очень сильно связано с оценкой пространственной категории, время распадается на «раньше» и «теперь», «сейчас». Причем для пары *раньше / теперь* наиболее частоупотребимым наречием является неак-

туализированное *теперь* (99), после которого в большинстве случаев следует негативная оценка предмета речи: *И раньше-то неказистъ былъ, а теперь и совсѣмъ сталъ дохлый* (с. 121); *Графъ Комаровъ вонъ, какой неприступный былъ, на человека не глядѣлъ, раньше-то. А теперь онъ въ комнаткѣ живетъ и кукол-ки красить... можетъ, и во святые попадетъ* (с. 66). Время эмиграции априори более чуждое и тяжелое, потому что проходит не на родной земле: *...Время-то неспокойное* (с. 96); *А страшное стало время* (с. 107); *...Теперь времена тяжелья, трудно жить* (с. 171). В страшном другом месте даже время года другое: *Туть зима, а у нихъ лѣто, жара-жарица* (с. 195).

Еще одной границей деления времени является война, времена до и после войны разные: *Маленькій еще былъ, съ папашенькой въ заграницу ѣздили, до войны задолго* (с. 168); *Да въ Ласковое вы пріѣзжали передъ войной къ намъ* (с. 9); *...Послѣ войны, вся заграница сумашедчая, намъ не помогла...* (с. 132). Война становится рубежом в восприятии своего и чужого, непонятного времени.

В романе есть стандартное, принятое деление времени, присутствуют привычные для няни временные отрезки, при наименовании которых используются диминутивы (*минутка, годочѣкъ, недѣлька, минуточка, часокъ, полчасака, вечерокъ*): *Смотрю на часики на ее, вонъ какіе хорошіе... минуточки считаю* (с. 248).

По наименованиям событийной лексики также можно сделать выводы об отношении рассказчицы к тому или иному действию. Так, при назывании социальных событий, мероприятий господ, непонятных Дарье Степановне, используются метаплазмы (*прахтика, налехція, ярмонка, вzasъданіе / засъданіе*): *...На казенное вzasъданіе его позвали, царя смѣстить* (с. 77).

Однако у рассказчицы, помимо общего хода времени, есть «свое» временное течение – православный календарь. В «народном православии» особая культура времени: время божественно, поэтому упорядочено, циклично. Каждый день представляет особый цикл с отражением в нем ежедневных богослужений и обычных работ. Время делится на праздники и будни, праздники – Богу и святым Его, будни – труду. В каждый день нужно делать строго определенное дело [Некрылова 2007]. Поэтому няня осуждает небережное отношение ко времени: *Все*

богачки, листократія самая, время дѣвать некуда, только на баловство (с. 22); Ни время, ни порядку, — постоянный и постоянный дворъ (с. 52). С одной стороны, православный календарь помогает сохранить чувство умиротворенности прошлого, старого мира в современном хаосе: *Пасха ежели поздняя, соловушки по-ютъ! Ну, что жъ это такое только!.. И вездѣ народъ, родное все, барыня... и на пьяненькихъ не обижаешься, веснѣ-то рады (с. 76).* С другой стороны, гармония православия противопоставляется зарубежным впечатлениям от других обычаев и традиций: *Ахнула я, какъ Катичка мнѣ сказала, — подошло наше Рождество! Заплакала я — никакого Рождества нѣтъ. Солнце палитъ, голые людоеды ходятъ, обезьяны эти въ лѣсу визжатъ, будто мы въ адъ попали (с. 195).*

Последовательность упоминаемых праздников в романе тоже оказывается неслучайной, кульминация и развязка в конце романа приходят через страдания и муки: Рождество – Сретение – Страстная – Пасха – Вознесение Господне. И.А. Ильин пишет о композиционном строении НМ: «Эта радость, возникающая из очистительного страдания, и есть ключ к жизненной мудрости, к мудрости творящей и строящей, благодарной и побеждающей. Она открывается младенцам и людям с чистым сердцем» [Ильин 1959: 186].

2.3. Номинативный класс «Предметы». Еда и напитки персонажей

Артефактный мир романа достаточно объемён и репрезентативен, поскольку, во-первых, для писателя важно дать социальный контекст происходящего, во-вторых, отношение к собственности является одной из наиболее ярких и показательных характеристик персонажа. При описании предметного мира действуют те же принципы, что и для характеристики локусов. Языковыми признаками сопричастности обладают наименования артефактов, наиболее простых, привычных няне и необходимых для простой жизни, элементы чуждости присваиваются лексемам, которые обозначают новые, функционально непонятные няне явления, предметы. Номинативный класс «Артефакты» составляют ТГ-04 (96), ЛСГ-5 (63), ЛСГ-14 (2).

Самым сильным средством сопричастности в номинативном классе «Артефакты» являются диминутивы (52), гипокористические суффиксы присоединяются к лексемам из всех субстантивных подгрупп этого класса (см. табл. 23, Глава III, п. 2): *ножичекъ, фонарикъ, лампадка, иконка, самоварчикъ*. Чуждость передается, прежде всего, с помощью метаплазматических средств (20; *радиа, акваримъ, пачпортъ*), просторечной лексики (3; *мигалка*), грамматических неточностей в словоизменении (1; *кнутьями*) и использования множественного числа вместо единственного (2; *телефонъ, рояль*): *А онъ по этимъ вотъ... поють вотъ безо всего?.. Вотъ-вотъ, радиу эти* (с. 208); *Она его въ телефоны* возвонила (с. 213).

Как и господский дом, так и предметы обстановки, утварь, находящиеся в доме Вышгородских и других домах семей высшего света, чужд сознанию няни.

Одно из любимых занятий высшего общества – музыка, но, как и все искусство, для няни она не настоящая, няня пренебрежительно относится к музыкальным инструментам. Используется ряд метаплазматических средств: *И давай свое: искусства-искусна... — ну, чисто у нихъ молитва это* (с. 69). Наличие рояля – только признак богатства семьи, сама лексема используется во множественном числе, таким образом артефакт отчуждается: *У многихъ дачи какія были, и рояли, и бралиянты, золото-серебро* (с. 113).

В отличие от господского дома монашеские комнаты, кельи, «свои» помещения убраны другим набором артефактов, а для их наименования чаще используются диминутивы. Герои сидят не на *креслах, а на стульчиках*; на полах расстелены не тканые *ковры, а коврики* или даже простые *половички*, украшением же служат не античные *статуи, а иконки*; светят не *ланпочки, а лампадки, лампадки и свѣчки*: *А въ темненькой у меня и лампадка теплилась, Никола-Угодникъ у меня висѣль* (с. 27).

Еще более важным элементом убранства, нежели лампадка, для православного человека является *иконка, образокъ*. Трепетное отношение к этим предметам на языковом уровне также транслируется с помощью диминутивов. Няня вешает, прячет иконки по всему дому неверующих господ: *Въ дѣтской только, я ужъ настояла Катерины-мученицы повѣситъ образокъ къ кроваткѣ, да въ прихожей*

иконка висъгла... *А въ темненькой у меня и лампадочка теплилась, Никола-Угодникъ у меня висъль... и еще Казанская-Матушка* (с. 27). Часто в романе иконимы метонимизируются, икона именуется по лику, изображенному на ней: *Богородица, Иверская, Мадонна*. Важно заметить, что лексема *иконка* приобретает и переносное значение: так воспитанница называет няню: *Она меня, бывало, — «иконка ты моя, не могу я безъ тебя!» — это ужъ какъ разнѣжится* (с. 15). И действительно, няня для Кати – икона, которая оберегает, никогда не бросает, всегда молится за благополучие своей воспитанницы. И.С. Шмелёв писал Раисе Земмеринг в письме от 25 ноября 1946: «Отлично, что мама с Вами, – иконка она Ваша, как моя “няня” при Катюше. Она чудеса творит» [Письма И.С. Шмелёва к Раисе и Людмиле Зиммеринг 2004].

Звучащие и написанные тексты делятся по принципу сопричастности / чуждости в зависимости от выполняемой функции. Социальная функция текстов отчуждает их, в наименованиях используются метаплазматические средства (*дукументъ, пачпортъ*), бытовая и богослужебная функция делает своими, отношение к ним передается с помощью диминутивов (*бауточка, записочка, открыточка*): *...И нѣту у насъ званія — дукумента, а есть одинъ дукументъ — грѣхописаніе!..* (с. 152); *Я какъ разъ на Вознесеньѣ Господне открыточку получила* (с. 235).

Приведем значимый для понимания символики романа фрагмент описания убранства комнаты-кельи, в котором сконцентрировано большое количество диминутивов: *Комната большая, высокая... коврики... бѣлая постелька, ангельская, а надъ ней большой черный крестъ, въ терновомъ вѣнцѣ Спаситель, налѣпленный, и лампадочка теплится... и столикъ, кружевцами накрытъ... и статуички на немъ, святые... и картинки все по стѣнѣ ихнія, святые-мученицы* (с. 237). Несмотря на то, что это келья католическая, она символизирует гармонию, обретение спокойствия для персонажей, конечный пункт в сюжете.

Благодаря глаголам посессивности могут транслироваться значения обладания, передачи или принятия. Для акцентирования на языковом уровне при обозначении этих процессов используются СГД, разговорные единицы, метплазматические средства.

Хотя в стране царят разруха и хаос, хотя человек становится более эгоистичным, еще встречаются добрые люди, которые могут поделиться с нуждающимися своим имуществом, даже очень скромным, помочь бедным. Глагольные аффиксы имеют значение интенсивности, результативности (5; *пораждать, надавать, заугощать, всучить, снабдить*): ...*А у него только и есть, что на немъ, — бѣднымъ пораждать* (с. 66). Противоположный процесс – взятие, жадное заполучение объекта совершают персонажи, чуждые няне, поэтому лексемы этой подгруппы часто имеют маркеры чуждости. Используются просторечные и грубопросторечные единицы (12; *выкрасть, вышаривать, зацапать, обирать, сбирать, стащить, отымать*), СГД со значением интенсивности, начинательности, результативности (16; *стребовать, взыскать, набрать, напастись, обобратить, обокрасть, раскрасть, урвать, ухватить*): *Тамъ это все налажено, какъ можно... денежки на такомъ дѣльгъ зашибаютъ, — всего теперь повидала, знаю* (с. 204); *По дачамъ рыщутъ, кто несетъ, кто везетъ, кто коверъ волочетъ, кто шубу... и рояли, и небель всякую* (с. 114).

Часто героям не хватает каких-то материальных благ: ...*А ничего и нѣтъ, пустой ящикъ* (с. 20); ...*Нѣтъ и нѣтъ у нихъ денегъ* (с. 22); ...*Жить-то надо, а денегъ нѣтъ* (с. 125). И сама няня заботится о хозяйстве, а во время лишений и отсутствия даже самого необходимого начинает жалеть об утрате некоторых своих вещей, ценить их: *Плачу въ подушку... — хорошая у меня подушка была, пуховая, на корабль пропала* (с. 48). Интересно отметить сходство отношения к одним артефактам у эмигрантов, Нина Берберова пишет в автобиографии: «Странно, никогда не дорожила своими вещами, могу отдать, могу потерять, нет у меня “священных” вещей, как бывало у русского человека старых времен (ложка, гребешок). Чистое полотенце и чистая наволочка – вот все, что мне надо. Остальное не важно» [Берберова 2009: 68]. Предикатом *нѣтъ*, помимо нехватки материальных благ, маркируется отсутствие людей, они исчезают, нужного человека сложно найти: *А его дома нѣтъ* (с. 94); ...*Барина нѣтъ* (с. 121); ...*Никого дома нѣтъ* (с. 247). Материальное неблагополучие можно преодолеть, сложнее, если герою не хватает веры или он попадает в неправославное пространство: ...*И не удержитъ*

жишься, Бога-то когда **нѣтъ** (с. 39); *И нѣтъ мнѣ покою* (с. 49); *Бога у нихъ нѣтъ!* (с. 100); *встрѣтила Свѣтлый День, а Праздника нѣтъ и нѣтъ* (с. 235).

Лексемы, называющие кушанья, ярко демонстрируют противопоставление нынешней, заграничной, еды и любимых яств и напитков. В своем и чужом локусе будет разный набор продуктов, родные и чужие люди предпочитают разную пищу и напитки, даже манера вести себя за столом будет разная (это передается при помощи части глаголов ЛСГ-9). В романе высокая интенсивность процесса свойственна чужим персонажам (*изжевать, сожрать, поглотать, лопать, упиться, прожирать*), персонажи из своего мира, даже несмотря на голод, ведут себя деликатнее, воспитаннее (*пожевать, пригубить, кушать*): *И кутьей помянули, и блинковъ я спекла, доктора кушали-хвалили* (с. 106); *Сейчасъ его въ ванную, а потомъ съли закусить, винца выпили* (с. 127).

На языковом уровне маркирование лексем со значением еды соотносится с характеристикой своего и чужого мира. Метаплазматические явления (12; *биштексъ, бутенбротъ, сашлыкъ, совусъ, суропъ, трюхелька, чурекъ, шимпанское*) и просторечие (1; *пойло*) затрагивают единицы, называющие непривычные, незнакомые блюда: *...И за шимпанскимъ сейчасъ пошлютъ. И меня угостятъ. Да я его не любила, по мнѣ нѣтъ лучше ланинской водицы черносмородиновой* (с. 37). Заграничные изыски вызывают не восхищение, а некоторое удивление, иногда даже страх: *...Съ синимъ огнемъ подавали намъ, ромъ гортьль. Пудингъ называется* (с. 195). Аугментативы используются при назывании продуктов, которые употребляют неприятные няне персонажи (2; *винище, чесночище*): *И винищемъ-то отъ него, и табачищемъ, и чесночищемъ* (с. 187).

На фоне общего голодания особенно дико выглядят деликатесы на столе у богатых иностранцев, многочисленных поклонников Кати: *И провизіи нанесли, — и курочку, и икорки зернистой, и кондитерскій пирогъ, — прямо завалили* (с. 96). В этом примере использование диминутивов, обычно относящих единицы в сферу «своего», нивелируется разговорными глаголами со значением СГД «интенсивность, результативность» (*нанести, завалить*).

Большинство диминутивных единиц (39) используется для маркирования любимой или желанной еды и напитков (*блинокъ, водичка, квасокъ, копчушечка, куличикъ, лепешечка, огурчикъ, сахарокъ*). К еде и напиткам «своего» мира относятся наиболее простые, привычные блюда. Часто подробное описание любимой еды сопровождается ностальгическими воспоминаниями няни: *Глядь — русская лавочка! Дай, думаю, водочки прихвачу и хоть котлетокъ нашихъ, а то въ Америкъ не достать* (с. 18).

Одним из самых показательных примеров разделения «своей» и заграничной еды является описание видов варенья, (как фруктов и ягод, из которых его варят, так и технологии приготовления). Няня с душой вспоминает о рябиновом, брусничном, киевском варенье, варенье из *китайских яблочков* (...*Любила я изъ китайскихъ* (с. 5)) и ругает американское: *А въ Америкъ апельсиновое больше варенье намъ подавали, а то персиковое... А у нихъ тамъ американское, конечно, варенье, пусто-е... суропъ одинъ надушенный, и доро-го-е* (с. 7).

Обрядовые, богослужебные кушанья, как и все символы православия, входят в родной, понятный няне мир (*куличикъ, кутьица, пасочка*). Няня соблюдает традиции и готовит кутью на поминание доктора Вышгородского, отца Васеньки и даже на похороны неверующих: *Я и кутьи сварила, а то кому подумать, женскаго полу нтъ, а безъ кутьи-то какъ-то ужъ непорядокъ, все-таки душеньку помянуть-порадовать* (с. 127). Но и в приготовлении кушаний, которые едины для всех православных, находятся различия у «своих» и «чужих», русских и заграничных людей: *...Одна греческая старушка тоже похвалила мою кутью, только, говорить, надо бы оръшками утыкать и миндалькомъ, и вишеньками изъ варенья кругомъ убрать, такъ по ихъ вѣрѣ полагается. А у насъ, конечно, изюмцемъ больше убираютъ* (с. 128).

Особенно трепетно Дарья Степановна относится к хлебу, ласково называет его *хлѣбушекъ, хлѣбець*: *Мы сколько безъ хлѣбушка сидѣли на корабль* (с. 72); *Чайку съ хлѣбушкомъ попью* (с. 180). Такое отношение, во-первых, традиционно для русского человека; во-вторых, характеризует описываемое время и показывает деформацию человеческих отношений и нравов, когда простейшую еду прихо-

дится с трудом добывать: ...*Какъ хлѣбушекъ добывается, слезами поливается* (с. 44); *Хлѣбца имъ пожалѣли* (с. 72); ...*Хлѣбушка жалко стало* (с. 153).

2.4. Номинативный класс «Наименование лица»

В этом подпараграфе обозначим два лагеря персонажей, полярно оцениваемых рассказчицей. Маркировать и противопоставлять героев позволяют практически все номинативные классы: описываемая внешность, получаемые наименования, социальные роли, принадлежность к конфессии, этносу, их действия, качества, испытываемые чувства и эмоции, а также локус, в котором проживают и действуют персонажи, артефактный мир. Все названные характеристики транслируются языковыми средствами.

Антропонимы характеризуются уместными модификациями в различных описываемых событиях и авторской последовательностью называния. Так, рассказчица «желанных» *Авдотью Васильевну, Соломона Григорьевича* называет исключительно по имени-отчеству, других персонажей *Агашку, Аксюшку* – всегда только по имени в разговорной форме.

Большинство маркированных единиц называет персонажей «своего» мира, личных знакомых няни. В речи рассказчицы используются разговорные формы с различными фонетическими изменениями (35 единиц): *Алексъичъ, Артамонычъ*. Гипокористические суффиксы используются в именах персонажей, с которыми наиболее часто общается рассказчица и которые присваиваются к «своим» (21): *Глафирочка, Треночка, Костинька*. Диминутивные наименования последовательно выбираются для наименования воспитанницы *Катичка* (399), реже – *Катюньчикъ* (9): *Съ Катичкой еще все къ вамъ ходили* (с. 5); *И давно бы отъ нихъ сошла, да къ Катюньчику привязалась, оставить жалко* (с. 40). Надо отметить, что сказительница не использует грубо фамильярных наименований, так как внимание к крестильным именам – отличительная черта верующего человека.

Интересно разнообразие обращений персонажей романа к самой главной героине: *няня, няничка, нянька, няниська, нянища, нянюля, нянюшка*. Например, Катя, воспитанница Дарьи Степановны, обращается к ней в раздраженном и ласко-

вом расположении духа по-разному, используя соответственно аугментативы, метаплазмы и диминутивы: *Да еще меня допытывает: «А что, нянь...» — это когда въ духъ, ласково всегда — нянь, звала, а то все — ня-нька! а то еще выдумала — ня-нища* (с. 59). Кроме того, няня выполняет в романе функцию сказочного помощника, как серый волк в сказках: «серый волк добывает Ивану-Царевичу прекрасную невесту, а няня едет за океан, чтобы Катя могла соединиться со своим “царевичем”» [Сорокина 1994: 218]. Именно с этим персонажем Катя дважды сравнивает няню: *«Вотъ, няничка, погоди... выйду я замужъ... я тебя успокою, не покину... похороню тебя честь-честью... какъ Иванъ-Царевичъ... съраго волка хоронилъ...»* (с. 248).

Наряду с многочисленными именами святых, наполняющими родное внутреннее пространство, а также именами героев романа встречается только одно прецедентное имя, однако и в этом случае речь идет об артефакте, а именно о московском памятнике А.С. Пушкину: *Пріѣхали къ Страстному, памятникъ-Пушкинъ гдѣ* (с. 90); *Баринъ и влѣзь на Пушкина* (Там же). Сфера искусства относится к чужому миру.

Важными в контексте романа стали наименования, которые отражают симпатии персонажей к противоборствующим политическим лагерям, «свои» маркируются дейктиками и диминутивами (*наши солдатики*), а наименования чужих коверкаются, используются метаплазматические средства (*сацалисть*): *Я въ столовой солдатикамъ варежки вязала* (с. 69); *...Ты отъ благороднаго роду отказался, ты ужъ сацалисть сталъ* (с. 89).

«Своим» может быть не только русский и даже не только православный человек, этнические и конфессиональные характеристики для няни вторичны. Для рассказчицы важнее всего, чтобы «человѣкъ-человѣкомъ» оставался, поэтому няня одинаково молится за всех людей, православных и иноверных. Одни и те же этносы в зависимости от качеств конкретного персонажа и ситуации могут быть отнесены как к своему (*казачонокъ, сербушка, турочка, цыганочка*), так и к чужому миру (*турка, гречка, азіатъ*).

И.С. Шмелёв чутко угадывает, что для няни Дарьи Степановны, бесребреницы, всю жизнь проработавшей по найму, сфера занятости других людей и их отношение к труду – важнейшие характеристики. При наименовании профессий используются просторечные единицы (25), метаплазмы (28), диминутивы (10), грамматические преобразования (4), аугментатив (1). Если диминутивы однозначно характеризуют сопричастность (*офицерикъ, полковничекъ*), то лексемы просторечные, фонетически и грамматически измененные могут называть профессии, знакомые и незнакомые няне. Однако творческие, высокоумственные профессии (*анженеръ / анжинеръ, актерщикъ, наактриса, содержатель*) менее понятны няне, чем простые (*лавошникъ, бутошникъ, мушникъ*), ср.: ...*Оторвадъвка въ красномъ колпакъ... актерка одна, гулящая* (с. 120); ...*А лавошнику Головкову сколько должны, а онъ деликатный* (с. 54). Поэтому чаще при наименовании первых используются метаплазматические изменения, а для вторых актуализируется старомосковская произносительная норма.

Термины родства, связанные с выражением сопричастности [Ким 2011а: 168], транслируют оппозицию родства / не-родства для признания «своих» (*другъ, знакомый, землякъ*) и отстранения «не своих» (*гость, заграничный*). Эта лексика часто сочетается с притяжательными местоимениями и используется в основном в характерологических целях: *Я — говоритъ — вашъ землякъ, русскій... а тутъ свой человекъ, русскій, и все-то знаетъ* (с. 204); *Намекнула она опять — не встрѣтили ее знакомые* (с. 208); *А какъ скажешь, — друзья-приятели* (с. 52).

Понятие «семейственности» распространяется не только на конкретную семью, но и на взаимоотношения всех добрых людей, не связанных кровно. Так, татарин Осман и индус называют Дарью Степановну «хорошей бабушкой», еврей Абраша – «мамашей дорогой»: *все онъ меня такъ: ...Мамаша дорогая...* (с. 221); *И мнѣ сказалъ: «и ты, бабушка хорошій, прощай»* (с. 148). Большинство маркированных терминов родства и возрастных характеристик имеет гипокористические суффиксы и очерчивает сферу своего мира: *тятенька, старичокъ, сестрица, папенька*.

Важное место занимает в романе мотив сиротства – один из наиболее используемых и любимых в народной сказке. Сиротами в романе считаются все русские люди, особенно эмигранты, оторванные от родной земли: *Сироты, некому за насъ вступиться* (с. 152). Основной маркер «своих» в данном случае также диминутив: ...*Блѣдненькая такая, слабенькая совсѣмь, — сиротка и сиротка* (с. 130).

Одним из наиболее прозрачных в оценочном плане средств создания оппозиции «свой / чужой» выступает стилистически окрашенная лексика. Для отрицательных характеристик (150 единиц) на языковом уровне используются разговорно-просторечные лексемы (109), метаплазматические средства (23): *Такого дуботола словомъ не выбѣлишь* (с. 173); *Своеволка такая стала* (с. 213); *Казакъ увязывается, тридцати лѣтъ нѣтъ, чумовой дуракъ* (с. 232); ...*Ску-пой дяденька его, сквалыга вовсе* (с. 171); *Негодный ты, порституть* (с. 33). Для положительных характеристик (62 единицы), прежде всего, используются диминутивы (13): *фарфорочка, голубушка, милочка, душенька*.

Оценочность может выражаться с помощью метафоризации, в том числе персонификации (*Такая умненькая была, — юла-огонь* (с. 50)) и деперсонификации: *Обидѣлся онъ, шкурами ихъ назвалъ да сгоряча вазу китайскую имъ и разбилъ* (с. 26). Метафорической базой оценочных характеристик выступают бионимы и орнитонимы (*жеребѣцъ, журавль, змѣя, котъ, обезьяна, орель, пѣтухъ, собака, соколь, цапля*): ...*Ишь, какіе все жеребѣцы-то у васъ жируютъ, а воевать не идутъ* (с. 61); *Ужъ Агашика-змѣя вертѣлась-завиствовала* (сс. 143-144).

Наименование персонажа зачастую связано с внешним видом и внутренним миром персонажа. Рассмотрим, как языковые средства создают оппозицию «свой / чужой» через внешний облик персонажа.

2.5. Описание внешнего облика персонажей

В сознании няни внешний облик напрямую связан с внутренним миром. Однако в этом подпараграфе сконцентрируемся на характеристиках персонажей, считаваемых визуально. При описании внешнего вида участвуют субстантивы ТГ-01-Е, ТГ-04-Б, ТГ-05-Г, ТГ-05-И, ЛСГ-04-Б-1, ЛСГ-04-Б-5, глаголы ЛСГ-8, ЛСГ-9,

адъективы, обозначающие колоративы и внешний облик персонажа (всего маркированных 282 лексемы).

Наиболее пристальное внимание рассказчицы и других персонажей обращено на лицо, по выражению лица няня мгновенно может безошибочно дать характеристику человека, полюбить как своего или отрицать как чужого: *Казакъ съ нами за свидѣтеля сидѣль, пріятный такой лицомъ* (с. 161); *...Лицо такое неприятное, кирпичомъ* (с. 15). Лексемы *лицо, ликъ, морда, личико, рожка, рыло, харя* отличаются стилистически и при портретировании персонажа или существа чередуются только в пределах смежных стилистических групп. Морда, по мнению няни, у нечестных, зазнавшихся богачей: *Грекъ старика подѣ-ручку подсаживаетъ, а по мордѣ-то видно, будто насъ продаетъ* (с. 164); *Охъ, не любила я его, — бугай страшный. Морда бурая, кирпичомъ* (с. 212). Те же оценочные характеристики касаются просторечных наименований других частей тела: *пузо, башка, задъ, ляжка*.

Наиболее выразительными и «говорящими» на лице являются глаза, которые по праву называются «зеркалом души»: *я каждую по глазамъ узнаю* (с. 181); *Исхитрялась передо мной, а совѣсть-то не заткнешь, — изъ глазъ глядится* (с. 39). Для определения взгляда неприятного, чужого няне человека в романе используются характеризующие эпитеты: *старинный, вредный* глаз; *распутные, гордые, истомные, пустые, неживые, страшные, мутные, строгие* глаза.

Лексемы с гипокористическими суффиксами, как правило, относятся к описанию Катички, нежно любимой рассказчицей (*глазочекъ, головка, личико, глазки, губки, бровки, ножка, заднюшка*): *А личикомъ бѣ-ленькая-разбѣ-ленькая, сквозная вся* (с. 56); *...Губки поджала* (с. 69); *...Бровки направила* (с. 191); *Такъ вотъ головкой чуть повернетъ, глазками поведетъ* (с. 56); *А у Катички глазки — святая водица, чи-стые* (с. 181); *...И Катичка ему глазками все смѣется* (с. 78). Однако в романе описываются моменты, когда рассказчице не нравится взгляд Катички, в этих случаях используются нейтральные лексемы: *А захвалили. Все-то ей про глаза ее, что вотъ какіе... Да не умѣю сказать-то, какъ говорили... нѣтъ, не выразительные, а... истомные, что ли?.. По нашему сказать — съ поволокою глаза,*

будто вотъ черезъ что глядятъ, чисто вотъ обмираетъ, какъ тѣнь на нихъ (с. 56). Единожды используется даже аугментатив *глазищи*, при использовании которого накладываются функции обозначения размера и отчуждения: *Чисто ее смѣнили, не Катичка. Я такой красоты и не видала, такой страшной. Глазищи стали — сожгутъ, прямо* (с. 179).

В остальных случаях аугментатив *глазищи* обозначает взгляд персонажей, характеристиками которых могут выступать *шатуцій*, *лизунъ* и *идоль*, а также взгляд диких зверей, что приравнивает людей к животным: *...Тигра на нее раззявится... глазищи дрему-чје... ни мигнуть* (с. 189).

Одной из характеристик сопричастности / чуждости персонажа является манера восприятия визуальной информации, то, как он смотрит. Восприятие отрицательного персонажа описывается при помощи разговорно-просторечных единиц: *выпучиться, вытаращиться, зариться, пялить* (глаза), *пялиться, уставиться*. При описании положительных героев используется уменьшительно-смягчительный СГД (*залюбоваться, поглядѣться, поприсмотретьъ, поглядѣть*): *...По-нашему ему крикнула, а онъ не понимаетъ, выпучился на насъ* (с. 217); *Усадилъ насъ на ящички, — бѣ-дно живетъ, — на Авдотью Васильевну мою залюбовался* (с. 245).

Персонажи, переживающие физические недуги (ЛСГ-04-Б-5), обычно вызывают сочувствие у рассказчицы, они часто находятся на территории родного мира, наполненного страданиями и болезнями. Однако для рассказчицы даже болезни есть свои, родные, привычные, которыми заболевают простые люди, и болезни господ с научными, неизвестными названиями. Для наименования первых могут использоваться диминутивы (2; *желвачокъ, простудка*), простонародные названия (2; *зараза, несвареніе*); наименования мало понятных няне болезней трансформируются при помощи метаплазматических средств (4; *апендецетъ, оммокъ, паларичъ, трясеніе*).

Сама лексема *болѣзнь* олицетворена в романе, она выступает врагом, с которым персонажи борются, но физиология оказывается сильнее, повержены и барин-доктор, и барыня: *Это ее болѣзнь погнала* (с. 192); *Радость пришла, а у него болѣзнь злая* (с. 84). Однако в народно-православном сознании *болѣзнь* – это кара

или Божье испытание с последующим чудом исцеления. Победить некоторые болезни, по мнению рассказчицы, даже самые лучшие врачи не могут, гораздо сильнее любых пилюль и горчичников оказывается духовная сила, целительский дар и человеческая вера: *Катичка и заболей скарлатиной... А я помолилась и помазала Катичку теплымъ маслицемъ, въ украдку, и въ глоточку капельку ей влила, — она и уснула, хорошо такъ. Поутру глядимъ — она ужь и повеселъла* (с. 49-50).

Няня спокойно относится к внешним «аномальностям», если они не коснулись внутреннего мира человека. Сочувствие рассказчицы транслируется при помощи адъективов-диминутивов (*лупогазенькій, слабенькій, горбатенькій, маленькій-горбатенькій*): *Письмо еще нашли, къ сестрѣ — кузинѣ, католичка которая, хроменькая-горбатенькая, здѣсь живетъ* (с. 135). Неприятных, чужих людей няня описывает при помощи нейтральной и просторечно-разговорной лексики (*горбатый, косоглазый, кривой, лысый, плъшивый, дохлый, изсохлый, брыластый, жирный, мурластый, одутлый, разсыпчатый, толстущій*): *А она лихая, толстущая, ничто ее не беретъ* (с. 131).

Неприятная внешность отрицательных персонажей часто описывается при помощи адъективов с оценочными формантами: *...Брыластый такой, губастый* (с. 17); *...Сидитъ на креслахъ барыня, зубастая* (с. 165); *...Похожъ на слона — носатый, толстый* (с. 206).

Часть глагольных лексем ЛСГ-8 называет изменения во внешности персонажей. Как правило, маркируются единицы, описывающие негативные изменения: ухудшение внешнего облика в целом (*подурнѣть, скидаться, ободраться*), чрезмерное увеличение веса (*погрузнѣть, пополнѣть, располнѣть, раздаться*) или его уменьшение (*потоцать, изсохнуть, исчахнуть*). Маркерами выступают СГД (11), использование разговорно-просторечной лексики (9).

Одежда, как и многие другие артефакты, составляет имущество персонажей, качество и количество одежды – показатель состоятельности или бедности. Няня вспоминает и хоть кратко, но описывает каждую вещь, рассказывает, где она приобретена или потеряна: *Имущества у меня было, добришка всякаго: шуба*

бѣличья была, салонъ лисій, тальма эта вотъ, три шали хорошихъ, двѣ пары полсапожекъ, матеріи три куска (с. 109).

Дорогие, роскошные вещи относятся к чужому миру и описываются няней не как самоценность, а как объект, который демонстрирует человеческие качества. Например, благородный Вася дарит Катичке дорогой бриллиантовый кулонъ, который после отказа Кати жертвует «на раненыхъ». В другом эпизоде уже Катя издевается над своими «щедрыми» ухажерами, для чего орудием служит буа: она режет ее для трех жадных англичан. При описании случая с еще одним дорогим артефактом раскрывается ревность барыни, которая «въ клазетъ спустила» дорогие запонки, подаренные ее мужу красавицей Медынкиной.

После произошедших событий во всей стране и в жизни каждого «свои» герои понимают, что предметы роскоши (драгоценности, изысканные аксессуары, нарядная одежда, а позже роскошью уже считается практически любая одежда) теряют как свою фактическую цену, так и значимость непосредственно для человека. «Чужие» персонажи пользуются ситуацией, крадут, берут взятки, обменивают: *...И стала Катичка мѣста искать, колечко продали* (с. 159); *Хлѣбцемъ манятъ, сардинками, — «пиджакъ, бараслетъ давай!» А на нихъ сверху глядятъ, голодные. Часы, порсигары, цѣпочки... — на веревочкахъ опускали, а имъ хлѣбець-другой, — вытаскивай* (с. 154).

Большинство предметов одежды романа принадлежит воспитаннице Дарьи Степановны, родителям и самой няне. Диминутивные наименования (37) называют одежду именно этих персонажей, т.е. любимых господ рассказчицы, Катички (*косыночка, кофточка, накидочка, платочекъ, туфелька*): *Она черное платьице надѣла, — сиротка и сиротка* (с. 164). Однако не вся одежда господ няне безоговорочно нравится, чрезмерная роскошь и новая мода порицается няней – они входят в сферу чужого. Среди языковых средств «чужого» обнаруживаются фонетические и грамматические трансформации (4; *бараслетъ, комбизонъ, травуръ, брюка*), просторечные единицы (5; *торчокъ, висюлька*): *Стыдно, барыня, сказать... — сколько этихъ у Катички, и этихъ вотъ, въ кружевахъ, нижнее бѣльецо... вотъ-вотъ, комбизоны, и шелковыхъ чулочковъ пять дюжинъ... и ка-*

ки-то еще, самая страмота... фасонъ подпирать... тьфу! До **бъльеца** добрался (сс. 205-206).

2.6. Характеристика внутреннего мира персонажей

Сопричастность / чуждость персонажа, его внутреннего мира, в первую очередь, передают качественные прилагательные (102 лексемы), субстантив ЛСГ-04-Б-7 (1).

Внешний вид может отразить внутреннюю сущность человека, но, с другой стороны, нельзя судить человека только по одежке, поэтому гораздо большее внимание няня уделяет определению характера, оценке поведения персонажа в той или иной жизненной ситуации, а также описанию их умственного потенциала. Хотя Дарья Степановна встречается с самыми разными людьми, критерии для характеристики и оценки поведения человека остаются для рассказчицы неизменными. В основе ее представлений лежат христианские заповеди.

Однозначно к «своему» миру принадлежат персонажи, при описании которых используются эпитеты, обычно прилагаемые к христианским подвижникам или определяющие духовную, священную сущность субъекта, объекта. В таких случаях используется высокая лексика: *Принесла она ему пятокъ апельсиновъ. Онъ на нее даже перекрестился, совсѣмъ ужъ **блаженный** сталъ* (с. 66); *Баринъ съ ними сестрицу милосердную отпустилъ... **Душевная** такая, и про святыни знала, про ду-шу знала* (с. 92). Так описываются герои, страстно верующие, проникнутые божественной мудростью, обращенных к богу, такие люди восхищают няню.

После революции русские люди изменились, у одних проявились качества, раньше запрятанные, в других оказался стержень, поэтому они не изменились. Помимо православных канонов, важным является опыт общения няни с людьми, качества самой рассказчицы, какие-то ее собственные предпочтения. На языковом уровне они выражаются при помощи диминутивов (2; *свъженькій, родненькій*); просторечно-разговорного пласта лексики (18; *жалгьющій, простосердый, утрудящій, бродяжный*), отражения на письме фонетических особенностей, в том числе старомосковской нормы говорения (13; *сочувственный, терпгнье, милосер-*

дый, привышный). Приведем контексты: *Пришли **родненькіе наши**, весь свѣтъ покорили* (с. 137); *...И все-таки я къ тебѣ **привышна*** (с. 8).

Отрицательные качества, присущие в основном персонажам чужого мира, маркируются разговорными и просторечными единицами (53; *безстыжій, дотошный, негодный, поганый, шатуцій*), метаплазматическими средствами (7; *астеричный, карактерный, самашедчій*) и аугментативом (1; *хитруцій*).

Негативную оценку, прежде всего, получают качества, которые приводят к умиранию души: *...И стыдно себя, въ зеркалацахъ-то, чисто онъ **пропацій** какой, въ чужое мѣсто забрался* (с. 170); *Дѣвушка скромностью красуется, а ты какъ солдатъ **расхлестанный*** (с. 59).

К неприкаянным эмигрантам, не нашедшим себя в жизни, Дарья Степановна относится не с осуждением, а с сочувствием: *Всѣ вонъ судьбу нашли, одна я **непритычная** такая, мыкаюсь съ тобой, съ дуррой* (с. 7); *Ну, **непричальна** я къ тѣмъ порядкамъ, къ американскимъ ихнимъ* (с. 13).

Отметим, что прилагательные, характеризующие человека с социальной стороны, определяющие его позицию в обществе, темп жизни (*оборотистый, обстоятельный, опасливый, показной, приверженный, солидный, сурезный, шустрый*), причисляют персонажа к «чужим», поскольку социально-деловая среда чужда няне: *И приходитъ къ намъ человекъ, **шустрый** такой, а глаза хитрые, какъ у вора* (с. 190).

Некоторые отрицательные характеристики относятся к воспитаннице, тем самым няня отчуждает часть качеств Катички, которые не близки самой Дарье Степановне (*гуляцій; авантажный*): *...Съ гулящихъ барышневъ не взыскиваемъ* (с. 80). Главное негативно оцениваемое рассказчицей качество Катички – гордость: *...Не пожелала читать, отъ гордости* (с. 220). В одном из своих писем к писателю О.А. Бредиус-Субботина дает яркую оценку героине, сравнивая ее с собой: «Ваня, брось глупости! Умоляю! Ты все еще меня не знаешь?! Посмотри, как я забыла всякую гордость! Как молю тебя! Катичка из “Няни”, пожалуй, так бы не стала?» [Шмелёв и Бредиус-Субботина 2003: 187].

Свои собственные качества характера скромной и простой няне сложно и неуместно называть, но сам писатель в своей публицистике ярко характеризует «подлинную няню», которую он хочет видеть рядом со своим сыном, используя тот же набор языковых средств положительной оценки: «Сереже был год. Надо было няню, помимо прислуги “за все”. Оля хотела молоденькую. Я – не помню. М.б. – тоже. Сейчас – если бы случилось чудо, – взял бы “Арину Родионовну”. Чушь, когда хотят к ребенку молодую. Конечно, есть “за это”. Но больше – “за подлинную няню”. Язык!! Мудрость. Спокойствие. Ровность. Темп. Конечно, если старая няня – достойная этого имени. И всегда – с Господом. И – нет “помыслов”. Чистота, “физика” уступает “духу”, душе. Взгляд, огромное значение, – добрые глаза “ба-бушки”. Мягкость, как бы – “шлепанки”. Поэтическая сторона – укладливость. Молитва!! Спокойствие чистого духа старой няни – сообщатся младенцу... Мудрость – во всем (опытность) передается младенцу. Медлительное стучание сердца старой няни... – важно для младенца» [Там же: 319]. Именно такой предстает перед читателем няня из Москвы.

2.6.1. Умственная деятельность персонажей

Отдельно следует сказать об отношении няни к умственным способностям человека, которые также могут определить персонажей либо к своим, либо к чужим. В этой группе номинативного класса «Внутренние качества» участвуют глаголы ЛСГ-7 (75), субстантивы ЛСГ-04-Б-8 (8), качественные прилагательные (7). Несмотря на общую положительную оценку высоких умственных достижений, в романе почти полярно разведены понятия *умный* и *образованный*. Наличие образования еще не делает человека хорошим, добрым: *Всё вы гордые, самодоволы, образованные* (с. 220). В этом примере вместе с нейтральной лексемой *образованный* используется просторечная единица негативной семантики *самодоволь*. Умный человек обладает природным умом, способностью запоминать, вникать, понимать. Диминутив *умненькй* используется при характеристике Катички: *А умненькая была, такая-то дотошная* (с. 50).

Неоднозначно трактуются в романе слабые умственные способности. Чаще всего глупой Катичка называет няню, на языковом уровне используются просторечные единицы (*дура, дурной, неграмотный*): *А вѣдь это мой грѣхъ, неграмотная я* (с. 104); *«Не лезь не въ свое дѣло, глупая... не понимаешь ты, это иску-ста!..»* (с. 52); *То я ей глупая, дурѣй нѣтъ, а то... — «умнѣй тебя, нянь, нѣтъ!»* (с. 50). С.В. Шешунова видит в глупости Дарьи Степановны проявление сказочных мотивов: в рассказчице есть черты вещей бабушки-задворенки и сказочного «дурака». За «глупостью» стоит подлинная мудрость: «Много тепла излучает рассказчица этой захватывающей истории – московская няня, традиционный образ верного старого слуги, чья жизнь целиком посвящена другим людям» [Сорокина 1994: 249]. Признанные умными социумом люди допустили те ужасы, которые происходят в России, названные же дураками знают настоящую правду и живут по ней.

Большое количество глаголов, называющих ментальную деятельность, маркировано аффиксами СГД (58): начинательное (*взбрести, вздумать, задумать*) и специально-результативное значения СГД, как правило, маркируют чуждость такого действия сознанию няни (*дознаваться, доискаться, замудрить, надоумить, повибратъ*): *Она мнѣ — «онѣ меня обнимать вздумалъ!»* (с. 121). Уменьшительно-смягчительное значение количественно-временных СГД отражает «свойственность» действий персонажей (*повибратъ, поразузнать, призадуматься*): *Онѣ даже не повѣрилъ, призадумался... — «что-жѣ, — говоритъ, — значитъ, по ней такъ лучше»* (с. 227).

Гораздо важнее, по мысли няни, научиться верить и помнить. Память является одним из основных понятий в романе, поскольку мир изменился, сломались прежние устои, началась другая жизнь, а прошлое, столь близкое и родное для главных персонажей романа, осталось лишь в их памяти. Глаголы со значением воспоминания приобретают разные оттенки благодаря использованию нескольких СГД и разговорной лексике (*вспомниться, упомянуть, помянуть*): *Все, говоритъ, родимое вспомнилось* (с. 18); *Гдѣ же всего упомянуть* (с. 9); *Одно утѣшеніе — въ церкву сходишь. Все тамъ попрежнему, чистота, красота, и молитвы всѣ старыя, душевныя, царя только перестали поминать* (с. 91).

2.6.2 Чувства, эмоции

Поскольку персонажи романа находятся в постоянном движении, проходят множество испытаний сложным временем и трудными ситуациями (*И огонь грозить будет, и пагуба, и свирѣпство, и же-ль-зо* (с. 87)), палитра чувств и эмоций персонажей романа очень разнообразна. При маркировании «своего» и «чужого» мира через чувства и эмоции персонажей используются глаголы ЛСГ-4 (133), субстантивы ЛСГ-03-Б-10 (13). При этом языковые средства (СГД, разговорный пласт лексики, фонографические, метаплазматические изменения) четко не распределяются на средства своего и чужого. В данном случае большую роль играет семантика рассматриваемых лексем.

Неприятные чувства и эмоции, испытываемые персонажами, называются при помощи разговорных субстантивов (6; *неохота, острастка*) и глаголов (40; *брезговать, заманивать, одурѣть, серчать, ужаинуться / ужахнутья*), метаплазмов (6; *дражнить, напужать*), СГД (62).

Среди СГД для выражения чуждости наиболее часто используются аффиксы, отражающие интенсивно-результативные значения (*загорячиться, замаяться, замЫкаться, затормошить; издергаться, измучиться, истревожиться; намучиться, натерзаться, отплакаться*).

Наиболее часто герои романа испытывают страх и тревогу. В стране, где меняется политический строй, царят разруха и произвол, сложно оставаться спокойным не только за свое имущество, но и за жизнь, собственную и близких людей: *...Да она забоялась* (с. 152); *...Телеграфистъ все страцаль — заарестуютъ* (с. 117). Наиболее пугливой в романе оказалась няня, которая попадает в обстановку, совершенно ей чуждую; вместо родных березок встают огромные многоэтажки, с которых страшно даже смотреть вниз, вместо родных куполов с крестами появляются мусульманские полумесяцы: *А онъ меня какъ напугаль, въ синаторію хотѣль запереть* (с. 231).

Подтверждением того, что жизнь персонажей действительно беспокойная и страшная, служит большое количество употребляющихся в тексте глагольных лексем, обозначающих печаль, душевную муку персонажей: *Все онъ мнѣ печа-*

лился (с. 220); *А господу... разстраивались отъ нужды* (с. 42). В романе заметна закономерность: страдают и мучаются добрые кроткие люди из «своего» мира, чужие, злые же не ощущают чувства страдания. Например, *Самые, можетъ, хорошіе и страдаютъ больше, за чужіе грѣхи принимаютъ, а ужъ Господь разсудить, все у Него усчитано* (с. 44).

Наглядным примером сопоставления является разница в ощущениях и чувствах двух персонажей, семейной пары. Муж, психиатр, по-настоящему переживает, а потом и вовсе сходит с ума от пережитых в Крыму событий: *у него ужъ въ голову путаться стало, — сидитъ въ уголку и плачетъ* (с. 131). А его жена думает лишь о том, как сохранить свое имущество и поскорее уехать из страны: *А она лихая, толстушая, ничто ее не беретъ* (там же). На языковом уровне два приведенных примера противопоставлены использованием диминутива (*въ уголку*) и аугментатива (*толстушая*).

Выплеснуть накопившуюся печаль можно с помощью слез, особенно часто плачут главные героини: няня, барыня и Катичка (*заплакать, зарыдать, слезы потекутъ, отплакаться*): *Вбѣжала, упала на колѣнки, молиться стала, заплакала* (с. 143); ... *Отплачусь — легче будетъ* (с. 247).

Радуются персонажи гораздо реже, однако «развязка “Няни из Москвы” пронизана такой светлой и почти пронзительной радостью... Путь сказочных героев идет через искушения и страдания к счастью» [Шешунова 2002: 85]. Большая радость для персонажей «своего» мира – встретить родных, близких людей здоровыми, поскольку их *расшвыряло по бѣлу-свѣту* и они не знают друг о друге ничего в течение нескольких лет: *Офицерикъ такъ просвѣтлѣлъ: «да я, говоритъ, его знаю, Василекъ это...»* (с. 126).

Положительные эмоции, чувства испытывают, как правило, «свои» герои. Маркируются такие единицы разговорной стилистикой (13; *зарадоваться, просвѣтлѣть*), СГД (11). Из СГД особенно используются временные начальные значения (*засвѣтитесь, заулыбаться, поулыбаться*): *Ну вотъ, вспомнили... засвѣтились всѣ* (с. 25).

Счастье человека, по-нянинному, зависит не только от обстоятельств, социума, но и от самого человека. Желания персонажа задают направление, по которому движется персонаж, ведут его к цели, а в зависимости от объекта желания героя Дарья Степановна может дать свою оценку: *Бда сладкая, никакой заботы, музыки да театры, и обхождене такое, вольное, — тѣлу и неспокойно, на всякую **хочу** и потянетъ* (с. 38); *Хотѣла лисій ему салоуъ послать* (с. 99); *Онѣ помогать **хотѣль**, а она себѣ деньги забрала* (с. 125); *И какъ же мнѣ **захотѣлось** въ церкву зайти, въ послѣдній разокъ помолиться* (с. 144).

2.7. Движение

Номинативный класс «Движение» образуют глагольные лексемы ЛСГ-01 (189), ЛСГ-15 (12), субстантивы ТГ-04-3 (12), ТГ-05-М (1).

В своих рассказах о странствиях по свету няня нередко делает уточнение или даже акцент на способе передвижения по разным стихиям: по земле и воде (в воздух няня так и не решилась подняться), при этом выбор транспорта, способ перемещения может иметь свойства сопричастности или чуждости: *И чего же надумала, — на **еропланахъ** подымать меня собралась... Да я наземь упала, не далась. «Нѣтъ, голубушка, ты ужъ, говорю, хоть за небо лети, а я погожу, по землѣ еще похожу»* (с. 8).

Ближе, привычнее няне пеший способ передвижения, что подтверждает фольклорную направленность стилизованного романа: в народных легендах, в старославянских текстах положительные персонажи предпочитают именно ходить пешком [Русские простонародные... 2005: 208].

Среди средств, маркирующих сопричастность / чуждость, в данном номинативном классе встречаются диминутивы (5), но названный диминутивами транспорт (*корабликъ, лодочка, пароходикъ, каютка, саночки*) не используется по назначению: *...Въ Крыму-то, изъ окошечка море видно, **кораблики*** (с. 99). *Корабль, пароходъ* в романе приобретают символическое значение: это спасительное судно, на котором все герои жаждут уплыть, однако, в попытке побега от суровой действительности попадают в другой ад, уезжают в неизвестность, где, может быть, их

ждут другие потери и горести. Приведем примеры контекстов, иллюстрирующие сказанное: *Мы сколько безъ хлѣбушка сидѣли на **корабль**, а округъ насъ на **лодкахъ** ихніе торгоши, хлѣбцемъ машутъ, выманивають* (с. 72).

Для выражения чуждости задействованы метаплазмы (5; *еропланъ, такся, трамвай*), использование множественного числа вместо единственного (1; *автомобили*), просторечие (1; *гудѣлка*):...*Меня въ автомобили сунули* (с. 204).

Высокая активность персонажей, их постоянные перемещения транслируются разнообразием глаголов движения (всего 676) и их коннотативной заряженностью (маркировано из них 189).

Большинство лексем называет действия чужих героев или действия своих героев в опасной, чуждой ситуации: просторечно-разговорная лексика (92; *брякнуться, волочить, выгребаться, вЫсыпать, ерзать, мотаться, сигать, топотать, шваркать, шелохнуться, шлендать, шмыгать*), СГД (85), измененное словоизменение (7; *волокетъ, гѣздутъ, выбѣгли*), метаплазм (1; *танцовать*). Приведем контексты: ...*Паликмахеръ въ кусты **шмыгнуль*** (с. 141); *Да какія все самовольные, по комнатамъ **шнырять**, чисто родня пріѣхала* (с. 51).

Широко представлены виды СГД:

1) временной начинательный, например: ...*Затопаетъ и начнетъ рыдать* (с. 116); *Ружье при немъ, пошель-зашагалъ, пропаль* (с. 148).

2) количественно-временные, а именно уменьшительно-смягчительный, специально-результативный интенсивно-результативный, накопительно-суммарный, например: *И невѣстка **подпихивала**, и старикъ помогаль* (с. 223); ...*Всѣ брюки **изъерзаль*** (с. 111); *Народу **набилось** въ Крымъ* (с. 113).

В целом складывается ощущение постоянного движения чего-то ищущих и куда-то убегающих всеми возможными способами людей: ...*У насъ съ задняго балкона сошу видно, — и пѣши, и верхомъ, и на повозкахъ, съ узлами бѣгутъ, волы тянутъ, скрипъ-гамъ, конца не видно, чисто весь Крымъ поднялся* (с. 139).

В романе есть оценка не только способа передвижения, но и статического положения персонажа. Сидящий человек кажется подозрительным, такие персонажи пытаются скрыться, «засесть на дно», отказываются действовать и решать свои

проблемы: *А самъ съ Агашкой опять наверхъ перебрался, на балконахъ сидѣть* (с. 117). Это отражено в составе глаголов ЛСГ-15 использованием аффиксов, вносящих значение непродолжительности, ограниченности во времени (*погостить, полежать, постоять*). «Свои» персонажи находятся в постоянном движении, не могут усидеть на месте: *Посидѣла минутки двѣ — ушла* (с. 95); *...Силь нѣтъ сидѣть-ждать* (с. 248).

2.8. Речевая коммуникация

Способ ведения речевой коммуникации также является характеристикой персонажа, его состояния, а также имеет соотнесенность с чужим или своим миром. Няня осознает силу сказанного слова: *Подумать, чего слово человеческое можетъ* (с. 244). Однако и оно не всеильно: *...Смолчать бы лучше, такого дуботолу словомъ не выбѣлишь* (с. 173). В тексте романа при лексеме *слово* встречаются следующие эпитеты: *худое, чужое, умное, послѣднее, непотребное, одно, черное, золотое, другое, такое, какое, горячее, человеческое, доброе, вѣрное, всякое*.

Номинативный класс формируют глаголы ЛСГ-2 (160), ЛСГ-12 (22), субстантивы ЛСГ-04-Б-3 (18). Наименования звучащей речи имеют различия с точки зрения стилистической окраски. Существует ряд звуков, которые либо исконно неприятны слуху человека, либо информация в звучащей речи вызывает у рассказчицы негативные эмоции: *А каретница еще рацеи читать пустилась* (с. 127); *...Да напужена-то, шумъ такой... чистый адъ* (с. 14); *Не вздоръ, барыня, а суцая правда* (с. 16).

Несмотря на то, что няня любит поговорить, пообщаться (весь роман – это рассказ няни), большинство лексем, связанных с речевой коммуникацией, служит для характеристики персонажей или ситуации с отрицательной стороны (85% маркированных единиц). Для этого задействованы следующие маркеры чуждости: просторечно-разговорные единицы (105, *бухвостить, выспрашивать, гвоздить, грызня, лопотать, ошпарить, тархтѣть, фыркать, цыкать*), СГД (95), метаплазмы (1; *скрыть*). Приведем контексты: *Дернулась она, да съ сердцемъ на меня*

такъ: «Что ты мелешь?..» (с. 28); ...**Наговариваетъ** бо-звать чего, **языкъ выламываетъ** (с. 69); **Фукнулъ** черезъ губу, — и все, съ безстыжаго чего взять (с. 79).

Наиболее используемыми СГД являются временной начинательный (*завизжать*), интенсивно-результативный (*насказать, отговориться, посушукаться*): *Газетчикъ тотъ нахвасталъ* (с. 176); ...*Тетушка такъ и затрепыхалась, заквохтала* (с. 29).

Речь некоторых персонажей звукоподражательно описывается зоокализмами, такое звероподобие, как правило, также причисляет героев к чужим (*гавкать, заквохтать, зашипеть, каркать, лаять, мурлыкать, накаркать, поурковать, урковать*), например: *Шалашъ прикатилъ, сталъ гавкать, — она на него какъ крикнетъ, — онъ головой боднулъ — уъхаль* (с. 216); *Поурковалъ ей, стоитъ — дожидается, какое ему рѣшеніе* (с. 191).

Неизменным остается список средств для маркирования положительных характеристик: диминутивы (4; *голосокъ, смѣшокъ*), высокая церковная лексика (4; *благовѣститъ*): *Какой ужъ сонъ, къ ранней заблаговѣстили* (с. 80); *И Катичка со мной, и голосокъ ее слышу — «няничка, выведи, спаси!»* (с. 146).

В романе часто используются перформативы, которые являются одним из важнейших экспрессивных приемов стилизации речи [Бондарко 1990: 35]: *Покорно благодарю, у генеральши пила, и закусила, а отъ чаю не откажусь* (с. 230); *Онъ и говоритъ: «Что вы, Катерина Костинтиновна, скажите... я прошу у васъ руки?..»* (с. 67).

2.9. Действия персонажей

Действия (как физические, так и социально направленные) позволяют в большей степени охарактеризовать персонажа, оценить его как «своего» или «чужого». Сопричастность / чуждость выражают маркированные единицы глагольного блока (515) и субстантивы ЛСГ-04-Б-4 (11). Отдельно рассмотрим действия, направленные на объект, и поведенческие действия персонажей.

2.9.1 Физическое воздействие

Данный подкласс образуют маркированные глагольные лексемы ЛСГ-3 (99). Большинство единиц несет семантику деструктива, что можно объяснить военным положением в стране, разрушающимися отношениями между людьми, а также раздраженностью и вспыхивающими эмоциями, которые испытывают герои романа. Объектами деструктива выступают как артефакты, так и люди: *Деньги выхватила изъ сумочки... въ клочки **изорвала*** (с. 178); *...Садовничиха намъ — «чуть меня, говорить Якубенка не **застрѣлилъ**...»* (с. 122); *...Трюму **разбилъ** трубкой, очень горячь* (с. 235).

Для выражения как конструктивных, так и деструктивных действий используются типичные маркеры: СГД (60; *выхлестать, исполосовать, оцарапать, растерзать, уцѣпиться*), просторечно-разговорная лексика (33; *уцѣпиться, ерошить, лупцевать, тюкать, щелкнуть*), метаплазматические средства (5; *стрычь, сымать*). Из СГД наиболее востребованным является интенсивно-результативный способ: *выхлестать, затеребить, изорвать, исполосовать, напортить, отхлестать, прошибиться, уцѣпиться*. Приведем контексты: *Совсѣмъ ужъ **затеребилъ*** (с. 22); *Я ее по щекамъ и **отхлестала**, для острастки* (с. 47).

Ряд глаголов несет семантику физического насилия (*воеваться, колотить, лупить, лупцевать, пихнуть, ткнуть, хлестать, шлепать, исполосовать, растерзать, стегануть*), которое, несомненно, относится к сфере чужого: *Казакъ какъ по-чали ихъ лупить, по-гнали* (с. 161); *...Я ему всю морду **исполосую*** (с. 80).

2.9.2 Поведение персонажа

В данном подпараграфе рассмотрим единицы, характеризующие поведение персонажей. К этому номинативному подклассу (253) относятся глаголы ЛСГ-6 (114), ЛСГ-9 (70), ЛСГ-10 (46), ЛСГ-13 (12) и субстантивы ЛСГ-04-Б-4 (11).

Сфера чужого более широкая, перечислим действия, по которым персонажи относятся рассказчицей к миру чуждого.

1. Бездействие и действия, не имеющие достойных целей, в романе всегда осуждаются, при этом среди таких глаголов высока концентрация разговорных, просторечных и даже грубопросторечных лексем (52), используется ряд СГД (48),

метапазмов (3; *забижать, страмить*): *вытеребить, красоваться, жировать, ломаться, покрасоваться, короводиться, ломиться* (о толпе), *мызгаться, посьбъситься, безобразить, выламываться, ежиться, заканителить, заполоситься, защеголять, изгораздиться, изсвоевольничаться, испредставляться, канителиться, коверкаться, красовать* (себя), *кутить, накуролесить, охальничать, охорашиваться, попировать, порядиться, разнuzдаться, расканителиться, расшумъться, тормошиться, хорохориться*.

Прежде всего, рассказчица осуждает праздный образ жизни в хозяйском доме, который, по мнению няни, накладывает отрицательный отпечаток на воспитании Катички, учит ее быть показной, уводит от естественности: *И папочка съ мамочкой всю жизнь себя и других терзали... все мы да мы, все передълаемъ по насъ! Вотъ и передълали, мызгаемъ... отъ гордости наvertsъли* (с. 220); *Скажу — ничего не хорошо, вся ужъ испредставлялась, на себя непохожа стала, бормота одна* (с. 69).

Деструктивное поведение «чужих» мучает «своих» персонажей: *...Измучилась я, мнѣ Господь навелъ мысли, съ тѣмъ и поѣхала, всѣ муки приняла, всю правду нашла* (с. 246).

2. «Чужие» персонажи, как и дикие животные, некрасиво себя ведут и в физиологической сфере, няня замечает неприятные мимические изменения, жестикуляцию (*лускать, прожирать, рыгать, скалиться, сожрать*): *...А толстошкурые въ заграницѣ кровь нашу прожирать будутъ* (с. 125); *...Рвутъ другъ у дружки, рыгаютъ, изъ пасти у нихъ воня-еть* (с. 189).

3. Чрезмерные страдания и мучения могут привести персонажей к физической гибели, смерть же однозначно относится к чужому потустороннему миру, в романе умирают не только старики, но и дети, молодые люди. Глаголы ЛСГ-10 именуют действия, которые приводят к смерти и действия, непосредственно обозначающие гибель: *морить, отмаяться, погубить, подохнуть, помирать, поморить, сгубить, схоронить утопнуть*.

Положительные персонажи, наоборот, поддерживают оказавшихся в трудной ситуации, не желая выгоды для себя. Среди самых помогающих персонажей сама

рассказчица, Васечка, который не раз спасает Катичку, *казакъ-благодѣтель* из Константинополя. Предикативная лексика, обозначающая содействие, передает категорию сопричастности [Ким 2011а: 210] (*хлопотать* (за кого-то), *вступиться*, *заступиться*, *услужить*, *баловать*, *возиться* (с кем-либо), *заступаться*, *подружиться*, *угодить*, *заласкивать*, *набаловать*, *обласкивать*, *пособить*, *ублажать*), например: *...Ихній царь такъ и указалъ: «встѣхъ подѣ крыло соберу-угрѣю»* (с. 152).

Семантику, передающуюся глагольными единицами, поддерживают значения наречий. Используются те же языковые средства: диминутивы (3; *хорошенечко*, *простенько*), метаплазмы (10; *наскрозь*, *всурьезь*, *скрозь*), просторечно-разговорные единицы (80; *наврядъ*, *на-пустоту*, *нахрапомъ*, *невтерпежь*, *по дешевкѣ*, *понарошку*). Наречия обозначают характеристики всех классов действий, выражаемых глагольными лексемами: *А она вдогонѣ имъ: — «пожалуйста, не забывайте!»* (с. 116); *За тетеньку они, Иверскую-то подымать: тетеньку въ гости звать, хорошенечко застатить* (с. 28); *...Наскррозь всѣ зеркала проглядѣла* (с. 69).

2.10. Цветообозначения как маркеры оппозиции «свой» / «чужой»

Реконструкции «своего» и «чужого» мира способствуют цветовые маркеры (см. рис. 11, табл. 14, Глава II, п. 2.1.3), которые поддерживают значение всех приведенных номинативных классов.

Цветообозначения – один из основных маркеров языковой картины мира, они выполняют эмоционально-оценочную, эстетическую и смысловую функцию.

В цветообозначении произведения участвуют качественные прилагательные, которые передают атрибутивный признак (*пунцовый*, *голубенькій*); глаголы со значением процессуальности (*желтѣть*, *посинѣть*, *почернѣть*); существительные, обозначающие наименование цвета (*слоновой кости*, *каштанчикъ*, *узумрудъ*); называющие эталон предмета для определенного цвета или используемые в сравнениях для уточнения цвета (*углемъ*, *розан*, *свекла*); адвербиальные еди-

ницы (*зелено, темно*). Далее рассмотрены лексико-семантические поля спектров в порядке их количественного убывания.

Ядро авторской цветовой палитры составляют белый, черный, золотой и красный. Доминирующим как по количеству лексических экспликаторов цветового поля, так и по объему контекстов является белый цвет, который в романе имеет оттенки от *бѣленького* до *свѣтлого съ просьдью, сливошного, цвета слоновой кости*. Поскольку роман носит антропоцентрический характер, большинство колоративов связано с человеком и человеческой жизнью. В русской культуре древняя функция белого цвета – выражение святости, он является эталоном положительной оценки. По В.Н. Топорову, в старославянском языке концепты белого и святости связаны, что подтверждается и близостью корней свят-свет [Топоров 1995: 544]. В романе *монахи ихніе, въ бѣлыхъ балахонахъ; бѣлый корабликъ на головѣ* у монашки; *бѣлая* клюшка у странника.

Также это цвет роскоши, красоты, царственности (*Пріѣзжаетъ какъ-то она на автомобилъ, и баринъ съ ней, весь въ бѣломъ, а самъ черный, сразу видать — буржуй изъ хорошаго дома* (с. 110)).

Однако белый может выступать как предвестник смерти: *Вскочила, побѣгла, а она, въ халатикъ въ бѣломъ, чисто смерть* (с. 103); *Поисповѣдались бы, приобщились, говорю... въ подвѣнчномъ, говорю, нарядѣ, васъ видала... Лучше бы вамъ приготовить* (с. 89). «В качестве перво-цвета белое в традиционном сознании несет значение начала, отсылая в ритуалах к формулам инициации (белое подвенечное платье = белый саван как тождество свадьба = похороны)» [Злыднева 2002: 425].

Заметим, что более точные, изысканные названия оттенков рассказчица называет только в тех случаях, когда передает чужую речь: *...Кричитъ — «нянь, сливошное мое давай!»* (с. 111). Для простого сознания няни чрезмерное любование собой, своей внешностью греховно, необходимо избегать любого излишества, в том числе и словесного: *«Смотри, какъ изъ слоновой кости рука у меня!» — «Ну, и что хорошаго, — скажу, — у чловѣка кость божья, а у тебя слоновая стала»* (с. 69).

Ахроматизм *черный* – второй по количеству употреблений в тексте. В некоторых случаях темные краски используются автором для придания роману остроты сюжетности или при описании чувства страха рассказчицы: *И бѣсъ тотъ былъ, морда обсосана... Гляжу — все-то онъ за ней да за ней. А коллдоръ у насъ **темный** (с. 79); Ночь **черная-черная**, къ сентябрю ужъ. Въ теръ съ горы пошелъ, вой такой, деревья шумять, жуть, прямо (с. 102).*

Однако большая часть контекстов, использующихся даже в прямом, буквальном значении, несет в себе художественный образ, имеет неоднозначный символический подтекст. Все сферы жизни эмигрантов окрашиваются в черный цвет: уезжают герои темной ночью (*Ужъ **темно** стало, съ парохода свѣтъ на насъ иликтрическій пустили (с. 148))* на корабле в тесных каютах (*Въ дыръ-то у насъ **темно** (с. 151))*); все чаще персонажам приходится надевать траур (*И въ **черномъ** вся, и худая-худая... Она **черное** платьице надѣла, — сиротка и сиротка (с. 88))*); сами герои тоже чернеют от болезней, в том числе от *черного* рака (*...И похудѣлъ, и **почернѣлъ** (с. 93); А лицомъ **че-рный** сталъ, и тѣло **чернѣть** все стало (с. 106)*), от отсутствия возможности или необходимости помыться (*грязный-разгрязный*), от изнурительных работ на солнце (*Васенька, не узнать. **Почернѣлъ**, раздался, и сурье-зный стоитъ, убитый (с. 127)*). К тому же главные герои оказываются в южных странах, где гораздо больше чернокожих людей, которых няня называет *черномазыми, чумазыми*. В том же значении используются колоративы *коричневый, шоколадный*: *И Катичка моя, чуть что не во всю газету, мазаная-то мазаная, **коричневая** (с. 205).*

Как видим, черный цвет в романе в большинстве случаев символизирует смерть, траур, тяжелые будни, страдания, жизнь на чужой земле по неправославным принципам: *Господи... то все въ Россіи нашей жили, на солнышкѣ... а вотъ, въ **черную** яму опустили... довертъ-ли!... (с. 151).*

Излюбленным колористическим средством И.С. Шмелёва является цветовой контраст. Как правило, реализуется противопоставление черного и белого: *...**Бѣлая** постелька, ангельская, а надъ ней большой **черный** крестъ (с. 237); Дверь высокая, **черная**, старинная... крестъ на ней **бѣлый**-костяной (с. 236).*

Помимо черного, в противопоставлении с белым выступает красный цвет и его оттенки. Н.В. Злыднева отмечает, что в контексте событий начала XX в. диада белый / красный выходит на первый план, «ожидание нового и страшного в России первой трети XX в. окрашено в белый цвет» [Злыднева 2002: 427-431].

Цветовая гамма красного спектра в подавляющем большинстве контекстов также получает отрицательную коннотацию. Красные – солдаты Красной Армии – это всегда чужие, злые, от которых надо бежать: «...*Записаны у красныхъ, плохо вамъ! Сейчасъ уѣзжайте, я слово даль!*» (с. 140); ...*А онъ кричатъ: «...Послѣдніе мы проходимъ, завтра красные войдутъ, я своихъ бросилъ! сейчасъ же собирайтесь!..»* (с. 142). Революционный красный цвет символизирует принятие новой жестокой власти, которая заставляет людей чернеть от горя, белеть от страха, желтеть, зеленеть, сереть от болезней и краснеть от крови: ... *А я растерзанная, и кровь на юбку* (с. 104); *Кро-ви сколько!..» — и за голову схватился* (с. 62). *Темное-пунцовое солнышко*, «солнце мертвых», зловеще окрашивает обои комнаты, где умирает отец Катички.

В семантический диалог с другими цветами входит и золотой цвет. В лексеме *золотой* одновременно может быть указание и на цвет описываемого объекта, и на материал, из которого он изготовлен. Не во всех случаях речь идет о золоте как драгоценном металле, однако восприятие предметов, окрашенных золотой краской, едино. Золотой цвет, несомненно, демонстрирует богатство, роскошь: *И графъ Комаровъ тоже, какой неприступный былъ, расшитый весь, золотой, чисто икона въ ризь* (с. 77); ...*Щеголи, въ золотыхъ тесемкахъ, кровь съ молокомъ* (с. 115). Однако красота в сознании няни не может заменить человеческие качества (*Свинью и золотомъ окуй — все свинья* (с. 66)), культ денег греховен, а Америку, в которой людей «по капиталу почитаютъ», рассказчица называет адским местом: ..*Въ самый мы въ адъ попали, въ золотое царство. Повидала я... Господи, золотомъ у встѣхъ тамъ глаза завѣшаны, только его и видятъ* (с. 207). Катичка неоднократно проходит испытание деньгами, богатством, но каждый раз сама или с помощью няни вырывается из «золотой клѣтки» (так называет и ресторан, где работает героиня), в которую пытаются посадить красавицу ее ухаже-

ры. По идее автора, именно в трудное время политических перемен легче увидеть и оценить настоящее, истинное; ведь счастье не в сотнях золотых, не *въ золотыхъ тифелькахъ*, а в православии и родной земле: *А онъ... показываесть кожанный кошель. Подумала — золото-серебро, пожалуй. А это землица, съ собой везеть! — «Помру на чужой сторонѣ, меня посыпють родной землицей, въ своей, будто, и схоронюсь»* (с. 151).

Желтая краска, в отличие от золотой, используется только в написании портретов болеющих людей: *...Лицо желтое-желтое* (с. 231); *...Съ каплевъ у ней личико желтъть стало* (с. 34); *...Же-о-лтая-желтая* лицомъ (с. 237).

Коннотации, связанные с серым и серебряным цветами, по смысловой нагруженности схожи с различиями желтой и золотой гаммы соответственно: *Серебряный — красивый, дорогой, сверкающий: Крестикъ... купила я ей, хорошій такой, серебряный* (с. 47); *...Платье серебряное, камушки горять, — ну, какъ мушка какая золотая, — такъ и обомлгль* (с. 214).

Серый цвет лица, как и желтый, болезненный, умирающий, страшный: *...Ручка изсохлая, восковая, глядгть страшно, и губы стьрья, поблеклыя* (с. 237); *Ужъ онъ въ подушкахъ сидитъ, лимонъ желтый* (с. 219); *Лицо у него обсосаное было, стьрое, чисто бгъсь* (с. 68). Противостоять нездоровой желтизне и серости пытается зеленый цвет, цвет надежды, тон витальной силы: *Надгъла платье зеленое, новое, а оно живое на ней, ерзаетъ, какъ на мертвой* (с. 89). Зеленый в романе тоже имеет в своем значении сему 'страх' и 'болезнь': *Ужъ и время не вижу — все, будто, ночь и ночь, зеленое такое, будто ужъ подъ водой мы... А у меня въ глазахъ зелено, на ногахъ не стою — качаюсь* (с. 203).

Читательское восприятие предметов, явлений, окрашенных автором в синий цвет, также неоднозначно. Чрезмерная синева — признак неестественности, фальши: *Люди какіе-то ненастояціе, синіе всгъ, головы скошены... не поймешь — метлы не метлы, и снггъ синій, нарошно все* (с. 68); *Гартъ такъ и посингль* (с. 195). Голубой же в произведении ассоциируется со цветом небес, ангелов, спокойствия, детства (*Надгъла голубенькое, воздушное, — ну, дгъвочка совстгь* (с. 130)). Голубым ангелом неоднократно называют Катичку ее женихи: *«Голубой*

ангелъ! зачѣмъ вы сошли къ намъ съ неба? (с. 62); «*Вы — говоритъ — небесная звезда, ослѣпили насъ!*» (с. 207).

Ахроматизмы *пестрый, пестренькій* используются при описании одежды у цыган и оторв, которые *подушки со всего дома на ковры навалят, шальями пестрыми накроютъ, и ломаются* (с. 52). Цветное и разноцветное мужское белье – только желание покрасоваться и показать свое богатство, няне даже неудобно за такую изысканность барина: *И помочи, и носки, и платки носовые, — все шелковое, цвѣтное... и подшитанники, извините, разноцвѣтные, шелковые* (с. 36).

Таким образом, большинство колоративов описывает чужих персонажей, находящихся на территории чужого пространства (черный, красный, золотой, серебряный, серый, синий, пестрый), часть колоративов помогает описать состояние родных героев, живущих в черное время и попавших в трудные жизненные ситуации (черный, белый, зеленый, желтый). И всего несколько колоративов участвуют в описании позитивного настроения положительного героя (белый, голубой).

3. Выводы к главе III

Идея разделения мира на «свой», понятный, родной и непонятный, неизвестный «чужой» мир транслируется и поддерживается на всех языковых уровнях. Основная семантическая нагрузка ложится на лексико-семантический уровень, тщательно отобранные писателем единицы выполняют ряд функций, подчиненных реализации основной задачи писателя.

Оппозиция «свой» / «чужой» приобретает несколько вариантов. Во-первых, в романе существует четкое деление на дореволюционное / послереволюционное время. Изменилось не только время, но и пространство (эмиграция), кардинально изменились некоторые герои, они по-другому думают и действуют. Во-вторых, в тексте есть противопоставление богатство / бедность, которое наблюдается, например, в выборе лексем при описании орудий, механизмов и приспособлений (наличие в богатых домах телефонов, лифтов), транспорта (состоятельные господа ездят на автомобилях), обстановки и убранства помещений (кресла – в салонах, стульчики – в комнатках), одежды и внешнего вида (белые костюмы и проданные

за хлеб старенькие пиджаки, золотые и железные зубы), меню персонажей (различные сорта вин и простая водица). В-третьих, лексикон романа отражает точку зрения рассказчицы на русское / заграничное (например, разновидности варенья). В-четвертых, для рассказчицы есть четкое разделение господ, чаще всего неверов, и простых, но верующих людей, отсюда контекстные антонимы вещного мира: статуи и иконки; лампочки и лампадки; пудинг с адским огнем и просвирки, кутья.

Няня не понимает и не поддерживает увлечения господ (искусство, наука, праздные гуляния, социально-политическая деятельность), поэтому они входят в сферу «чужого», а герои, пренебрегающие вечными ценностями ради непонятных рассказчице увлечений и не ищущие настоящего пути, описаны негативно.

Средства, приемы, используемые на словообразовательном, фонетическом уровне, а также некоторые выразительные средства поддерживают семантическое наполнение романа: фонографически выделены те единицы, которые важны для построения оппозиции «свой» / «чужой»; с помощью СГД маркируются действия положительного и отрицательного героя; просторечно-разговорная лексика чаще используется для наименования чужого пространства и событий, происходящих в чужом мире; большинство диминутивов связано с описанием любимой Катички; метафоры, сравнения также позволяют неоднозначно разделить героев.

Анализ цветописи произведения показал, что жизнь рассказчицы наполнена множеством трагедий и болезней. В романе нет буйства красок, авторских хроматизмов, поскольку сказ ведется обычной няней, у которой нет символистских изысков и стремления к искусственной выразительности своей речи. Многие контексты с колоративами образны и символичны, обращение к народно-поэтическим краскам работает на создание стилизации. Просматривается соотношение колоратива как с книжно-литературной нормой, так и народно-поэтической, фольклорной традицией. В отличие от импрессионистической цветописи в «Лете Господнем», где основными являются чистые цвета: красный, желтый, синий, от символической религиозной в «Богомолье» (белый, желтый, синий) [Мерцалова 2007: 20], в НМ основными цветами являются белый, черный

и золотой. При этом И.С. Шмелёв часто использует контраст, чтобы еще больше подчеркнуть, насколько сильно изломана судьба русских людей, как тяжело и болезненно переживают герои исторические катаклизмы.

По идее писателя, однако, няня не просто высказывает свое мнение, а становится судьей мира, читатель советуется с ней. И.С. Шмелёв выбирает на роль рассказчицы простую и настоящую христианскую душу, которой можно довериться, образ няни становится символом «бедной, сиротливой правды» эмигрантов [Ильин 2000: 20]. За четким делением няней персонажей, их действий на своих и чужих, хороших и плохих лежит более сложная идея писателя об утрате жизненной гармонии (как и гармонии цвета), которая была достижима только в родной дореволюционной России, той России, которую И.С. Шмелёв изображает в романе «Лето Господне». Теперь возможно только мысленно возвращаться в прошлое, в прекрасную страну и верить в ее воскрешение: «Да, Россия в страшнейшей трагедии: и внутри, и вне – в-р-а-г-и смертельные, – всей России!.. Только м. б. Промысел изведет Россию из этой печи огненной» [Шмелёв и Бредиус-Субботина 2003: 212].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью нашей работы была демонстрация возможностей лингвистических методов для решения задач, которые находятся в ведении литературоведческих дисциплин: поэтики и идейно-художественного анализа повествовательного текста. Такой задачей явилась реконструкция художественной картины мира, реализованной в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы». Нами были выбраны две ее важных составляющих: референтный мир и его области, сопричастная и чуждая повествователю и опосредуемому им автору сфера.

Под этим углом зрения результаты исследования выглядят следующим образом:

1. Обобщены и приведены основные результаты изучения личностных и творческих особенностей И.С. Шмелёва, особое внимание в литературоведческо-биографической части уделено эмигрантскому периоду писателя, в представлении аспектного изучения автора – его религиозности. Выявлены результаты лингвистических исследований наследия писателя, в том числе стилистической характеристики его творчества. Также определен терминологический аппарат исследования, основными понятиями в котором являются идиостиль, стилизация, сказовая форма, народная речь, сопричастность и чуждость. Границы функционирования данных терминов были определены через анализ смежных с ними явлений.

2. Благодаря корпусному, стилеметрическому методу и лемматизации был определен частеречный состав романа, при составлении которого проведено частичное снятие омонимии в нескольких проявлениях (омоформы, омографы), а также были решены частные проблемы вариантности и входимости лексем в композиты. Анализ результатов лемматизации показал превалирование глагольных лексем над остальными частями речи по количеству как лексем, так и словоупотреблений. Глагольность романа отличает его от текстов Национального корпуса русского языка XIX-XX вв. и сближает с фольклорными прозаическими текстами.

3. Произведен анализ референтного мира романа. Семантическое пространство произведения, его ядро и периферия реконструированы путем выделения темати-

ческих и лексико-семантических групп лексем. Одним из наиболее объемных и разнообразных пластов лексики является пространственно-временной блок, который представлен глаголами, субстантивами, местоимениями, наречиями, предложениями. Актуальность этого блока связана с частыми фабульными перемещениями персонажей, с определением оппозиции дом / не-дом, а также с целью сказового повествования – придать тексту динамичность. В ядро семантического пространства также входят наименования персонажей и блок лексем, связанный с описанием жизни людей (наименования артефактов, характерологические параметры описания героев, а также их движения и действия). На периферии оказались наименования процессов и явлений природного мира, а также лексемы, описывающие социальную и научную сферы. Определение наиболее и наименее объемных групп лексем, границ семантического пространства романа позволило сконструировать картину мира рассказчицы, носительницы народного сознания.

4. Выявлено, что приемы и способы сказовой стилизации народной речи находятся на всех уровнях языка, выделены фонетические, графические, морфемно-словообразовательные, лексические, морфологические, стилистические и некоторые синтаксические способы, которыми пользуется писатель для создания подлинной сказовой стилизации. Средства реконструкции «своего» / «чужого» связаны с приемами и способами сказовой стилизации и также представлены на всех уровнях языка.

5. Определена центральная оппозиция романа – сопричастность / чуждость, которая отражает не только идейный смысл конкретного романа И.С. Шмелёва, но и общий философско-психологический настрой писателей-эмигрантов. Лингвистические понятия сопричастности и чуждости в романе могут составлять более частные противопоставления: раньше / теперь, свой / чужой, дом / не-дом, Россия / не-Россия. Оппозиции выступают своеобразными концептами, в которые объединяется лексика разной частеречной принадлежности.

6. Лингвистический инструментарий в виде средств выражения оппозиции сопричастности / чуждости позволил реконструировать картину мира няни-рассказчицы. Однозначно средствами выражения сопричастности являются ди-

минутивы, средства референции (притяжательные местоимения 1-го лица множественного числа), чуждость маркируется фонетическими изменениями в заимствованной лексике, метаплазматическими средствами. Остальные средства отражения оппозиции могут выражать обе ее части, и направленность средства зависит от семантики лексики, на которую накладывается средство.

Сопричастным нянинному сознанию являются дореволюционное пространство и время, воспитанница Катичка как в детском возрасте в России, так и взрослая в эмиграции, а также православные каноны и персонажи, следующие им. Чуждым в универсуме рассказчицы оказываются пространство и время после революции, эмиграция и люди в эмиграции (за некоторым исключением «своих», русских, православных персонажей), состояние, реалии и действия, которые производятся за рубежом. Однако деление на свой и чужой мир относительно. Как в дореволюционном времени есть явления, чуждые мировоззрению рассказчицы, так и в послереволюционное время встречаются явления, близкие и принимаемые сказительницей. Кроме того, после утраты старой Москвы, старой России Париж становится своеобразным заместителем и вместилищем «своего», отчасти становится «своим» пространством.

Таким образом, проведенный анализ картины мира сказительницы показывает, что лингвистическая оппозиция сопричастности / чуждости выражает идею и способ построения романа И.С. Шмелёва «Няня из Москвы», а также может быть наложена на другие произведения эмигрантского периода творчества И.С. Шмелёва и других писателей-эмигрантов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А – адъектив.

ADV – наречие.

PRO – местоимение.

S – субстантив.

V – глагол.

БВ – будущее время.

Высок. – высокая лексика.

Ед. – единственное число.

ЛСГ – лексико-семантическая группа.

Множ. – множественное число.

МР – момент речи.

НВ – настоящее время.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

НМ – «Няня из Москвы».

НСВ – несовершенный вид.

ПВ – прошедшее время.

Простореч – просторечная лексика.

Рис. – рисунок.

с. – страница.

СВ – совершенный вид.

СГД – способ глагольного действия.

Сниж. – сниженная лексика.

ср. – сравните.

Табл. – таблица.

ТГ – тематическая группа.

Устар. – устаревшая лексика.

Фамил. – фамильярная лексика.

Цит. – цитируется.

ЯЛ – языковая личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович, Г.В. Одиночество и свобода / Г.В. Адамович; сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. — СПб.: Алетейя, 2002. — 476 с.
2. Алпатов, А.В. Стилизация речи / А.В. Алпатов // Русская речь. — 1970. — № 4. — С. 16-22.
3. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: уч. пособие / В.М. Алпатов. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 368 с.
4. Аничков, Е.В. Реализм и новые веяния [Электронный ресурс] / Е.В. Аничков. — СПб.: Освобождение, 1910. — 87 с. Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10071672>.
5. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Электронный ресурс] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. — М., 1997. Вып. 35. — С. 272-298. Режим доступа: http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_12APRES.pdf.
6. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Минск: Литература, 1998. — С. 1064-1112.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — 2-е изд. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
8. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
9. Байбородин, А. Без поговорки слово не молвится! (Заметки о русском любо-мудрии и краснобайстве) [Электронный ресурс] / А. Байбородин // Молоко. — 17.09.2007. Режим доступа: <http://moloko.ruspole.info/node/2443>.
10. Бальмонт, К.Д. Горящее сердце (Иван Сергеевич Шмелёв) / К.Д. Бальмонт // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. — М.: Сиб. благозвонница, 2009. — С. 370-379.
11. Баранова, Л.А. Виды стилизации (На материале произведений Джейн Остен): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.04 / Баранова Лада Александровна. — М., 1999. — 19 с.

12. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. — Киев: Next, 1994. — 511 с.
13. Бахтин, М.М. Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. — М., 1975. — С. 484-495.
14. Бахтин, М.М. Слово в поэзии и прозе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. — 1972. — № 6. — С. 54-86.
15. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
16. Бельчиков, Ю.А. Просторечие / Ю.А. Бельчиков // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 402.
17. Бельчиков, Ю.А. Стилизация / Ю.А. Бельчиков // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. — М.: Флинта, Наука, 2003. — С. 674-676.
18. Берберова, Н. Курсив мой: автобиография / Н. Берберова. — М.: Захаров, 2009. — 684 с.
19. Бирюк, О.Л. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка [Электронный ресурс] / О.Л. Бирюк, В.Ю. Гусев, Е.Ю. Калинина. Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php.
20. Бобунова, М.А. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии [Электронный ресурс] / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. — Курск: Изд-во Кур. гос. ун-та, 2007. — 258 с. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/bobunovakhrolenko2.htm>.
21. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. — Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. — 61 с.
22. Богословская, З.М. Устная народная речь русских старожилов Сибири: Сборник текстов / З.М. Богословская. — Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. — 101 с.
23. Болотнова, Н.С. Филологический Анализ текста. Ч. 1. / Н.С. Болотнова. — Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001. — 129 с.

24. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001. – 331 с.
25. Большакова, Г.Н. Единицы с количественной, качественно-количественной и количественно-оценочной семантикой в идиолекте и идиостиле В. Набокова / Г.Н. Большакова // Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка. – М.: Индирик, 2005. – С. 521-534.
26. Большакова, Г.Н. Оппозиция ‘язык – речь’ в современной идиостилистике / Г.Н. Большакова // Филологос: Изд-во Елецкого гос. у-та им И.А. Бунина. – 2009. – Т. 3-4. – № 6. – С. 6-11.
27. Бондарко, А.В. Предисловие. Темпоральность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 3–58.
28. Борисова, М.Б. Слово в драматургии М. Горького / М.Б. Борисова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1970. – 198 с.
29. Бронская, Л.И. Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья: И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин / Л.И. Бронская. – Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2000. – 99 с.
30. Вальцель, О. Проблемы литературной формы / О. Вальцель, В. Дибелиус, К. Фосслер, Л. Шпитцер. – М.: КомКнига, 2007. – 240 с.
31. Васильев, Н.Л. Стилистическая структура языка М.Ю. Лермонтова в сопоставлении с языком А.С. Пушкина: Статистические аспекты / Н.Л. Васильев // Тарханский вестник. – Тарханы, 2002. – Вып. 15. – С. 71-73.
32. Вацуρο, В.Э. Стилизация [Электронный ресурс] / В.Э. Вацуро // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/>.
33. Вежбицкая, А. Русский язык / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1997. – С. 33-88.
34. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Прогресс, 1996. – 326 с.

35. Венцов, А.В. Национальный корпус русского литературного языка: некоторые результаты, приложения и задачи / А.В. Венцов, Е.В. Грудева, В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова // Научно-техническая информация. Сер. 2. — 2005. — № 6. — М.: Индрик. — С. 35-40.
36. Виноградов, В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 360 с.
37. Виноградов, В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1955. — № 1. — С. 60-87.
38. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи / В.В. Виноградов. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 256 с.
39. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. — М.: Высш. шк., 1991. — 448 с.
40. Винокур, Г.О. Филологические исследования / Г.О. Винокур. — М.: Наука, 1990. — 452 с.
41. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Г.О. Винокур. — М.: Наука, 1980. — 236 с.
42. Воробьева, О.И. Семантика и функции ключевых относительных прилагательных в тексте произведений А. Рыбакова и В. Дудинцева: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Воробьева Ольга Ивановна. — СПб, 1993. — 17 с.
43. Гельгардт, Р.Р. Стиль сказов Бажова. Очерки / Р.Р. Гельгардт. — Пермь: Книжное издательство, 1958. — 482 с.
44. Герман, И.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 130 с.
45. Голубева-Монаткина, Н.И. К проблеме сопоставления французского и русского просторечия / Н.И. Голубева-Монаткина // Разновидности городской устной речи. — М.: Наука, 1988. — С. 257-259.
46. Горюнова, Р.М. Жанровая специфика эпоса И.С. Шмелёва «Солнце мертвых» / Р.М. Горюнова // Филологические науки. — М., 1991. № 4. — С. 25-32.
47. Гривенная, Е.Н. Стилизация разговорной речи в художественной прозе: культурно-исторический и лингвистический аспекты (на материале произведений

А. Ремизова): Дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Гривенная Елена Николаевна. — Краснодар, 2006. — 153 с.

48. Гривенная, Е.Н. Стилизация разговорной речи в художественной прозе: культурно-исторический и лингвостилистический аспекты (на материале произведений А. Ремизова): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Гривенная Елена Николаевна. — Краснодар, 2005. — 32 с.

49. Григаркевич, М.П. Типизация народной речи в русской литературной сказке XIX века: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Григаркевич Михаил Павлович. — Минск, 1991б. — 18 с.

50. Григаркевич, М.П. Народная речь в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина / М.П. Григаркевич // Русский язык как объект изучения и преподавания. — Минск, 1991а. — С. 23-28.

51. Гришина, Е.А. Грамматический словарь новых слов русского языка [Электронный ресурс] / Е.А. Гришина, О.Н. Ляшевская. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/gram.php>.

52. Гришина, Е.А. Национальный корпус русского языка как инструмент для изучения вариативности грамматических норм / Е.А. Гришина, С.О. Савчук // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008». — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — С. 161-169.

53. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. — М.: Олма-Пресс, 2001.

54. Данюшина, Ю.В. Дискриминантный анализ лирики поэтов-романтиков / Ю.В. Данюшина // Многомерный анализ в лингвистике. — Смоленск: СГПУ, 2002. — С. 47-57.

55. Добролюбов, Н.А. Замечания о слоге и мерности народного языка [Электронный ресурс] / Н.А. Добролюбов // Полн. собр. соч. в 6 т. / Н.А. Добролюбов — М.: ГИХЛ, 1934-1941. — Т. 1. — С. 525—527. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0890-2.shtml.

56. Долинин, К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Уч. пособие. [Электронный ресурс] / К.А. Долинин. – М.: КомКнига, 2010. 304 с. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm>.
57. Дунаев, М.М. Православие и русская литература / М.М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2002. – Т. 4. – 784 с.
58. Дунаев, М.М. Своеобразие творчества И.С. Шмелёва. (К проблеме «бытовизма» в произведениях писателя) / М.М. Дунаев // Русская литература, 1978. – № 1. – С. 163-176.
59. Дунаев, М.М. Творчество И.С. Шмелёва периода первой русской революции / М.М. Дунаев // Русская литература, 1976. – № 1. – С. 173-181.
60. Дунаев, М.М. Творческая история повести И.С. Шмелёва «Человек из ресторана»: (По первонач. ред., хранящимся в отделе рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина) / М.М. Дунаев, А.П. Черников // Записки Отдела рукописей. – М., 1986. – Вып. 45. – С. 47-60.
61. Дюканова, Н.М. Концептуальная метафора в произведении И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» / Н.М. Дюканова, Л.И. Никонорова // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья. XIX Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011. – С. 422-426.
62. Евдокимова, О.В. Ностальгическая память и «чувствующий» стиль в воспоминаниях И.С. Шмелёва «Старый Валаам» / О.В. Евдокимова // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. – Омск: Изд-во Омский гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2. – С. 21-24.
63. Евреинов, Н.О. постановке «Анатэмы» / Н.О. Евреинов // Аполлон. – № 3. – 1909. – С. 39.
64. Еременко, Л.И. Поэтика рассказов И.С. Шмелёва / Л.И. Еременко, Г.И. Карпова. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2006. – 104 с.
65. Есаулов, И.А. Поэтика литературы русского зарубежья: (Шмелёв и Набоков: два типа завершения традиции) / И.А. Есаулов // Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 238-266.

66. Ефремова, А.Д. Номинативная лексика в текстах собрания «Народные русские легенды» А.Н. Афанасьева в лингвофольклористическом аспекте: Дипломная работа / А.Д. Ефремова. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. – 176 с.
67. Ефремова, А.Д. Лексико-стилистический облик текстов собрания XIX века «Народные русские легенды А.Н. Афанасьева» / А.Д. Ефремова, О.Н. Лагута // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009б. – Том 7. – Вып. 2. – С. 5-17.
68. Ефремова, А.Д. О трудностях изучения языка русской фольклорной религиозной прозы XIX века / А.Д. Ефремова, О.Н. Лагута // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009а. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 32–41.
69. Жантийом, Ив. Из книги «Мой дядя Ваня. Шмелёв в повседневной жизни» / Ив. Жантийом // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. – М.: Сиб. благовонница, 2009. – С. 352-369.
70. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.
71. Жуков, Д.А. Прозрения: Россия на Голгофе / Д.А. Жуков. – М.: Сов. Россия, 1991. – 427 с.
72. Журавлев, А.Ф. Просторечие // Русский язык. Энциклопедия / А.Ф. Журавлев. – М.: Большая Российская Энциклопедия: Дрофа, 1997. – С. 390-391.
73. Завгородняя, Г.Ю. Стилизация в русской прозе XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.01 / Завгородняя Галина Юрьевна. – М., 2010а. – 44 с.
74. Завгородняя, Г.Ю. Стилизация и стиль в русской классической прозе / Г.Ю. Завгородняя. – М.: Литера, 2010б. – 276 с.
75. Зайцев, Б.К. О Шмелёве / Б.К. Зайцев // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. – М.: Сиб. благовонница, 2009. – С. 440-444.

76. Зайцева, Л.Е. Религиозные мотивы в позднем творчестве И.С. Шмелёва (1927-1947 гг.): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Зайцева Лариса Евгеньевна. – М., 1999. – 29 с.
77. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
78. Захидова, Л.С. Специфика идиостиля Ю. Полякова: лексико-семантический аспект: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Захидова Лариса Сергеевна. – Новосибирск, 2009. – 187 с.
79. Земмеринг, Л. Воспоминание о И.С. Шмелёве / Л. Земмеринг // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. – М.: Сиб. благовонница, 2009. – С. 382-395.
80. Земская, Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5-44.
81. Зубова, Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой: Фонетика, словообразование, фразеология / Л.В. Зубова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 232 с.
82. Иванов, В.С. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы RS / В.С. Иванов, В.Н. Топоров // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – С. 63–218.
83. Иванцова, Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе / Е.В. Иванцова // Вестн. Томского гос. ун-та. №291. – Томск, 2006. – С. 5-11.
84. Иванцова, Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. – № 4 (12). – 2010. – С. 24-32.
85. Идиолект. Вып. 1. Сб. научных трудов. – Курск: Изд-во КГПУ, 2000. – 92 с.
86. Идиолект. Вып. 2. Сб. научных трудов. – Курск: Изд-во КГПУ, 2001. – 57 с.
87. Идиолект. Вып. 3. Сб. научных трудов. – Курск: Изд-во КГПУ, 2002. – 70 с.
88. Ильин, И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927-1934) / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 2000. – 560 с.

89. Ильин, И.А. Творчество И.С. Шмелёва / И.А. Ильин // О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв / Ильин И.А. — Мюнхен, 1959. — С. 135-193.
90. Капустин, В.А. Корпус стихотворных произведений Д. Хармса / В.А. Капустин, И.В. Капустина, В.Н. Сажин и др.// Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. — С. 143-147.
91. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 264 с.
92. Карташев, А.В. Религиозный путь И.С. Шмелёва / А.В. Карташев // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. — М.: Сиб. благовонница, 2009. — С. 112-129.
93. Келдыш, В.А. На рубеже художественных эпох (О русской литературе конца XIX – начала XX века) / В.А. Келдыш // Вопросы литературы, 1993. — Вып. 2. — С. 92-105.
94. Ким, И.Е. Категория сопричастности в предвыборной агитации / И.Е. Ким // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2009а. — №52. — С.49-51.
95. Ким, И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение / И.Е. Ким. — Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2009б. — 325 с.
96. Ким, И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.01 / Ким Игорь Ефимович. — Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2011а. — 433 с.
97. Ким, И.Е. Сопричастность и не прямое использование реляционных имен в русском языке / И.Е. Ким // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2011б. — № 5. — С. 112-120.
98. Ким, И.Е. Сопричастность и чуждость в русской языковой картине мира / И.Е. Ким // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат. 2-й междунар. науч. конф. Красноярск, 10-12.09.2007. — Красноярск, 2007. — С. 186-191.

99. Ким, И.Е. Семантические сферы и языковое членение мира / И.Е. Ким // Сибирский филологический журнал. – Вып. 2. – 2012. – С. 217-224.
100. Китайгородская, М.В. Наблюдения над построением устного просторечного текста / М.В. Китайгородская // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 156-182.
101. Кишина, Е.В. Комплексное исследование категории «свойственность – чуждость» в русском языке / Е.В. Кишина // Вестн. Томского гос. ун-та. – Томск: Томский гос. ун-т, 2009. – С. 11-14.
102. Ключков, А.В. Лингвостилистические особенности литературного сказа в межъязыковом аспекте: Дис... к. филол. н.: 10.02.19 / Ключков Алексей Валерьевич. – Орел, 2006. – 178 с.
103. Клюев, Е.В. Литературный сказ как проблема стилистики художественной и публицистической речи: Автореф. дис. ... к. филол. н. / Клюев Евгений Васильевич. – М., 1981. – 17 С.
104. Клюев, Е.В. Опыт дефиниции стилеобразующих категорий литературного сказа / Е.В. Клюев // Филол. науки. – 1979. – № 4. – С. 38-45.
105. Клюев, Е.В. Стилистика литературного вида. К изучению проблемы сказа / Е.В. Клюев // Стилистика художественной речи. – Калинин, 1982. – С. 119-137.
106. Клюканов, И.Э. К функциональной характеристике графических приемов / И.Э. Клюканов // Стилистика художественной речи: межвуз. темат. сб. – Калинин, 1982. – С. 58-76.
107. Ковалёва, Л.В. Лексемы, обозначающие религиозные постройки, в произведениях И.С. Шмелёва / Л.В. Ковалёва // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья. XVIII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011а. – С. 155-160.
108. Ковалёва, Л.В. Язык произведения И.С. Шмелёва «Лето Господне» / Л.В. Ковалёва // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья. XIX Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011б. – С. 404-410.

109. Коваль, С.А. О взаимоотношениях корпусной и фундаментальной лингвистики / С.А. Коваль // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 149-158.
110. Кожевникова, Н.А. О типах повествования в советской прозе / Н.А. Кожевникова // Вопросы языка современной русской литературы. – М., 1971. – С. 97-163.
111. Кожевникова, Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. / Н.А. Кожевникова. – М.: Институт русского языка РАН, 1994. – 335 с.
112. Козьменко, М.В. Проблемы стилизации в русской прозе десятих годов XX века: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Козьменко Михаил Васильевич. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 23 с.
113. Колосова, Е.И. Язык книги И.С. Шмелёва «Лето Господне» (анализ употребления грамматических синонимов у глаголов на -ать) [Электронный ресурс] / Е.И. Колосова // Русская и сопоставительная филология. – Казань, 2003. – С. 38-42. Режим доступа: <http://www.ksu.ru/fil/kn2/index.php?sod=7>.
114. Компанеец, В.В. Проза И.С. Шмелёва периода эмиграции как социокультурный и эстетический феномен / В.В. Компанеец // Гуманитарные исследования = Humanitaria studia. – Астрахань, 2003. – № 6. – С. 61-71.
115. Коннова, М.Н. Цветовые особенности концепта «праздник» в романе И.С. Шмелёва «Лето Господне» (на примере праздника Пасхи) / М.Н. Коннова // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья. XVIII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта, 2011. – С. 169-175.
116. Копотев, М.В. Неоднозначность и пути ее разрешения в Хельсинском аннотированном корпусе «ХАНКО» / М.В. Копотев // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 165-175.
117. Копотев, М.В. Современная корпусная русистика / М.В. Копотев, А. Мустайоки // Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики: корпусные подходы. – Хельсинки, 2008. – С. 16-20.

118. Кормилов, С.И. Особенности организации повествования в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» / С.И. Кормилов // И.С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2007. – С. 12-22.
119. Корпусный анализ русского стиха: Сб. научных статей / Отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова.. — М.: Азбуковник, 2013. — 266 с.
120. Костючук, Л.Я. К вопросу о взаимодействии псковской народной речи с книжно-литературной: (Лексич. и фразеолог. параллели в псковских говорах, памятниках письменности и соврем. лит. яз.) / Л.Я. Костючук // Литературный язык и народная речь. — Пермь: Пермский гос. ун-т, 1991. — С. 138-146.
121. Кронгауз, М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. — М.: Изд-во РГГУ, 2001. — 399 с.
122. Кубасов, А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации / А.В. Кубасов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. — 399 с.
123. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. — М.: Изд-во РГГУ, 1995. — С. 144–238.
124. Кузмин, М.А. О прекрасной ясности [Электронный ресурс] / М.А. Кузмин // Аполлон. — 1910. — № 4. Режим доступа: https://web.stanford.edu/class/slavic272/materials/declarations/kuzmin_iasnost1909.pdf
125. Кузнецова, Г. И.С. Шмелёв – христианин: К 130-летию со дня рождения / Г. Кузнецова // К единству (Журнал Международного фонда единства православных народов). — М., 2003. — №5. — С. 27-30.
126. Кузнецова, Л.Н. В.В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект: Дис ... к. филол. н.: 10.02.19 / Кузнецова Лариса Николаевна. — Сочи, 2013. — 234 с.
127. Куприн, А.И. К 60-летию И.С. Шмелёва / А.И. Куприн // За рулем (Revue Illustree des Automobilistes Russes). — Париж, 1933. — №7 (декабрь). — С. 6-7.
128. Лагута, О. Релятивы-полисеманты в текстах русской религиозной фольклорной прозы XIX века и примеры их лексикографической фиксации / О. Лагута,

- А. Ефремова, М. Подовалова и др. // Концептосфера и языковая картина мира. Сер. «Филологический сборник». – Кемерово: Графика, 2006. – Вып. 9.
129. Лагута, О.Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: Учебный словарь терминов. Ч. 2. / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – 138 с.
130. Ларин, Б.А. О народной фразеологии // История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – С. 149-162.
131. Лау, Н.В. «Лики святости» и «Маски бесовства» в прозе русской эмиграции (И. Шмелёв, Б. Зайцев, И. Бунин) / Н.В. Лау // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2009. – № 115. – С. 226-230.
132. Лау, Н.В. Воплощение идеала «духовного странника» в прозе И.С. Шмелёва и Б.К. Зайцева / Н.В. Лау // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2008. – № 76-1. – С. 212-217.
133. Леденёва, В.В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова / В.В. Леденёва. – М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. – 185 с.
134. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
135. Литература русского зарубежья (1920-1990 гг.): Учеб. пособие / Под общ. ред. А.И. Смирновой. — М.: Флинта; Наука, 2006. — 637 с.
136. Литературная энциклопедия: В 11 т. / Гл. ред. А.В. Луначарский [Электронный ресурс]. – М., 1929-1939. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclorp/>.
137. Лихачев, Д.С. Будущее литературы как предмет изучения: заметки и размышления / Д.С. Лихачёв // Новый мир. – 1969. – № 9. – С. 167–184.
138. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии [Электронный ресурс] / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/lose000/txt083.htm>.
139. Лосев, А.Ф. Проблема художественного стиля / А.Ф. Лосев. – Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. – 286 с.
140. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. – СПб.: Академический проект, 2002. – 543 с.

141. Любомудров, А.М. Духовный реализм в литературе русского: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв / А.М. Любомудров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
142. Любомудров, А.М. Православное монашество в творчестве и судьбе И.С. Шмелёва / А.М. Любомудров // Христианство и русская литература. – СПб., 1994. – С. 364-394.
143. Лютикова, В.Д. Языковая личность и идиолект / В.Д. Лютикова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. – 187 с.
144. Макарова, Л.А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И.С. Шмелёва: Малые жанры прозы: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Макарова Людмила Александровна. – М., 2007. – 28 С.
145. Малышева, Е.Г. Идиостиль Владислава Ходасевича (опыт когнитивно-языкового анализа). Автореф. дис... к. филол. н.: 10.02.01 / Малышева Елена Григорьевна. – Омск, 1997. – 22 с.
146. Мамедова, С.И. Образ и характер Ильи Шаронова (И.С. Шмелёв «Неупиваемая чаша») / С.И. Мамедова // Вопр. филол. наук. – 2007. – №6. – С. 10-14.
147. Мангеймский корпус немецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>.
148. Мануйлова, И.В. Формы и средства языковой историко-поэтической стилизации в романах И. Новикова «Пушкин в изгнании» и В. Гроссмана «Арион»: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Мануйлова Инесса Владимировна. – Ставрополь, 2006. – 23 с.
149. Мартыненко, Г.Я. Семантика корпуса русского городского романа / Г.Я. Мартыненко // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – С. 255-262.
150. Мартыянова, С.А. Образ няни в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» в историко-литературном контексте / С.А. Мартыянова // И.С. Шмелёв и духовные традиции славянской культуры. XI Крымские Международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2004. – С. 77-86.
151. Медведева, Н.В. Опыт лингвистического анализа публицистических текстов И.С. Шмелёва / Н.В. Медведева // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья.

бежья. XIX Крымские международные Шмелёвские чтения. — Алушта, 2011. — С. 410-416.

152. Меренкова, Д.Е. Способы передачи сказовой манеры Н.С. Лескова с русского на английский язык: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.20 / Меренкова Диана Евгеньевна. — М., 2009. — 22 с.

153. Меркулова, В.И. Художественная роль звукоподражательных слов в произведениях И.С. Шмелёва / В.И. Меркулова // И.С. Шмелёв и литературный процесс накануне XXI века. VII Крымские Международные Шмелёвские чтения. — Симферополь, 1999. — С. 208-211.

154. Мерцалова, О.С. Художественная объективизация цветового восприятия в произведениях И.С. Шмелёва и Б.К. Зайцева 1920-1930 гг.: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Мерцалова Оксана Сергеевна. — Орёл, 2007. — 22 с.

155. Минералов, Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность) / Ю.И. Минералов. — М.: Владос, 1999. — 360 с.

156. Минц, З.Г. Статистический подход к исследованию плана содержания художественного текста / З.Г. Минц // Блок и русский символизм. Избр. тр.: В 3 кн. Кн. 1: Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. — СПб: Искусство, 1999. — С. 679-698.

157. Михайлов, М.Н. Липа и Веник: к вопросу об аннотировании имен собственных в корпусе текстов / М.Н. Михайлов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. — С. 256-269.

158. Михалевич, О.В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект / О.В. Михалевич // Вестник КРАУНЦ: Изд-во Камчатского гос. ун-та им. Витуса Беринга. Гуманитарные науки. — № 1(17). — 2011. — С. 145-151.

159. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. — М.: УРСС, 2003. — 296 с.

160. Москвитина, Л.И. Средства разговорного синтаксиса в художественной прозе (на материале рассказов И.С. Шмелёва) / Л.И. Москвитина // И.С. Шмелёв и лите-

- ратурный процесс накануне XXI века. VII Крымские Международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 1999. – С. 202-203.
161. Мочульский, К.В. О Шмелёве / К.В. Мочульский // Кризис воображения / К.В. Мочульский. – Томск: Водолей, 1999. – С. 124-126.
162. Мухин, М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора / М.Ю. Мухин // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. – Челябинск, 2009. – Вып. 8. – С. 51-55.
163. Мухин, М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): Автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.19 / Мухин Михаил Юрьевич. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.
164. Мущенко, Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 287 с.
165. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>.
166. Некрылова, А. Русский традиционный календарь / А. Некрылова. – М.: Азбука-Классика, 2007. – 768 с.
167. Николина, Н.А. Поэтика повести И.С. Шмелёва «Лето Господне» / Н.А. Николина // Русский язык в школе. – 1994. – №5. – С. 69-75.
168. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. М.: Русский язык, 1988. 300 с.
169. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 662 с.
170. Ожегов, С.И. Работы по культуре речи [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – 1974. – С. 276-285. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/ozhegov-74b.htm>.
171. Павлова, Д.В. Православная традиция и проблемы самосознания русской культуры. Алексей Ремизов, Иван Шмелёв / Д.В. Павлова // Христианство и культура: К 2000-летию Христианства. – 2000. – С. 94-100.

172. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
173. Панова, Л.Г. Поэтическая картина мира Мандельштама: от статистики – к семантике / Л.Г. Панова // Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка. – М., 2005. – С. 535-541.
174. Пекарская, Е.А. Типологизация языковой личности: опыт системного описания / Е.А. Пекарская // Вестник ЧитГУ. – № 1 (58). – 2010. – С. 100-104.
175. Пеньковский, А.Б. О семантической категории чуждости в русском языке / А.Б. Пеньковский // Очерки по русской семантике. Серия «Studia philologica». – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 6-27.
176. Перцов, Н.В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях / Н.В. Перцов // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – С. 318-331.
177. Петрищева, Е.Ф. Стилеобразующие факторы и стилистически окрашенная лексика / Е.Ф. Петрищева // Структура лингвостилистики и ее основные категории. – Пермь, 1983. – С. 29-33.
178. Петроченко, М.Н. Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Петроченко Мария Николаевна. – Томск, 2005. – 227 с.
179. Пешковский, А.М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения / А.М. Пешковский // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика / А.М. Пешковский. – Л.: Государственное издание, 1925. – С. 153-166.
180. Письма И.С. Шмелёва к Раисе и Людмиле Земмеринг [Электронный ресурс] // Новый Мир. – 2004. – №11 // Режим доступа: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/shmelev-zemmering.htm>.
181. Платонова, О.А. И.С. Шмелёв и А.П. Чехов: о преемственности религиозных мотивов творчества / О.А. Платонова // Духовные начала русского искусства и образования. – Вел. Новгород. – 2007. – С. 343-348.

182. Плунгян, В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение/ В.А. Плунгян // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. — М.: Индрик, 2005. — С. 6-20.
183. Подвигина, Н.Б. Индивидуально-авторская специфика репрезентации религиозных концептов в романе И.С. Шмелёва «Лето Господне» / Н.Б. Подвигина // И.С. Шмелёв и писатели литературного зарубежья. XIX Крымские международные Шмелёвские чтения. — Алушта, 2011. — С. 416-421.
184. Подвигина, Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И.С. Шмелёва (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне»): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Подвигина Надежда Борисовна. — Воронеж, 2010. — 18 с.
185. Полищук, Г.Г. О способах стилизации разговорной интонации в художественных произведениях / Г.Г. Полищук // Вопросы стилистики. — Вып. 3. — Саратов, 1969. — С. 113-124.
186. Полторацкая, С.В. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И.А. Бунина и И.С. Шмелёва: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Полторацкая Светлана Владимировна. — М., 2006. — 22 с.
187. Попова, Е.А. От первого лица (Сказ у Н.С. Лескова) / Е.А. Попова // Русская речь. — 2002. — № 5. — С. 9-15.
188. Порядина, Р.Н. Лики «чужого» в народной культуре / Р.Н. Порядина // Вестник Томского государственного университета. №295. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. — С. 44-50.
189. Прадид, Ю.Ф. Из наблюдений над использованием фразеологизмов с компонентами «душа», «сердце» в повести И.С. Шмелёва «Человек из ресторана» / Ю.Ф. Прадид // И.С. Шмелёв и русская литература XX века. III Крымские Шмелёвские чтения. — Алушта, 1994. — С. 55-57.
190. Проскуряков, М.Р. Текстобразующая функция фразеологических единиц (на материале романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы»): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Проскуряков Максим Русланович. — СПб., 1995. — 14 с.

191. Пушкарёва, Л.С. О некоторых особенностях сюжетно-композиционной структуры рассказов И.С. Шмелёва 1910-х годов / Л.С. Пушкарёва // Вопросы сюжета и композиции в русской литературе. – Горький, 1988. – С. 92-102.
192. Райская, Л.М. Народная речь Среднего Приобья / Л.М. Райская // Русская речь. – М., 1986. – № 3. – С. 112-118.
193. Рубашкин, В.Ш. Семантическая разметка – слова и понятия / В.Ш. Рубашкин // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 304-315.
194. Руднева, Е.Г. «Магия словесного разнообразия» (о стилистике И.С. Шмелёва) / Е.Г. Руднева // Филол. науки. – 2002. – №4. – С. 60-65.
195. Руднева, Е.Г. О поэтике сказа («Няня из Москвы» И.С. Шмелёва) / Е.Г. Руднева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2005. – №3. – С. 115-122.
196. Руднева, Е.Г. О стилистике сказа в «Няне из Москвы» И.С. Шмелёва / Е.Г. Руднева // Художественный мир И.С. Шмелёва в традиции славянских литератур. XII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2004. – С. 58-60.
197. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. / Под ред. Н.Ю. Шведовой — М.: Наука, 1980. – 789 с.
198. Русские простонародные легенды и рассказы: Сборник 1861 г. / Изд. подг. В.С. Кузнецова, О.Н. Лагута, А.М. Лаврентьев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 320 с.
199. Рыков, В.В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы [Электронный ресурс] / В.В. Рыков // Труды Международного семинара Диалог-2002. – М.: Наука, 2002. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7373>.
200. Рылова, Е.В. Символ как креативный аттрактор речевого произведения (на материале текстов О.Э. Мандельштама): Дис...к. филол. н.: 10.02.19 / Рылова Елена Владимировна. – Горно-Алтайск, 2000. – 222 с.

201. Садохин, А.П. Языковая личность и ее структура в межкультурной коммуникации. Библиотечное дело – XXI век. А.П. Садохин – 2008. – №1 (15). – С. 94-99.
202. Сакулин, П.Н. Филология и культурология / П.Н. Сакулин. – М.: Высшая школа, 1990. – 240 с.
203. Сахно, С.Л. «Свое – чужое» в концептуальных структурах / С.Л. Сахно // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 95-101.
204. Сепик, Г.В. Особенности сказового построения художественного текста (на материале новелл и повестей Н.С. Лескова): Автореф. дис. ... к. филол. н. / Сепик Галина Викторовна. – М., 1990. – 17 с.
205. Серафим (Иванов), архиепископ Чикагский и Дейройтский. Бытописатель русского благочестия / Серафим (Иванов) // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. – М.: Сиб. благовозвонница, 2009. – С. 405-410.
206. Серебренникова, А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Серебренникова Анна Николаевна. – Томск: Том. гос. ун-т., 2005. – 22 с.
207. Середа, Ю.С. Основы информационно-статистического анализа текстов / Ю.С. Середа. – Н. Новгород: Поволжье, 2009. – 180 с.
208. Синелева, А.В. Атрибуция «Романа с кокаином»: лингвостатистическое исследование: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.21 / Синелева Анастасия Васильевна. – СПб.: Петерб. гос. ун-т, 2001. – 22 с.
209. Синтаксис и стилистика: Сб. ст. / Под. ред. Г.А. Золотовой. – М.: Наука, 1976. – 316 с.
210. Синтаксис текста: Сб. ст. / Под. ред. Г.А. Золотовой. – М.: Наука, 1979. – 347 с.
211. Смирин, И.А. К проблеме сказа и его типологии в русской советской прозе / И.А. Смирин // Проблемы типологии литературного процесса. – Пермь, 1978. – С. 66-78.

212. Смирнова, М.Г. Пути земные / М.Г. Смирнова // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. — М.: Сиб. благовонница, 2009. — С. 134-170.
213. Смоличева, С.В. Поэтика стилизации и пародирования в драматургии В.В. Набокова: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Смоличева Софья Владимировна. — Таганрог, 2007. — 19 с.
214. Соколова, В.П. Функционирование предложений с сочинительными союзами в начальной позиции в художественном тексте / В.П. Соколова // Художественная речь. Функциональный и сопоставительно-функциональный анализ текста. Межвуз. сб. н. тр. — Самара: Изд-во СГПИ, 1992. — С. 112-118.
215. Соколова, Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Соколова Л.А. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. — 278 с.
216. Солнцева, Н.М. И.С. Шмелёв и литературная борьба в эмиграции 1920-х годов / Н.М. Солнцева // В традициях историзма. — М.: Изд-во МГУ, 2005. — С. 44-57.
217. Солнцева, Н.М. Иван Сергеевич Шмелёв: Аспекты творчества / Н.М. Солнцева. — М.: Круг, 2006. — 256 с.
218. Сорокин, Ю.А. Текст и его пространство / Ю.А. Сорокин // Категоризация мира: пространство и время. — М.: Диалог МГУ, 1997. — С. 37-38.
219. Сорокина, О. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О. Сорокина. — М.: Моск. Рабочий; Скифы, 1994. — 400 с.
220. Сорокина, О.Н. Творческий путь И.С. Шмелёва в эмиграции / О.Н. Сорокина // Духовный путь Ивана Шмелёва, 1873-1950: ст., очерки, воспоминания. — М.: Сиб. благовонница, 2009. — С. 60-87.
221. Спиридонова, Л.А. Трагедия И. Шмелёва, писателя и человека / Л.А. Спиридонова // Шмелёв И. Родное. — М.: Старая Басманная, 1996. — С. 131-150.
222. Спиридонова, Н.Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения / Н.Ф. Спиридонова // Тр. Междунар. семинара «Диалог'97 по компьютерной лин-

- гвистике и ее приложениям». Ясная поляна, 10-15.06.1997. – М., 1997. – С. 264-265.
223. Станюкович, Н. Ив. Шмелёв. Свет вечный / Н. Станюкович. // Возрождение. – 1969. – № 210. – С. 113-118.
224. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
225. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7-13.
226. Таянова, Т.А. И.С. Шмелёв как религиозный писатель (обзор) / Т.А. Таянова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – № 2. – С. 135-147.
227. Томашевский, Б.В. Теория литературы / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект пресс, 2002. – 334 с.
228. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В.Н. Топоров. – М.: Гнозис, 1995. – 544 с.
229. Троицкий, В.Ю. Стилизация / В.Ю. Троицкий // Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – С. 164-194.
230. Тынянов, Ю.Н. Достоевский и Гоголь. К теории пародии / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 198-226.
231. Фёдоров, А.И. Семантическая основа образных средств языка / А.И. Фёдоров. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1969. – 91 с.
232. Фёдоров, М.Л. Роль личных местоимений в композиции произведений Ин.Анненского: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Фёдоров Максим Львович. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2008. – 29 с.
233. Филиппов, А.В. Сто пятнадцать приемов ораторской речи: Учебное пособие по курсу «Риторика» [Электронный ресурс] / А.В. Филиппов. – М.: ГАСБУ, 1998. – 56 с. Режим доступа: <http://isd82.narod.ru/books/01.pdf>.

234. Фурсенко, В.И. Коннотативные языковые элементы, содержащие идеоэтнический компонент эмотивной семантики, в прозе И. Шмелёва / В.И. Фурсенко // И.С. Шмелёв и русская литература XX века. III Крымские Шмелёвские чтения. — Алушта, 1994. — С.57-58.
235. Черников, А.П. Духовно-нравственные искания в автобиографической прозе Русского зарубежья (Бунин – Шмелёв – Зайцев) / А.П. Черников // Литература в школе. — 2008. — № 6. — С. 3-6.
236. Черников, А.П. Лики жизни: Калужские страницы творчества биографии И.С. Шмелёва / А.П. Черников. — Калуга: Гриф, 2002. — 152 с.
237. Черников, А.П. Проза И.С. Шмелёва. Концепция мира и человека / А.П. Черников. — Калуга: Калужский обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995. — 344 с.
238. Чудаков, А.П. Сказ / А.П. Чудаков, К.В. Чистов // Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1976. — С. 488.
239. Чудинов, В.А. Проблема языкового субъекта [Электронный ресурс] / В.А. Чудинов. — 2010. Режим доступа: <http://runitsa.ru/publications/328/>.
240. Шаров, С.А. Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта / С.А. Шаров // Научно-техническая информация. — Сер. 2. — 2003. — № 6. — С. 9-17.
241. Шешунова, С.В. Национальный образ мира в русской литературе (П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелёв, А.И. Солженицын): Автореф. дис. ... д-ра. филол. н.: 10.01.01 / Шешунова Светлана Всеволодовна. — Дубна, 2006. — 42 с.
242. Шешунова, С.В. Образ мира в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» / С.В. Шешунова. — Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2002. — 99 с.
243. Шешунова, С.В. Поэтика сказки в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» / С.В. Шешунова // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра: Сб. науч. тр. — Саратов, 2001. — С. 113-119.

244. Шешунова, С.В. Роман И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» в свете категории соборности / С.В. Шешунова // И.С. Шмелёв в контексте славянской культуры. VIII Крымские Международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2000. – С. 24-28.
245. Шмелёв, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
246. Шмелёв И.С. и Бредиус-Субботина О.А.: Роман в письмах: В 2 т. [Электронный ресурс]. – М.: РОССПЭН, 2003 и 2005. Режим доступа: <http://shmelev.info.ru/shmelev/pisma/bredius-subboyinoy/1939-1942-10.htm>.
247. Шмелёв, И.С. Няня из Москвы / И.С. Шмелёв. – Париж: Возрождение, 1936. – 187 с.
248. Шмелёв, И.С. Собр. соч.: В 12 т / И.С. Шмелёв. – М.: Сиб. Благовонница, 2008.
249. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
250. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А.Н. Шрамм. – Л.: Изд-во Л. ун-та, 1979. – 134 с.
251. Эйхенбаум, Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б.М. Эйхенбаум // О прозе: сб.ст. // Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 306-326.
252. Эйхенбаум, Б.М. Литература: Теория. Критика. Полемика [Электронный ресурс] / Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Прибой, 1927. Режим доступа: <http://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html>.
253. Юровская, Л.А. Культурологический аспект романа И. Шмелёва «Лето Господне» / Юровская Л.А. // Становление гуманитарной культуры личности в системе образования. – Барнаул: БГПУ, 2000. – С. 137-139.